

№ *1* СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ
3
2013

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

3
2013
МАЙ
ИЮНЬ

Содержание

СТАТЬИ

Кэзан И. (Бухарест). Румынские земли глазами русских очевидцев (с начала наполеоновских войн до Адрианопольского договора 1829 года).....	3
Виноградов В.Н. (Москва). Триумф и драма победителя	14
Хаванова О.В. (Москва). К 130-летию со дня рождения венгерского историка Дюлы Секфю (1883–1955).....	27
Хатош П. (Будапешт). Дюла Секфю в 1945–1955 годах.....	32
Тимофеев П.П. (Москва). Россия и Франция на Балканах в 1990–1995 годах.....	44
Собакина О.В. (Москва). Фортепианное творчество польских композиторов первой половины XX века в контексте культурно-стилевых процессов.....	60
Кожанов К.А. (Москва). История изучения глагольных префиксов в литовском языке. I	70

СООБЩЕНИЯ

Арлукевич А.Б. (Гродно). Положение российских гвардейских подразделений в Северо-Западном крае во время Крымской войны (1854–1856).....	80
Гришина Р.П. (Москва). Со знанием и волнением о советско/российско-болгарских отношениях 1944 – начала XXI века.....	88

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Задорожнюк Э.Г. К.В. Никифоров. Сербия на Балканах. XX век	101
Ганус С.А. М.М. Криль. Історія країн Центрально-Східної Європи. Навчальний посібник	105
Макарецв М.М. В.Н. Федотова. Болгарская музыка XX века в контексте национальной художественной культуры. Очерки.....	109

Поляков Д.К. Д. Подмакова. Освальд Заградник и его предшественники: Долгая история спектакля «Соло для часов с боем»	113
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Фролова М.М. Круглый стол «Российская и болгарская государственность: проблемы взаимодействия. XIX–XXI вв.»	117
Письма в редакцию	121

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИППИУС,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а,

Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2013 г.

© Редакция журнала «Славяноведение»
(составитель), 2013 г.

© 2013 г. И. КЭЗАН

РУМЫНСКИЕ ЗЕМЛИ ГЛАЗАМИ РУССКИХ ОЧЕВИДЦЕВ (С НАЧАЛА НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН ДО АДРИАНОПОЛЬСКОГО ДОГОВОРА 1829 года)

В статье на основе путевых заметок русского историка Д. Бантыша-Каменского, приказов фельдмаршала М.И. Кутузова, командовавшего русской армией во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг., и ряда других источников реконструируются особенности восприятия Дунайских княжеств русскими очевидцами в первые десятилетия XIX в.

Basing on the travel-notes of the Russian historian Dmitry Bantysh-Kamensky, orders of Field Marshal Mikhail Kutuzov, who was the commander-in-chief of the Russian army during the Russian-Turkish war of 1806–1812, and some other sources, the article reconstructs how Russian eyewitnesses perceived the Danubian Principalities in the first decades of the nineteenth century.

Ключевые слова: Дунайские княжества, русско-турецкая война 1806–1812 гг., Кутузов, русские путешественники, путевые записки.

Тенденции модернизации румынских обществ в Валахии и Молдове начали проявляться уже с конца XVIII в. Иностранные путешественники, побывавшие в Дунайских княжествах после заключения Кючук-Карнаджийского договора 1774 г., отмечали как влияние греческой культуры, так и наличие в повседневной жизни элит Валахии и Молдовы турецких обычаев. Но по прошествии всего лишь трех десятилетий наблюдатели, приезжавшие извне, все чаще фиксировали в обоих княжествах влияние западного мира. Причем свидетельства современников раскрывают интересный момент. Для румын в роли носителей западной культуры выступали в первую очередь офицеры русских оккупационных войск, и уже во вторую очередь – представители австрийской армии, воспринимавшиеся в обществе как враждебные элементы, а после перехода в 1770-е годы под юрисдикцию Австрийской империи Буковины – как склонные к самоуправству чиновники, принесшие с собой на румынские земли слишком жесткую административно-финансовую систему, неприемлемую для местных бояр. Культурные же элиты румынских княжеств в это время с довольно большим доверием относились к освободительной миссии царской армии, позиционировавшей себя в качестве защитника православных на Балканах.

Общность конфессии, сходство институтов, унаследованных со Средневековья, и не в последнюю очередь близость менталитета румынского боярства и русского дворянства – все это способствовало большей открытости румынских обществ

Кэзан Ильяна – доктор истории, профессор, зам. директора Института истории имени Николае Йорга Румынской академии, Бухарест.

для русских. Ориентация элит на новую державу нашла отражение в румынской историографии XVIII в., особенно в Молдове. Достаточно обратиться к творчеству Димитрие Кантемира и Иоана Некулче, чтобы понять, почему молдавские бояре относились с гораздо большим доверием к Российской империи, нежели к Габсбургской, рассчитывая на изгнание с помощью России осман и установление ее протектората, а отнюдь не нового оккупационного режима подобно установленному на 20 лет Габсбургами в Олтении в 1718 г.

Однако реальный опыт пребывания царских войск на территории румынских княжеств, начиная с русско-австро-турецкой войны 1735–1739 гг., привел к разочарованиям, поскольку тяготы жизни населения под российской оккупацией были не меньшими, чем в случае с австрийским военным присутствием. Это разочарование отразилось в творчестве Иоана Некулче, который тщательно проанализировал 12 пунктов приказа русского генерала Миниха, установившего в 1737–1738 гг. систему налогов, легшую тяжким грузом на всех, в том числе и на бояр. Он пришел к следующим выводам: «Эти 12 пунктов Миних адресовал боярам и сказал, что если они их не примут, то он предаст огню город. И так заставил он их подписаться под своими 12 пунктами [...] И потом увидите, во что превратилось прежнее уважение бояр к Миниху. Как будто сладкое венгерское вино превратилось в горький яд и смех в слезы, а добрая воля в страх и ужас» (см. [1. Р. 393])¹.

Но несмотря на все это еще и в начале XIX в. русские офицеры продолжали служить примером для подражания (своего рода моделями) для местных элит; можно отметить тот примечательный факт, что западная мужская одежда, вплоть до начала Первой мировой войны ассоциировавшаяся с немецким стилем, на самом деле была изначально изготовлена в соответствии с русскими образцами. Австрийский офицер хорватского происхождения Теодор (Федор) Карачай отмечал в 1814 г., что в период русской оккупации Молдовы (1806–1812) молодежь, жаждавшая порвать с восточными обычаями, отбрасывала в сторону кафтаны и надевала европейскую одежду, о которой имела представление по одеяниям выходцев из русской элиты, с которыми ей приходилось контактировать [3. Р. 767]. Впрочем, недолго этим молодым людям пришлось красоваться в своем новом одеянии: после восстановления в 1812 г. османского господства (кроме Бессарабии, отошедшей к России), опасаясь преследований за русофильство, они переоделись в свои традиционные наряды.

Временное присутствие русских армий породило, как и следовало ожидать, противоречия. Предметом большой переписки командующего российской армии фельдмаршала М.И. Кутузова стали налоги, бравшиеся с населения, а также насильственные реквизиции. Выясняется, что в ответ на постоянные жалобы жителей оккупированных земель принимались и меры по пресечению злоупотреблений. Своеобразный конфликт с культурной подоплекой произошел во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. По свидетельству итальянского путешественника Лионардо Панзини (1776), библиотека князя Николае Маврокордата, содержащая ценнейшие книжные издания и рукописи, переданные согласно завещанию монастырю Вэкэрешть, была разворована русскими солдатами [4. Р. 219–221]. Своеобразную тягу именно к старинным, ценным книгам и манускриптам, значимым для истории и культуры Дунайских княжеств, некоторые русские военные продемонстрировали в этот период и при разграблении других монастырей (см. [5. Р. 222]).

Контакты между румынским обществом и представителями русского общества нашли отражение и в свидетельствах русских очевидцев, оказавшихся, в основном по долгу службы, в Дунайских княжествах и в годы русско-турецкой войны

¹ О реакции крупных молдавских бояр на оккупационную систему, установленную генералом Минихом, см. в [2. Р. 40–46].

1806–1812 гг. Речь здесь идет прежде всего о выходцах из Российской империи, а не об офицерах германского или французского происхождения, служивших в русской армии. Эти последние, как правило, воспитанные на современной западной культуре, оказавшись в другом мире, были склонны соотносить увиденное там с ценностями Запада, что сказывалось на их оценках. Выходцы же из России, имевшие несколько иной «горизонт ожиданий», были, как правило, менее претенциозны в этом плане, менее критичны к румынским реалиям, которые, если даже и могли им показаться отсталыми, находились все же в более привычном для них измерении (особенно там, где дело касалось сельского мира и маленьких провинциальных городов). При этом совсем не удивительно стремление людей, пришедших на румынские земли в составе оккупационных военных формирований, оправдывать присутствие иностранной армии на этих землях взятой ею на себя освободительной, цивилизаторской миссией (см. [6. Р. 77–81]). Среди русских чиновников, призванных обеспечивать нормальное политическое и административное функционирование обоих Дунайских княжеств, некоторые старались как можно более добросовестно выполнять свои обязанности. Сенатор Кушников, адмирал Чичагов или генерал Сабанеев оказались людьми весьма достойными и бескорыстными, искренне стремившимися побороть коррупцию. Со всей строгостью относился к злоупотреблениям и фельдмаршал Кутузов.

Попытки призвать местные органы (в частности Диваны) к порядку и дисциплине далеко не всегда пользовались поддержкой автохтонного боярства, зачастую никоим образом не желавшего отказываться от привычной ему коррумпированной фанариотской системы. Все это приводило в уныние российских чиновников. В конце концов представители российской военной администрации, контролировавшей Дунайские княжества во время шестилетней русско-турецкой войны, перестали бороться с коррупцией и растратами, пойдя по более простому пути – получения своей доли прибыли (об этом свидетельствует и адмирал П.В. Чичагов [3. Р. 547]). В результате некомпетентные и коррумпированные функционеры из числа бояр, составлявших Диван, оставались при своих должностях при господарских дворах, пусть ради этого им приходилось прибегать к подкупу оккупационных властей. В Олтении же генерал Милорадович, по свидетельству современников, на протяжении четырех лет эксплуатировал золотые прииски в целях собственного обогащения [3. Р. 324].

Корреспонденция фельдмаршала М.И. Кутузова [7] содержит немало интересных фактов, касающихся взаимоотношений между оккупационной армией и гражданским населением. Так, 10 декабря 1808 г. Кутузов запретил войскам главного корпуса брать самовольно фуры у местного населения. Представитель царской власти в Диване Валахии и Молдовы сенатор Кушников информировал фельдмаршала о том, что находившиеся в Яссах «разные воинские чины самовольно отнимают у обывателей и употребляют к перевозке по собственным своим надобностям фуры, на коих хозяева оных привозят в город на продажу дрова и разные другие потребности, и что от сего обыватели, опасаясь, что фуры их будут от них отобраны», прекращают поставки в город. Кутузов потребовал, «дабы подобные своевольные захватывания у обывателей подвод были прекращены, в противном случае будет строго взыскано с начальников тех команд, которые сие учинят». Ответствующему коменданту было поручено «иметь за сим неусыпное смотрение и ежедневно поутру рапортовать [...] о тех нижних чинах, которые будут взяты под караул за неисполнение сего приказа» [7. С. 91]².

В те же дни фельдмаршал получил информацию о том, что молдавские крестьяне в ряде сел по приказу одного из полковых командиров «употреблены на исправление воинских надобностей и что, сверх того, и лошади их обращены в

² На румынском языке приказы и корреспонденция М.И. Кутузова, относящиеся к русско-турецкой войне 1806–1812 гг., опубликованы в [3].

почтовую гоньбу». «Такое насилие и самоуправство, непозволительное в благоустроенном войске», вызвало возмущение командующего, который в приказе от 17 декабря 1808 г. запретил командирам привлекать к трудовой повинности местных жителей, отвлекая их тем самым от «обязанностей их домашних», тем более, что это может негативно сказаться на снабжении русской армии продовольствием [7. С. 96]. 15 января 1809 г. Кутузов дал предписание командующему одной из дивизий генерал-майору С.Я. Репнинскому разобраться с жалобами местного населения на поведение квартирующих войск. Получив информацию о том, что военнослужащие Дерптского драгунского и Мингрельского мушкетерского полков в ряде мест «причиняют обывателям тамошним разные обиды – приключением побоев, самовольным забором у них подвод, дров, сена и прочего», фельдмаршал приказал «поступки военнослужителей означенных полков, в препровождаемых рапортах объясненные», «строго исследовать и, кто виновным в том найден будет, тех непременно наказать» [7. С. 99–100].

До командования русской армией постоянно доводились и жалобы крестьян, которых в самый разгар весенних полевых работ отрывали от посевов, заставляя заниматься извозом, перевозкой различных грузов для нужд армии. Реагируя на эти жалобы, Кутузов регулярно отдавал вполне обоснованные приказы расследовать произошедшее и, если действительно имели место злоупотребления, немедленно их прекратить и наказать виновных. Однако злоупотребления не искоренялись, поскольку их порождали сама природа оккупационного режима, напряженные отношения между военными властями и местным населением. Так, 11 апреля 1811 г. уже и сам Кутузов был вынужден отдать распоряжение об использовании местных жителей на строительных работах в Дунайских княжествах. Как он писал, «при наступлении настоящего весеннего времени предстоит необходимая надобность производить по крепостям, лежащим по Дунаю, различные работы, дабы содержать их таким образом на всякий случай в оборонительном положении». По резонному мнению фельдмаршала, «показанные работы с самою большею успешностью исправляться могут одними теми жителями, кои поселены в райях, к крепостям принадлежащих, не отвлекая особенно для того прочих обывателей из отдаленных мест Молдавии и Валахии, которые и без того заняты исправлением другого рода повинностей для войск» [7. С. 318]. Обоснование вполне логичное, что, однако же, ни в коей мере не облегчало положения тех крестьян, которые все-таки были привлечены к строительным работам.

29 апреля того же года Кутузов обратился к представителю царской администрации при Диванах Дунайских княжеств В.И. Красно-Милашевичу с просьбой о привлечении местных жителей к работам по укреплению пояса оборонительных сооружений вокруг крепости Браилов (Брэила): «Назначив привести Браиловскую крепость в оборонительное положение, представилась и необходимая надобность употребить в крепостные работы и здешних обывателей». Для выполнения этих работ требовалось 500 человек. «Желая во всех случаях облегчить, елико возможно, участь здешних обывателей, несущих тягости, нераздельные с войною», Кутузов распорядился 100 человек рекрутировать из солдат (за определенную плату!), а остальные 400 из числа местных жителей, причем, «дабы обывателям с нынешним весенним временем дать способ сколько-нибудь обсеяться, то наряд сей можно сделать и несколько дней спустя» [7. С. 355]. Ни о какой оплате труда местных жителей речи не шло, как и о предоставлении им необходимых транспортных средств (повозок).

Существовала, впрочем, и весьма позитивная сторона пребывания русской армии – речь идет о борьбе с грабежами в Молдавии и Валахии. 22 мая 1811 г. Кутузов докладывал Александру I: «Долгом моим поставляю донести Вашему Императорскому Величеству, что задолго до моего приезда открылись в здешних княжествах по большим дорогам и в других местах разбой, причиняющие, как

досель заметно, большею частию нападение на обывателей в их домах и в пути». «Наглость сия», по оценке фельдмаршала, исходила отчасти от дезертиров прошлой русско-турецкой кампании. Как он докладывал далее, «принимаются деятельнейшие меры к истреблению сих злодеев теми средствами, которые у здешнего правительства имеются», привлечены и дополнительные силы; «сверх того прилагаю я все прочие имеющиеся в силах моих средства к прекращению сей наглости» [7. С. 388–389].

Весьма непростой была проблема взимания налогов и контрибуций. 1 июня 1811 г. Кутузов писал графу Н.П. Румянцеву о необходимости взыскания налогов со всех торговцев и ограничения имевшихся привилегий для иностранных купцов, проживавших в Дунайских княжествах. Еще в 1810 г. были приняты меры «к поправлению расстроенного состояния валахской казны», решено было со всех торгующих в Валахии купцов, «по разделению их на классы, родам торговли каждого соответствующие», взыскать единовременно определенную сумму. Однако французские и австрийские купцы отказались платить налог под тем предлогом, что «они по привилегиям своим не подлежат якобы никаким податям». «Взирая на таковое сопротивление иностранных, и прочие купцы оказали неповиновение, отзываясь, что они тогда токмо приступят к заплате денег в ту подать, когда иностранные подданные, одинаковыми выгодами пользующиеся, подадут им в том пример». По распоряжению Кутузова, с каждой лавки отныне предстояло взимать строго установленную ежегодную подать. Как мотивировал свой приказ главнокомандующий, поскольку «лавки состоят на земле княжества, то и качество, пользующееся выгодами торговли, не будет находить уже причин к уклонению себя от заплаты денег с тех самых лавок, где производится торговля». По мнению Кутузова, не было никаких оснований, «по коим бы кто-либо из торгующих в Валахском княжестве купцов был вправе отговариваться от взноса наравне с другими ежегодной и притом умеренной подати» [7. С. 407–409]. Для острастки нежелающих подчиниться были приняты жесткие меры. 8 августа 1811 г. фельдмаршал дал указание военному коменданту Бухареста И.И. Штетеру о наказании ряда бухарестских купцов, уклонявшихся от уплаты налога на нужды русской армии. «Хотя и неприятно для меня показать в сем случае опыт примерной строгости», писал он, тем не менее «первейшие из зачинщиков» были отправлены «под крепким караулом» в Каменец-Подольскую крепость на российской территории [7. С. 532–533].

Командованию российской армии приходилось принимать меры и в целях поощрения внешней торговли, активизации коммерческих связей между Российской империей и Дунайскими княжествами. 8 июля 1811 г. Кутузов писал из крепости Журжа (Джурджу) на берегу Дуная министру финансов Российской империи Д.А. Гурьеву «о желательности расширить провоз товаров из Молдавии в Россию». Как сообщал командующий русской армией, председательствующий в Диванах обоих Дунайских княжеств действительный тайный советник и сенатор Красно-Милашевич «вошел ко мне с представлением [...] о исходатайствовании у Государя Императора дозволения на пропуск из Молдавии в Россию разных продуктов здешнего произведения не чрез одну Дубоссарскую, но и чрез Могилевскую и Исакивецкую пограничные таможи и чрез Маяки» [7. С. 489]. Это предложение было поддержано Кутузовым, поскольку речь шла о новых источниках пополнения государственной казны.

Нельзя отрицать и позитивного значения мер, принятых российской военной администрацией в области здравоохранения. 11 августа 1811 г. все тот же неутомимый Кутузов отдал приказ о расширении количества коек в больницах Бухареста, которые теперь могли принять до 2500 пациентов (см. [8]).

Среди наиболее замечательных свидетельств, оставленных русскими путешественниками, посетившими румынские земли, можно назвать записки Дмитрия Бантыша-Каменского, побывавшего в Дунайских княжествах в 1808 г.

Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский родился в Москве 5 ноября 1788 г., его отец заведовал московским архивом Коллегии (позднее Министерства) иностранных дел. Получив хорошее домашнее образование, юноша был зачислен на службу по ведомству своего отца, позже продолжал образование в Московском университете. В 1808 г. 20-летний Бантыш-Каменский был послан дипломатическим курьером в Сербию. Путь его пролегал через Дунайские княжества. Плодом этой поездки явились путевые записки «Путешествие в Валахии, Молдавии и Сербии», написанные в форме писем другу и опубликованные в Москве в 1810 г. отдельным изданием [9] (на румынском языке [3]).

Позже Бантыш-Каменский сделал неплохую государственную карьеру, с 1816 г. занимал административные должности на Украине, в 1825–1828 гг. был тобольским, в 1836–1838 гг. – виленским губернатором. Более всего его, однако, привлекали историко-архивные исследования. Его перу принадлежат во многом первопроходческие в российской историографии работы по истории Малороссии, основанные на материалах архива Малороссийской коллегии, а также биографические очерки о военачальниках и государственных деятелях петровской и последующих эпох. Скончался Д.Н. Бантыш-Каменский в 1850 г. в Петербурге.

Молодой дипкурьер пересек Днестр и прибыл в Молдавское княжество в районе Дубоссар и Криулень в мае 1808 г. За переправой находилась почтовая станция, где с путешественника, выразившего желание добраться до Ясс, потребовали сумму в 22 лея, что соответствовало 13 рублям 80 копейкам. Взамен дали «маленький лоскуточек измаранной бумажки», который Бантыш-Каменский должен был показывать на каждой следующей станции. «Как мне все казалось сперва странным и диким; но впоследствии я начал неприметным образом привыкать ко всему; и то, что прежде удивляло меня, нахожу теперь совсем обыкновенным», – описывал потом свои впечатления начинающий дипломат [9. С. 69]. В Яссы он приехал в шестом часу пополудни, остановился на постоялом дворе у одного грека и, переодевшись, тотчас явился во дворец, занимаемый командированным Александром I в Молдавию престарелым фельдмаршалом князем А.А. Прозоровским. Вручив фельдмаршалу рекомендательные письма, молодой человек вернулся на квартиру, выспался, а потом в десятом часу вечера пошел (ибо в Яссах не было никаких извозчиков) в «здешний клуб», располагавшийся в большом каменном двухэтажном доме. Там он в первый раз увидел «молдованских дам, одетых по-европейски. Не буду говорить, идет ли к ним наряд сей или нет, опасаясь тем прогневать их» [9. С. 71].

Автор достаточно подробно останавливается на описании функционирования довольно несовершенной царской административной системы, действовавшей в условиях войны. В Яссах Бантыш-Каменский встретился с российской военной элитой во главе с фельдмаршалом Кутузовым, доверившим молодому дипломату отвезти в Белград, не теряя времени, пакет с корреспонденцией. За скоростью мысли фельдмаршала не поспевала, однако, бюрократическая машина, ему подчиненная. Бантышу-Каменскому, по его собственному признанию, жаждавшему поскорее увидеть «новые страны, народы и их обычаи», пришлось убедиться на опыте в том, насколько неповоротлива даже при исполнении приказов свышше канцелярия в ставке российского командования. Он должен был ждать четыре дня, пока вся необходимая корреспонденция будет собрана и Кутузов заверит ее своей собственноручной подписью. Только поздно вечером 23 мая в очень плохую погоду молодой дипкурьер покинул, наконец, столицу Молдовы, направившись в Белград через Бухарест и Крайову.

За эти дни, однако, Бантыш-Каменский осмотрел город, показавшийся ему достаточно красивым. «Яссы, – записал он, – довольно хороший город. Огромный каменный дворец, отстроенный при господаре Александре Мурузи 1806 года, и ныне занимаемый князем Прозоровским, может похвастаться первым здешним строением (речь идет о дворце митрополита. – *И.К.*). В нем находится теперь здешний Диван, состоящий из бояр молдавских»; «дворец сей любопытен также тем, что в оном находится окошек по числу в году дней, а дверей по числу недель» [9. С. 77]. Как констатировал молодой путешественник, «каменных домов в Яссах весьма довольно», он насчитал пять греческих монастырей, более 50 церквей, все каменные; при этом «улицы [в городе] узкие и худо вымощены бревнами» [9. С. 78]. Речка Бахлуй, протекающая через город, по наблюдению Бантыша-Каменского, «не заслуживает внимания, по гнилости своей воды и происходящим от нее дурным испарениям; для питья же достают хорошую воду из колодцев». Жителей в городе, по его оценке, около 50 тыс. «обоего пола»³. «Одежда у бояр, – продолжает путешественник, – турецкая, а у жен их европейская; однако же некоторые из последних, а особливо женщины пожилых лет, ходят в своем наряде, говорят все почти по-французски, а малая часть из них знает по-русски» [9. С. 78]. Таким образом, греческий язык, еще недавно доминировавший в яских аристократических салонах, уже к 1808 г. стал утрачивать свои прежние позиции. Впрочем, Бантыш-Каменский видел и таких учителей-французов, «которые во Франции были, думаю, конюхами, и не стыдятся получать тысячи!»

Еще больше молодого дипломата удивило другое: «Гордость бояр здешних чрезвычайная. Молдавский боярин первого класса ни под каким видом не сделает пешком ни одного шага из своего дома. Они любят гулять в колясках и верхом, особливо вечером. В иных местах более двадцати колясок съезжаются вместе, и последние принуждены дожидаться с четверть часа, пока первые разедутся, по причине узких улиц» [9. С. 78–79]. Несмотря на уже проявившуюся тенденцию к модернизации повседневной жизни, Яссы все еще оставались городом, во многом сохранявшим свой средневековый облик. Не было и речи о каких-либо проектах городского переустройства, проведения широких улиц, способных ускорить передвижение экипажей по городу. Перед глазами путешественника, воздерживавшегося в записках от слишком резких оценок, представлял, таким образом, своеобразный сплав западных влияний и более аутентичных восточных, балканских традиций и обычаев. При всем при этом молодой дипломат был иногда поистине изумлен увиденным: «За колясками стоят у них по двое слуг, из коих один держит трубку своего Господина с длинным чубуком. Бояре же, едущие верхом, вместо жокея, берут с собою цыгана, который бежит опретью за ними босиком, и когда они куда приезжают, держит и водит их лошадь» [9. С. 79].

За пределами аристократических салонов путешественнику бросалась в глаза не очень радужная картина. «Молдоване находятся в великом невежестве, и здесь мало занимаются народным просвещением», резюмировал он [9. С. 79].

Путь на Бухарест пролегал через бесконечные валахские степи, по дороге можно было встретить почтовые станции с постоялыми дворами и корчмами. В редких деревнях лачуги и сараи, крытые соломой, а то и землянки, свидетельствовали об исключительной бедности их обитателей. «Вообще сей край весь разорен турками: несколько опустошенных каменных домов, монастырей и хижин служат явным тому доказательством», – заключил автор [9. С. 84]. В Молдавии, по его наблюдению, мужики живут гораздо богаче, чем в Валахии [9. С. 89], при том, что почва настолько плодородна, что могла бы вчетверо больше прокормить людей.

³ На самом деле, по оценке академика Г. Платона, в Яссах в 1806 г. проживали примерно 16 400 человек [10. Р. 375].

Однако жители настолько «притеснены и разорены от господарей и от бояр своих» [9. С. 91–92], что поля мало обрабатываются, посевы уменьшаются.

Бантыш-Каменский уделил внимание и описанию самого почтового экипажа, который показался ему довольно отсталым в сравнении с тем, что он привык видеть на российских дорогах. И лошади были запряжены иначе, и кучеры часто останавливались, чтобы поправить плохую сбрую на лошадях. «Ямщик не сидит на козлах, а верхом на коренной лошади, и старается как можно более хлопать длинным кнутом – не по лошадям, а по воздуху. Когда подъезжают они к станции, то еще издали начинают кричать диким голосом, и, не имея колокольчиков, таким образом дают знак другим извозчикам о своем приближении. Осей и колес у них никогда не мажут, от чего также происходит страшный шум» [9. С. 85]⁴.

Путь до Бухареста длился примерно трое суток. «Город сей не столько мне понравился, как Яссы, – пишет Бантыш-Каменский, – хотя каменных строений в оном и гораздо более, нежели в Яссах. Узкие улицы вымощены все бревнами весьма неровно – отчего мостовая весьма тряска» [9. С. 86]. При всем том город показался ему очень большим, всего немногим меньше, чем Москва, по протяженности, правда, только благодаря своим бесчисленным садам – приведенная молодым дипломатом цифра 60 тыс. жителей подтверждается историко-демографическими исследованиями [12. Р. 143]. Река Дымбовица, несущая через Бухарест свои воды к Дунаю, примечательна, по мнению путешественника, тем, что в ней добывают золотой песок, доходом от которого пользовались валашские господа; такой же песок имеется и в реке Олт, разделяющей Большую и Малую (Восточную и Западную) Валахию.

Шум от молотков в кузницах, скрип от несмазанных колес у крестьянских телег, въезжающих в город на рынок, беспрестанное хлопанье бичами, громкие окрики ямщиков – все это смешивалось с музыкой лэутаров на улицах и в корчмах и создавало стойкий, невообразимый гул – в этом Бухарест мало чем отличался от других больших городов Юго-Восточной Европы того времени. Но, как заметил молодой путешественник, Бухарест гораздо чище Ясс, ибо Дымбовица имеет быстрое течение и уносит из города всю нечистоту. Поэтому «воздух здесь очень здоров, при всем многолюдстве» [9. С. 143]. Это подтвердил и другой русский путешественник, Игнатий Яковенко (1821), опровергнувший получившее распространение в России слухи о том, что именно Валахия является эпицентром эпидемий чумы. «Нет никакого сомнения, – пишет он, – что моровая язва не родится в Валахии, а переносится всегда почти из Египта, Константинополя, азиатских или африканских владений. Но, впрочем, сия заразительная болезнь производит и в Княжестве Валахском величайшие ужасы и опустошения, по той причине, что местное правительство не имело до сего времени должной попечительности для пресечения сообщения между местами, объатыми оною, и еще неприкосновенными» [11. С. 50–51]⁵.

Пребывание в Бухаресте дало Бантышу-Каменскому повод провести некоторые параллели между российской бюрократией и валашской властвующей элитой. Основываясь на разговоре с представителем российской администрации в крае сенатором Кушниковым, он заметил в записках: «Сей народ (в Валахии. – *И.К.*) весьма

⁴ Ср. с описаниями Игнатия Яковенко, русского путешественника, ездившего по Дунайским княжествам в 1821 г. и в отличие от Бантыша-Каменского проявившего искреннее восхищение мастерством ямщиков. Он пишет о том, как при выезде из предместий города ямщик, управлявший таким же экипажем с шестью лошадьми, сумел пустить их во весь галоп «с такой ловкостью, что нельзя было не похвалить его. Он поворачивал с одной на другую сторону в одно мгновение и доказал в полной мере, что и на молдавских почтах столь же скоро ездят, как и на российских» [11. С. 28–29].

⁵ Во время эпидемии 1813 г. от чумы погибли в княжестве около 60 тыс. человек. «Погребение происходило без всяких духовных обрядов и обычаем введенных народных собраний, дабы зараза не распространяла еще более своего действия» [11. С. 51–52].

добр, но очень страдает от исправников своих, старающихся как можно более его грабить». Многие влахи для избежания притеснений переселились в Турцию. «У нас в России, – добавил Кушников в разговоре со своим молодым собеседником, – убегают от должности исправника, а здесь напротив того, более осмидесяти просьб поступают на каждое порожнее исправничье место». Несколько лучше в этом плане была, по его мнению, ситуация в Молдавском княжестве. Кушников, по признанию Бантыша-Каменского, старался искоренить это зло, «желательно, чтобы похвальное предприятие его было увенчано успехом» [9. С. 87]. Молодой дипломат был уверен в способности российской оккупационной администрации позитивно влиять на политические нравы в Дунайских княжествах, прививать их элитам чувство ответственности, заботы об общественном благе и т.д.

Как бы то ни было, энтузиазм молодого путешественника, верившего в плодотворность усилий российской военной администрации по искоренению зла, в процессе поездки иссякал по мере столкновения с реальностью. Так, при въезде в Бухарест на обратном пути из Белграда утомленный дальней дорогой 20-летний юноша по требованию охранявшего городские ворота казака, ссылавшегося на генеральский приказ, должен был тащиться за ним на другой конец города, голодный и с разбитой спиной, для выяснения личности. Но мало этого, казак, сопроводивший его в караульную, где молодой человек находился до полуночи, потом, пишет Бантыш-Каменский, «бежал за мною, требуя на водку за то, что возил меня более часа в другой край города» [9. С. 140–142]. Византийские обычаи не были, таким образом, чужды и русским военным администраторам, скорее привезенные ими с собой из России, нежели перенятые от местных жителей.

Еще один русский путешественник, на записках которого стоит подробно остановиться, это уже упомянутый Игнатий Яковенко, человек не только глубже других изучивший румынские реалии, но даже неплохо в них интегрировавшийся (см. его наиболее фундаментальные в русской литературе своего времени работы о Дунайских княжествах [11; 13]). Начав карьеру еще в 1812 г. во время мирных переговоров с Турцией, с 1820 г. он служил в Бухаресте в русском консульстве, а позже, женившись на дочери известного врача Константина Каракаша Елене, осел в румынских землях навсегда. Был причастен к деятельности администрации графа П.Д. Киселева, управлявшей Дунайскими княжествами после русско-турецкой войны 1828–1829 гг., а уже после прекращения ее функционирования в 1830-е годы служил заместителем директора почтовой службы всей Валахии. Умер в 1870 г.

В записках Яковенко нашли отражение внешний облик Бухареста, повседневная жизнь его обитателей. Более того, он дал систематическую информацию обо всех сторонах жизни современного ему румынского общества (включая деятельность церкви)⁶, приводит сведения по истории княжеств и об их сегодняшнем демографическом состоянии, особенно подробно описывает боярскую иерархию Валахии, функции отдельных бояр при господарском дворе.

В образе жизни боярства еще сильно проявлялись восточные традиции, но румынское общество Дунайских княжеств уже переживало процесс модернизации, приобщалось к европейской культуре и интегрировалось в нее. Это сказывалось и на быте боярской элиты. К началу 1820-х годов в столице Валахии уже было выстроено достаточно много домов в соответствии с современными европейскими архитектурными принципами. В некоторых боярских домах Яковенко видел «прекраснейшие мебели, которые частью делаются в самом Бухаресте, а частью

⁶ Представляют интерес его наблюдения относительно школьной системы. В 1820-е годы в Бухаресте было всего два учебных заведения гимназического типа, где имелись в необходимом количестве преподаватели только румынского, греческого и французского языков и хуже обстояло дело с другими предметами.

доставляются из Вены, по реке Дунаю. Несколько домов, из построенных недавно, расписаны внутри с особенным искусством» [11. С. 91].

На улицах Бухареста в 1821 г. Яковенко встречал множество, сравнимых с тем, что можно было видеть в Западной Европе, карет и колясок, заложенных лучшими лошадьми. Жены бояр были элегантны и одеты весьма богато, танцевали бояре и их жены почти всегда по-европейски, но зачастую в традиционной своей одежде, хотя «долгополое платье мужчин весьма много препятствует им в танцах сих быть столько свободными, как европейцам» [11. С. 58–59]. Явно неудобным было и ношение дорогих меховых шуб в теплое время года. Понимая преимущества западной одежды, владшские бояре, «однако, не могут переменить старого обычая, наиболее потому, что, находясь под зависимостью турков, должныствуют непременно сообразоваться с наружностью их, тем еще более, что и самый образ правления и все обряды и церемониалы соблюдаются ими по старым учреждениям, остающимся до сего времени без всякого преобразования» [11. С. 94]. Склонность к слишком далеко идущим инновациям в одежде в соответствии с западными образцами могла вызвать, таким образом, подозрение турок, сомнения в лояльности.

Иногда бросалась в глаза склонность бояр к наружному, афишируемому блеску, неумеренной расточительности. «Видевши столь необыкновенный блеск и роскошь», русский дипломат сделал предположение, что бояре пользуются значительным доходом от своих обширных имений, но ему объяснили, что хотя у многих из бояр есть во владении деревни, «однако, к сожалению, остаются оные в совершенном небрежении, и вся роскошь, блеск и тщеславие удовлетворяются на счет привилегий, с службою в правительстве боярам предоставляемых, и на счет долгов, беспрестанно ими накапливаемых» [11. С. 91–92]. Картина Валахии, которую нарисовал Яковенко, была довольно завершенной и, надо сказать, лишеной язвительности, присущей запискам некоторых других иностранных путешественников. Автор действительно стремился понять и изучить реалии современного ему Валашского княжества.

Подводя итоги, следует сказать: описания русскими очевидцами Дунайских княжеств в первые десятилетия XIX в. достаточно объективны, восприятие реальности в них в целом можно назвать адекватным «румынскому миру». В отличие от западных наблюдателей выходцы из России, как правило, не смотрели на румынские земли сквозь призму слишком завышенных культурных ожиданий, находясь в той системе культурно-ценностных координат, которая более соответствовала реалиям Дунайских княжеств. Во многом это объясняется общностью институциональных, религиозных, культурных традиций, обусловленных византийским влиянием. В то время как Российская империя, превращаясь в мощную европейскую державу, активно перенимала, начиная с эпохи Петра I, западные образцы, адаптировала к себе новые институциональные структуры, Дунайские княжества и к началу XIX в. еще находились под преимущественным византийским влиянием. Колебания румынских элит между верностью византийским традициям и влечением к западным образцам воспринимались с гораздо большим пониманием не западноевропейскими, а именно русскими наблюдателями, для которых бородатые бояре в кафтанах и меховых шубах были не проявлением чуждой восточной экзотики, а живым воплощением собственного, причем совсем еще недавнего прошлого.

Пер. с румынского А.С. Стыкалина

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Neculce I.* Letopisețul Țării Moldove. București, 1955.
2. *Xenopol A.D.* Războaiele dintre ruși și turci și înrăurirea lor asupra țărilor române. București, 1997.
3. Călători străini despre țările române în secolul al XIX-lea. București, 2004. Serie nouă. Vol. I.
4. Călători străini despre țările române. București, 2000. Vol. X. Partea I.
5. *Căzan I.* Călători străini despre educație și cultură în țările române la sfârșitul secolului al XVIII-lea și începutul secolului al XIX-lea // Societatea românească între modern și exotic, văzută de călători străini (1800–1847). București, 2005.
6. *Popescu L.* Imaginea regimului politic în Principate. De la fanarioți la mișcarea lui Tudor Vladimirescu // Societatea românească între modern și exotic, văzută de călători străini (1800–1847). București, 2005.
7. *Кутузов М.И.* Сборник документов. М., 1952. Т. III. 1808–1812.
8. *Barbu G.* Sănătatea publică în Țara Românească și Moldova în timpul administrației ruse 1806–1812 // Din istoricul relațiilor medicale româno-ruse și româno-sovietice. București, 1963.
9. *Бантыш-Каменский Д.Н.* Путешествие в Валахии, Молдавии и Сербии. М., 1810.
10. Istoria orașului Iași. Iași, 1980. Vol. I.
11. *Яковенко И.* Нынешнее состояние турецких княжеств Молдавии и Валахии и Российской Бессарабской области с картою. СПб., 1828.
12. *Berindei D.* Orașul București, reședință și capitală a Țării Românești (1459–1862). București, 1963.
13. Молдавия и Валахия с 1820 по 1829 год в письмах Игнатия Яковенко. СПб., 1834.

© 2013 г. В. Н. ВИНОГРАДОВ

ТРИУМФ И ДРАМА ПОБЕДИТЕЛЯ

В статье предпринята попытка проанализировать последствия Берлинского конгресса 1878 г. для России, когда после торжества на поле боя в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Российская империя пребывала в 1880-е годы в полной изоляции на международной арене.

The article is aimed at analysing of what consequences for Russia the Berlin Congress of 1878 had, when after the triumph on the battlefield in the Russian-Turkish War of 1877–1878 the Russian Empire found itself in a complete isolation on the international arena.

Ключевые слова: русско-турецкая война 1877–1878 гг., Берлинский конгресс 1878 г., внешняя политика России, Балканы, Османская империя, внешняя политика Великобритании.

До Константинополя оставалось рукой подать. Российская сторона заверяла оппонентов, что посягать на город не собирается. Существовал уже двухсотлетний опыт, говоривший сам за себя. Два века, с конца XVII по конец XIX, явились свидетелям десяти русско-турецких войн. Шесть раз российские армии переправлялись через Дунай и вступали на балканскую землю, дважды подходили вплотную к Стамбулу, но ни разу его не атаковали. Российская империя не приобрела ни вершка балканской земли. Вынашивались планы укрепления в регионе позиций самодержавия, но фактор территориальной экспансии отсутствовал.

Создается впечатление, что на Западе подобного курса просто-напросто не понимали. Там мыслили по шаблону: победа должна увенчиваться добычей. Царизму приписывались экспансионистские замыслы, а поскольку доказательства отсутствовали, то себе приписывалась заслуга в том, что экспансия не осуществлялась. Зарубежная историография пестрит домыслами о захватнических планах России на Балканах. Поддался общему веянию и Генри Киссинджер в своей фундаментальной монографии «Дипломатия». Он заявляет, что базируется исключительно на фактах – правда, только правда, и ничего, кроме правды. И тут же повторяет набившие оскомину небылицы: Россия «с жадностью глядела на славянское население на Балканах» и мечтала «заполучить Константинополь и Проливы». Европу от козней москвитов спас мудрый австрийский канцлер князь К. Меттерних, сорвавший их планы [1. С. 71, 73, 80]. И если подобные перлы появляются спустя 120 лет после описываемых событий, то можно себе представить, что творилось в 1878 г. Кабинет ее величества, депутаты Палаты Общин, лорды и пресса били в набат, обвиняя Зимний дворец в стремлении сокрушить Османскую империю. «Ястребов» возглавляли премьер-министр Б. Дизраэли, превратившийся в графа Биконсфилда, и сама королева Виктория. В конце марта 1878 г. вышел в

Виноградов Владилен Николаевич – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

отставку министр иностранных дел лорд Э. Дерби, сторонник мирного решения споров с Россией, ему невмоготу стало стремление коллег, под шумок разговоров об отстаивании неприкосновенности турецких владений, утвердиться на острове Кипр, соорудив там военно-морскую базу. Портфель Форин Оффис «захватил», по выражению Шувалова, Р. Солсбери.

Посол почувствовал себя неуютно в прежде гостеприимном и радушном Лондоне. Он жаловался: «Королева воистину лишилась рассудка. Английской конституции недостаточно, чтобы пресечь влияние этой женщины, вбившей себе в голову мысль о войне с нами». Он спросил и получил разрешение воздерживаться от участия в некоторых приемах, чтобы не выслушивать колкостей, резкостей и небылиц в адрес России. Разнузданная кампания в печати не утихала, «наши примирительные попытки терпят неудачу, воинственный дух все растет, британцы усматривают только две возможные альтернативы – либо война с Россией, либо унижение Англии». Разумеется, в Лондоне позиция Великобритании представлялась исполненной благородства – дело вовсе не в Турции, «затронуты фундаментальные принципы современного общества, верховенство законов» [2. Р. 244; 3. Д. 80. Л. 282, 592].

Было бы грешно записывать поголовно всех британцев в шовинисты. Отдельные выступления в обеих палатах и поступавшие в парламент петиции свидетельствовали, что стремление взглянуть здраво на события не угасло. Так, во время обсуждения закона о дополнительных военных кредитах 11 285 ходатаев (229 петиций) высказались за сохранение нейтралитета, 8175 (89 петиций) – против утверждения кредитов, и лишь 54 (одна петиция) – в пользу ассигнований. Однако итог обсуждения (364 голоса против 64 в поддержку кредитования) [4. Р. 1263] свидетельствовал, в чьих руках находились сила и власть. Парламент послушно претворял в законы запросы правительства – о военных кредитах, о призыве под знамена резервистов, о подготовке двух новых армейских корпусов (удалось снарядить один). Но не конкретные военные приготовления Англии тревожили Петербург. Опасения внушала экономическая, финансовая и морская мощь владычицы морей. Искра оптимизма мелькнула в конце мая, когда, за счет больших уступок, с нею удалось достигнуть согласия по основным параметрам мирного урегулирования. При вести о соглашении, замечал Б. Самнер, у британской общности вырвался вздох облегчения: «Слава Богу! Войны с Россией удалось избежать!». Казалось бы, это свидетельство не вяжется с разгулом шовинизма в стране. Но нет, очень вяжется. Одно дело драть глотку на митингах, и совсем другое – подставлять грудь под русские пули. Свежа еще была память о Крымской войне, 249 дней длилась осада Севастополя. После очередной бомбардировки французам удалось овладеть Малаховым курганом, позицией, господствовавшей над городом. Англичане трижды штурмовали Третий бастион (Большой редан по их терминологии), но всякий раз отступали, устилая подступы к нему тысячами трупов. Успех союзников, с чисто военной точки зрения, был ничтожен, они заняли половину небольшого города Севастополя (40 тыс. жителей в мирное время). Ни одного здания не сохранилось на оккупированном клочке земли, русские саперы перед отступлением взорвали немногие уцелевшие дома. Груды камней, кирпича и золы, – вот все, что увидели оккупанты, уплатив за то страшную цену. По официальным, сильно заниженным данным, потери французов, англичан, турок и сардинцев составили 73 тыс. чел. [5. С. 554], из них британские – 22 800. Оба главнокомандующих, генералы Пелисье и Симпсон, и думать не смели, чтобы выступить из разрушенного города. Пелисье сказал, что в случае приказа о наступлении он подаст прошение об отставке. Приказа не поступило, отдавать его было некому. Глава Форин Оффис граф Д. Кларендон, посетивший Францию осенью 1855 г., излагал свои впечатления отнюдь не в дипломатических терминах: «Эти французы рехнулись на почве страха и жульничества. Боюсь, что император столь

же деморализован, как и его министры» [6. Р. 102–104]. Все только и думают, что о мире. К тому же склонялась британская общественность. В англоязычной литературе Крымская война именуется ненужной, бесславной, бессмысленной и даже глупой. Повторять ее не было охоты.

Подготовка всякого международного форума с целью достижения мира – дело высокоответственное и очень хлопотное. А предстоял созыв конгресса, что означало участие в нем первых лиц государств. В России с формированием делегации возникли немалые сложности. Естественный ее глава – первый вельможа империи князь канцлер А.М. Горчаков. Но ему 80 лет, он стар, дряхл, часто недомогает, утратил прежнюю энергию и, по мнению многих, склонен к уступкам. Высоким авторитетом пользовался военный министр Д.А. Милютин, но сама должность его не могла внушать оппонентам доверия к его способностям миротворца. В придворных кругах раздавались голоса в пользу посла в Лондоне П.А. Шувалова. Но у него – всего три года дипломатического стажа, он не слыл, да и не являлся специалистом по балканским делам. Опытном в них обладал бывший посол в Стамбуле Н.П. Игнатьев. Однако фигурой европейского масштаба он не был, его мартовская миссия в Вену завершилась провалом, с ним даже не стали вести переговоры, просто предъявили ему явно неприемлемые требования. Появление в Берлине творца сан-стефанского акта было равнозначно размахиванию красной тряпкой перед оппонентами. Да и самому Игнатьеву не улыбалось ехать в германскую столицу – разрушать то, что он созидал: «Будучи лицом, подписавшим Сан-Стефанский договор, я призван скорее защищать постановления ононого». Он не считал для себя «приличным заниматься указанием средств разорвать его в клочки» [7. С. 66–67].

Император назначил главой делегации Горчакова, и решение имело под собой почву. Две страны, Великобритания и Германия, были представлены на конгрессе премьер-министром и канцлером, Дизраэли и Бисмарком, а на вторых ролях фигурировали руководители ведомств иностранных дел, Р. Солсбери и Б. Бюлов, Франция и Италия – министрами иностранных дел Г. Ваддингтоном и Л. Корти. Назначать им в коллеги «просто» посла было несолидно. Единственно Горчаков слыл фигурой, равной по значению партнерам и противникам. Известно замечание Бисмарка: он не позволит Горчакову взобраться ему на плечи и превратить его в пьедестал. «Железный канцлер» не мог простить Александру Михайловичу 1875 г., когда тот способствовал провалу спровоцированной Бисмарком и направленной против Франции военной тревоги.

Не только репутация говорила в пользу светлейшего князя, но и его громадный опыт в восточном вопросе. На исходе далеких уже пятидесятих годов австрийцы, стремясь загладить перед Россией грехи крымской поры, набивались в друзья на основе общих для двух империй охранительных начал. Разделяет их, твердили венцы, лишь позиция в отношении Турции. Им заявили в ответ: Восточный вопрос для России означает больше, чем все прочие вместе взятые [8. С. 215; 9. 1857. Л. 29].

Канцлер разделял царившее в стране чувство солидарности с южными славянами и считал заботу о них важным компонентом внешней политики: «Симпатии сердца и веры, наши интересы побуждают нас трудиться неотвратно ради их сохранения и укрепления. Все будущее Востока лежит для нас здесь [...] Славянский элемент на Востоке остается самой солидной базой нашего влияния». Или, в другом варианте: «Что касается Востока, то, помимо непосредственных и жизненных интересов, которые есть у нас в этом регионе, есть еще традиции и национальные симпатии, которые небезразличны для нашей политики» [9. 1858. Л. 13; 10. С. 325].

Но мнения славянофилов о наличии особой, своего рода генетической солидарности славян между собою Горчаков не разделял. Он полагал: как только тот или

иной народ встает на ноги, он идет своим путем: «Что укрепляет наше традиционное влияние на Востоке, так это ненависть к туркам. Будучи освобождены от их ига, славяне пойдут дорогой своих материальных интересов. Мы для них прежде всего конкуренты, которым нечего продавать и у которых нечего покупать» [9. 1866. Л. 91, 97]. Действительно, при одинаковом с Россией направлении сельского хозяйства в своих странах, балканцы не были жизненно заинтересованы в торговле с нею. Будучи царским министром, Александр Михайлович умалчивал о другом: несмотря на проводимые в России реформы, самодержавный строй представлялся их прогрессивным кругам анахроническим и одиозным, образец для подражания они искали на Западе. Продолжать войну, предвидя если не отторжение, то во всяком случае отдаление освобождаемых народов от официальной России в глазах Горчакова не имело смысла. По мере укрепления самостоятельности балканских христиан не тишь, не гладь и не божья благодать ожидала самодержавие на полуострове, а хлопоты с ними, пожалуй, потяжелее, чем в сношениях с ослабевшей Османской империей. А у славян у порога – западные партнеры со своими капиталами, товарами, предпринимательским духом и конституционными соблазнами. От сего проистекают немалые неприятности: «Им угрожает внутренняя анархия, внешнее соперничество, открывается широкое поле для иностранного влияния» [9. 1866. Л. 97–98].

Горчаков выступал своего рода апостолом европейского мира, исходя при этом из трезвого понимания геополитической ситуации России и стоявших перед нею задач обновления. Стране для продолжения реформ и преодоления цивилизационной отсталости требовался длительный и прочный мир: «Нам не нужны завоевания, мы не собираемся оказывать давления на соседей, мы чужды амбициозных планов какого-либо преобладания, мы не вмешиваемся в чужие дела, мы хотим жить полнокровной жизнью в своей стране, облагороженной и развивающейся в духе высоких мыслей, выраженных императором со дня его восшествия на престол». Горчаков исходил из убеждения о территориальной насыщенности России: «Территориально Россия достигла апогея могущества. Всякий вершок земли, к нам присоединенной, нас ослабляет. Все это видно простым взглядом» [3. 1863. Д. 87. Л. 389–390].

Еще в двадцатые год оформился курс российской политики на Балканах: не искать там территориальных приращений, а добиваться образования в порубежье империи цепи христианских государств, дружественно к ней настроенных. Во время визита герцога А. Веллингтона в Петербург весной 1826 г. Николай I заявил ему, что не желает прибавлять к своим владениям ни одной балканской деревни. В англо-русском протоколе от 23 марта (4 апреля) обе стороны обязались не посягать на какие-либо земли в регионе. 6 июля 1827 г. (н.ст.) обязательство было повторено с присоединением к нему Франции в соглашении трех стран. В декабре того же года уполномоченные этих государств подписали документ, известный под именем Протокола о бескорыстии, что говорит о его содержании [11]. Итог русско-турецкой войны 1828–1829 гг. – предоставление автономных прав Сербии, значительное их укрепление и расширение для Молдавии и Валахии, создание предпосылок для предоставления независимости Греции. На Балканах к России отошла Дельта Дуная.

Канун Крымской войны. Вот ее желательные результаты в представлении Николая I: «Все христианские области Турции по необходимости станут независимыми, станут тем, чем они были, – христианскими княжествами, и, как таковые, вступят в семью христианских государств Европы. Гарантировать свободу религии, их организацию, их отношения между собой и с их соседями, – все это должно быть предметом урегулирования на чрезвычайном конгрессе» [12]. Конечно, император полагал, что он станет их покровителем с соответствующей степенью влияния. Но цели шли в традиционном для России русле подрыва власти Высо-

кой Порты и возрождения государственности балканских христиан. Говорилось и о предоставлении российским посланникам права делать представления султану в пользу церкви Константинополя и иных мест и их клира. Парижский мирный договор 1856 г. поставил крест на этих планах.

Их ренессанс произошел в 1877 г. В официальных документах подчеркивался освободительный характер надвигавшейся войны. Ими не следует пренебрегать, они являлись международными обязательствами самодержавия. Царский манифест с объявлением войны содержал такие строки: «Всем нашим любезным верноподданным известно то живое участие, которое мы всегда принимали в судьбах христианского населения Турции. Желание улучшить и обеспечить положение его разделяет с нами весь русский народ, ныне выражающий готовность свою на новые жертвы для облегчения участи христиан Балканского полуострова». Главнокомандующий Дунайской армией великий князь Николай Николаевич свидетельствовал то же самое в письме к румынскому принцу Карлу Гогенцоллерн-Зигмарингену: цель войны «исключает всякую идею захвата, завоевания или воинственных амбиций и сводится к священному долгу защиты угнетенных от угнетателя, восстановлению наших единоверцев на Востоке в их законных правах, слишком долго не признаваемых». Задача – «сделать навсегда невозможным повторение тех ужасающих сцен резни, которые возмутили сознание потрясенной Европы» (намек на зверское подавление Апрельского 1876 г. восстания в Болгарии) [13].

На конгресс в Берлине (1(13) июня – 1(13) июля 1878 г. канцлер А.М. Горчаков отправлялся с тяжелым сердцем – доигрывать партию в заранее проигранном положении, как он писал в депеше императору, столкнувшись «со злой волей почти всей Европы» [10. С. 368]. Слово «почти» он мог бы и опустить. Российская делегация пребывала в полном одиночестве, поддержки – ни от кого, даже балканские представители, действовавшие в закулисе конгресса, опорой ей не служили. С румынами продолжался острый конфликт вокруг возвращения России Южной Бессарабии в обмен на Северную Добруджу. Бухарест против компенсации не возражал, но и бессарабский плацдарм сохранить за собой хотел. Глава сербского ведомства иностранных дел Й. Ристич вступил в контакт с австрийцами, и отнюдь не бесплодный для своей страны. Представители Греции не скупилась на претензии.

Ситуация в Берлине для российской делегации сложилась хуже некуда. Председательствовавший на конгрессе О. Бисмарк поручал обсуждение конкретных вопросов заинтересованным сторонам. Горчаков недомогал и часто отсутствовал на заседаниях. Основная часть работы легла на плечи второго уполномоченного П.А. Шувалова (третий, П.П. Убри, отличался полной безликостью, его пришлось включить в делегацию как посла в Берлине). В советской историографии на Шувалове, как на бывшем шефе жандармов, значилась печать Каина, что и сказывалось на суровости оценок. Зарубежная отзывается о нем лестно: он выполнял свою неблагодарную задачу со всем возможным искусством, Дизраэли считал, что Петр Андреевич вел трудную и обреченную борьбу с замечательным терпением и талантом. Но на него дружно наседали граф Андраши и маркиз Солсбери, и часы, проведенные в дискуссии, он вспоминал, как самые тяжкие в жизни. Еще теплившиеся в душе Горчакова надежды на содействие Бисмарка разлетелись прахом. Немецкий канцлер на всех парах шел к военному союзу с Австро-Венгрией, заключенному в 1879 г. Россия представлялась ему ненадежным партнером, способным оказать серьезное сопротивление новой попытке разгромить Францию, буде она состоится. Иное дело – Австрия, готовая идти пристяжной в упряжке с Германским рейхом, и посему следовало содействовать осуществлению планов Вены на Балканах, что и происходило.

Конгресс дал санкцию на оккупацию австро-венгерскими войсками Боснии и Герцеговины. Многострадальное население этих провинций, зачинщик Восточ-

ного кризиса, стало жертвой мирного урегулирования. Жители встретили оккупантов с оружием в руках, тем пришлось устанавливать свое господство силой.

Главной жертвой конгресса стала Сан-Стефанская Болгария. Ее территория была сильно сокращена, лишь ее северная часть обрела полноценную государственность, хотя и в форме автономии, но с очень широкими правами. Горчакову удалось добиться присоединения к княжеству, располагавшемуся к северу от Балканского хребта, округов Софийского и Варненского к югу от него. Остальная Южная Болгария под именем Восточная Румелия получила лишь местное самоуправление во главе с губернатором-христианином.

И все же считать Россию и балканские народы лишь жертвами учиненной над ними в Берлине расправы нет оснований, и заранее ожидаемого в Лондоне эффекта не произошло. Британская пресса курила Дизраэли фимиам и нарекла его львом конгресса. Однако существуют и иные отзывы о премьере, заслуживающие доверия и рисующие его в другом свете. В Форин Оффис возник переполох в связи с языковым вопросом. Дизраэли университета не кончал и общепринятым в дипломатии французским языком не владел, разве что нахватался кое-чего на бытовом уровне во время визитов в Париж. Возникло беспокойство – что же – представитель могущественной Великобритании станет изъясняться на мировом форуме «на языке бакалейщика»? Делегатом к премьеру отрядили лорда Одо Россея, и тот убеждал Дизраэли, что конгресс жаждет слушать выступления прославленного оратора на его родном английском языке. Глава правительства дал себя уговорить. Так произошел прорыв в дотоле бесспорной гегемонии французского языка в делах международных. Правда, возникает вопрос: а могли ли слушатели с восторгом внимать речам на неведомом им языке? Но, видимо, никто тогда его не задал.

Следует сказать и о другом. Вторая персона в британской делегации, маркиз Р. Солсбери, оценивал роль своего шефа на конгрессе гораздо реалистичнее и скромнее, чем пресса. Он писал жене: «В дополнение к глухоте и незнанию французского языка, да еще при особенностях речи Бисмарка, Биконсфилд имеет самое туманное представление, что же происходит, понимает все шиворот-навыворот, и ему повсюду мерещатся заговоры» [14. Р. 437]. Необходимо еще упомянуть об «особенностях речи» Бисмарка. Железный канцлер, при высоком росте и солидной комплекции, обладал тонким голосом. Он боялся зубных врачей, не прибегал к их услугам, к старости сохранил лишь остатки зубов и в разговоре отчаянно шепелявил.

Осведомленность Дизраэли в обсуждаемых вопросах вызывала у второго делегата серьезные опасения. Когда «два престарелых джентльмена», Горчаков и «Диззи», вздумали обсуждать вопрос о разграничении в Закавказье, встревоженный Солсбери молвил: «Но лорд Биконсфилд не может вести переговоры, он в жизни своей не видел карты Малой Азии». Впрочем, компетенция самого Солсбери не раз вызывала нарекания, а его менторские замашки вызывали раздражение у многих участников форума. Когда он выступал в защиту интересов северокавказских народов, попираемых, по его словам, Россией, его попросили оные народы обозначить. Маркиз завозился с лежавшими на столе бумажками, но оказался не в состоянии найти нужную и назвать хотя бы один из них.

Итальянцы и французы держались на конгрессе скромно и осторожно, с первыми мало считались в «европейском концерте», а вторые еще не оправились от поражения в войне с пруссаками. Представитель Австро-Венгрии Д. Андраши без труда заручился санкцией конгресса на оккупацию Боснии и Герцеговины (что было обещано еще по Будапештской конвенции 1877 г.). В остальном он ассистировал Солсбери в стремлении лишить Россию плодов побед.

Было бы верхом легкомыслия полагать, что между ними существовало нечто, хотя бы отдаленно напоминавшее искреннее сотрудничество. Обе стороны хитри-

ли и подталкивали одна другую к действиям, означавшим ссору с Россией. Андраши трусил. Россию и Англию он сравнивал с волком и акулой. Ничто не мешало каждому отправиться при случае в свою стихию, и тогда габсбургская овечка могла оказаться в зубах у Серого, оправдывался граф. Он тщательно избегал принимать на себя письменные обязательства, Форин Оффис проклинал его изворотливость. В начале июня стало известно о достижении договоренности между Петербургом и Лондоном относительно параметров мира. Создалось впечатление, что Вена осталась с носом. Следовало, не теряя времени, наверстывать упущенное. Андраши принялся заверять, что не связан никакими обязательствами в отношении России, «позабыв» о Будапештской конвенции 1877 г. На Даунинг стрит его приняли как раскаявшегося блудного сына, других желающих завербоваться в подручные к правительству ее величества не обнаружилось. Президент Франции Р. Макмагон заверил самодержавие, что его страна из нейтралитета не выйдет. Стороны подписали протокол о совместных действиях на конгрессе. Еще до его открытия британцы обзавелись военно-морской базой на острове Кипр, занимающем выгодные стратегические позиции на подступах к Черноморским проливам, Месопотамии, Сирии и Египту. Султан находился в состоянии испуга и покорности по причине понесенных поражений и в связи с попыткой государственного переворота, хотя и окончившейся неудачей, а посол Ч. Лейрд обладал нужной в данном случае напористостью. По просьбе Абдул Гамида британский корабль дежурил вблизи сераля на случай его бегства. В целях добиться от него большей уступчивости был извлечен жупел угрозы со стороны России: сохранение азиатских владений Османской империи, говорилось в обращении к нему Форин Оффис, может быть обеспечено лишь «державой, достаточно сильной для того, чтобы пресечь с помощью оружия поползновения России» на них. Отстаивать турецкие интересы без обладания базой на острове Кипр, уверял Р. Солсбери, невозможно. 4 июня султан дал санкцию на предоставление базы. Подготовка к операции велась в глубокой тайне, в Лондоне опасались протеста со стороны Франции, где крайне болезненно воспринималось британское утверждение в Восточном Средиземноморье. Аппарат Форин Оффис в переговорах с Турцией, во избежание огласки, вообще не участвовал. Солсбери пользовался услугами личного секретаря, текст телеграмм он самолично сжигал. Процедура извещения участников конгресса о подготовленной острову Кипр (без ведома его жителей, не говоря уже об их согласии) участи была приурочена к появлению на рейде Фамагусты эскадры адмирала Д. Хейя. Солсбери обратился к своему французскому коллеге Г. Ваддингтону с посланием. Он жаловался на то, что Англии пришлось взвалить на свои плечи оборону турецких владений в Азии. Делать это, опираясь только на базу на острове Мальта, уверял маркиз, совершенно невозможно. Со всех сторон кабинету «советовали оккупировать Египет или, по меньшей мере, берега Суэцкого канала». Однако, учитывая «замечательно сердечные отношения» с Парижем, Уайтхолл остался глух к этим призывам. Реакция во Франции, как и ожидалось, оказалась нервной, печать зашумела. Но тем дело и ограничилось. Ваддингтон проглотил горькую пилюлю, на протест не решился и лишь просил впредь считаться с интересами его страны. «Турецкая» делегация в Берлине ничем себя не проявила. Беру это слово в кавычки, потому что возглавлял ее православный грек Александр Каратеодори паша, второй представитель, Мухаммед Али бей, родом немец Карл Детройт, дезертировал из прусской армии и нашел убежище в турецких пределах. Бисмарк открыто третировал своего бывшего соотечественника. Третий, Саадуллах бей, слыл горьким пьяницей. Б. Самнер уверял, что единственное, чем «турки» отличились на конгрессе, был устроенный в их посольстве пир. Некоторые сотрапезники запросили вторую порцию вкуснейшего плова [15. Р. 1–3; 16. Р. 510]. В остальном они держались в тени у британцев.

Балканские страны права голоса не получили. Представителей Греции и Румынии выслушали, но к их доводам не прислушались. Б. Самнер констатировал: державы, помимо России, «не проявили ни малейшего участия к стремлению балканских народов строить новую жизнь, [им] представлялось, что турки, хотя и побитые, все же способны в будущем сопротивляться русским». Бисмарк считал балканские народы непричастными к европейской цивилизации, Дизраэли не находил слов, «чтобы описать обстановку на значительной части Балканского полуострова, занятой Румынией, Сербией, Боснией, Герцеговиной и другими провинциями. Здесь царят политические интриги, происходит непрекращающееся соперничество партий». Обнаружил он также «расовую ненависть, ограниченность враждующих религий и, главное, отсутствие верховной власти, которая могла бы держать эту немалую часть земного шара в состоянии, напоминающем порядок». Р. Солсбери выражал свои впечатления короче и без привязанности к политике. Он писал жене: «Жара здесь стоит невероятная, место отвратительное. В Потсдаме – комары, здесь – малые страны. Не знаю, что хуже» [16. Р. 506, 553, 515, 554]. Тем не менее представители всех этносов, за исключением болгар, появились в Берлине с пожеланиями, скромностью не отличавшимися. Румыны, И.К. Брэтиану и М. Когэлничану, выступили с меморандумом, в котором настаивали на сохранении Южной Бессарабии за их страной, присоединении к княжеству Северной Добруджи, дельты Дуная, выплате им компенсации в размере 100 млн франков за понесенные военные расходы и многом другом. Глава греческого правительства Т. Делиянис хлопотал о присоединении к королевству острова Крит, Эпира и Фессалии. Притязал он и на македонские земли. Насчет Крита он получил отказ, но часть Эпира и Фессалию удалось получить в 1881 г. «Хотя на конгрессе в Берлине голос греческого правительства звучал шепотом, – писал Э. Кофос, – западная, и в первую очередь британская дипломатия использовала греческую карту для восстановления в Македонии и Фракии турецкого правления» [17. Р. 46]. Успешно действовал в закулисье конгресса Й. Ристич. Он вступил в переговоры с австрийцами, князь Милан Обренович, без ведома скупщины, заключил с Веней торговое соглашение и фактически подчинил контролю Вены внешнюю политику княжества. Территориальные приращения Сербии выглядели солидно – 11 тыс. квадратных километров вместо восьми с лишним тысяч, обещанных в Сан-Стефано. С крупным прибытком осталась Черногория, ее территория увеличилась вдвое. Правда, предварительное урегулирование намечало территориальный рост княжества втрое. Зато берлинское решение предусматривало доступ к Адриатическому морю с портом Бар на побережье.

Эти успехи вроде бы противоречат несомненному отсутствию у держав, за исключением России, всяких симпатий к «турецким христианам» и к укреплению их государственности. НО (заглавными буквами!) поставить крест на российских победах, выкинуть в корзину Сан-Стефанский договор конгресс не мог. Урезать отдельные его положения – да, пустить под нож целиком – нет. Россия на конгрессе похоронила все, что оставалось вредного и унижительного от Парижского мира 1856 г., вернула себе Южную Бессарабию, округлила свои владения в Закавказье за счет Карса, Ардагана и Батума. От Баязида пришлось отказаться, да и Батум достался с трудом – британцы, в нарушение майской 1878 г. договоренности с Шуваловым, решили оставить его у Турции. В Берлине Шувалову не удалось добиться у Солсбери согласия на передачу России этого города, обладающего хорошей естественной гаванью. Пришлось вмешаться А.М. Горчакову, который добился благоприятного решения вопроса в несколько смягченном варианте: Батум получил статус *porto franco*, открытого для торговли и не подлежащего вооружению. Через несколько лет самодержавие об этих ограничениях забыло [18. Р. 54, 60].

В истории Балкан наступила новая эра. Понадобился не один год, чтобы осознать величие свершившегося. А пока что российская общественность погрузи-

лась в скорбь. На совесть народную тяжким грузом легла расправа, учиненная над Болгарией. Не такого результата ожидала страна. Канцлер Горчаков и его коллеги стали козлами отпущения за крушение несбывшихся надежд, троица, уверовали разочарованные соотечественники, променяла лавровый венок победителя на терновый венец мученика, на них обрушился поток резких и оскорбительных статей. На общем фоне особо отличился златоуст славянофилов И.С. Аксаков, выступивший перед московскими собратьями с громовой речью: «Западные дипломаты срывают с России победный венец» и водружают вместо него «шутовскую с гремушками шапку. Слово немеет, мысль останавливается перед этим колобродством дипломатических умов, перед этой грандиозностью раболепия» [19. С. 18, 20]. Нечто подобное, но не столь красочно, писал М.Н. Катков в «Московских ведомостях»: «Россия находилась на подачу руки от Константинополя, она могла занять все господствующие пункты на Босфоре и Дарданеллах и обеспечить мир от враждебных покушений. Вместо этого по Берлинскому трактату сохранили на память о войне клочки заключенного ранее Сан-Стефанского договора» [20. С. 123].

80-летний Горчаков тяжело переживал неудачу. Известен его обмен горькими репликами с Александром II: «Берлинский конгресс есть самая черная страница в моей служебной карьере». «И в моей тоже», – гласила помета царя [21. С. 116].

Эмоционально воспринимали вести из Берлина и в Англии, но не со скорбью, а с торжеством. Б. Дизраэли и Р. Солсбери встретили как победителей. Королева удостоила их высокого ордена Подвязки, печать, по словам М.Н. Каткова, славословила их на уровне, приличиями не допустимого, прения в парламенте прошли под знаком восхваления. Диссонансом в них прозвучала речь лидера либеральной оппозиции у лордов, графа Д. Грэнвилла. Он заметил: «Воистину, я понять не могу, неужели можно рассматривать Берлинский договор иначе, как представляющий России все то, что она действительно хотела и желала получить» [3. 1878. Д. 79. Л. 431]. Грэнвилл опускал диспутантов с небес на землю. Издавна было принято, подводя итоги войны, сравнивать то, что было до нее, с тем, что стало после. В 1878 г. традиция была нарушена, стороны сравнивали – российская с печалью, британская с ликованием – Берлинский трактат со Сан-Стефанским договором, подписанным в обстановке упоения победами и враждебно воспринятым не только на Западе, но и в Румынии, Сербии, Греции, Албании. По этой причине он не мог обеспечить стабильности и прочного мира в регионе и имел мало шансов на длительное существование. Если же вернуться к году 1877, то следует сказать, что цели войны были сформулированы скромно и реалистично и образования большого государства на Балканах вообще не предусматривали. Никаких заоблачных мечтаний, возникших позднее под опьяняющим влиянием торжества на поле боя. Если вернуться к традиции и обратиться к довоенной ситуации, то от уничижительной оценки итогов войны не останется и следа. Граф Д. Грэнвилл говорил истину – Россия получила все, что хотела и желала. И еще одно замечание: минуло 130 лет с той поры, но ни разу не появилось даже проблеска надежды на сооружение конструкции, подобной сан-стефанской.

Конец 1876 г. Болгария в крови и развалинах. Сербия разгромлена войсками Османа паши, того самого, что через год сдался в плен при падении Плевны. Босния и Герцеговина – восстание на грани агонии. Румыния – провал попыток добиться независимости, закамуфлировав ее под неизвестное международному праву понятием «индивидуальности». Восстановление власти Высокой Порты на Балканах – лишь вопрос времени.

1878 год, «после Берлина». Сокрушение всей системы международных отношений, навязанных западными державами России и балканским народам после Крымской войны. Важные звенья достигнутого успеха – возвращение стране Южной Бессарабии, округление ее владений в Закавказье. Предоставление Румынии,

Сербии и Черногории независимости. Закончилась в пользу России длившаяся полвека «большая игра» европейской политики, соперничество «слона и кита» (в ином варианте – «волка и акулы»), как тогда именовали противоборство Великобритании и России по периметру границ последней от Дуная до Афганистана. Рухнула доктрина *status quo*, предусматривавшая сохранение власти и влияния Османской империи в Юго-Восточной Европе, восторжествовал российский курс на восстановление здесь в полном объеме государственности христианских народов, и в первую очередь южных славян. Форин Оффис так увлекся сведением счетов с самодержавием, что прозевал появление грозного соперника в лице второго Германского рейха [22. С. 70–75], начавшего «*Drang nach Süd Osten*» силами капитала и военщины. Влияние самой Великобритании на Балканах покатилося вниз. Никаких шансов на инкарнацию в любом виде пресловутой доктрины не существовало, это признавал даже Р. Солсбери. Лондон ограничил свои заботы о сохранении Османской империи ее азиатской частью, заключив для сего договор с султаном Абдул Гамидом. Форпост защиты интересов Британской империи переселился из зоны Черноморских проливов к Суэцкому каналу.

Османская империя получила удар, от которого оправиться уже не смогла. Рухнуло ее владычество на большей части Балканского полуострова. Американский историк турецкого происхождения Кемал Карпат подразделяет историю своей родины на два этапа – имперский и национальный, считая 1878 г. водоразделом между ними: «Оттоманско-русская война 1877–1878 гг. и последовавшие за ней Сан-Стефанский и Берлинский договоры нанесли смертельный удар по традиционному Оттоманскому государству и открыли дорогу для развития турок как национальной группы со своим политическим лицом» [23. Р. 2].

Что касается балканского государственного строительства, Россия добила главного, чему державы сопротивлялись всеми силами и доступными средствами, – международного признания независимости Сербии, Румынии и Черногории. Их быстрое развитие ознаменовалось провозглашением королевствами Румынии в 1881 и Сербии в 1882 г. Черногория немного задержалась и получила этот статус в 1910 г. В 1885 г. прекратилось разьединение Болгарии на две части, Восточная Румелия влилась в княжество, порвавшее вассальные связи с Высокой Портой и ставшее царством в 1908 г. Так воплотились в жизнь перспективы, заложенные в Берлинском трактате. Современники их не оценили. Они сравнивали берлинские решения не с тем, что было, а с тем, что рисовало им воображение. Всяк толковал запутанную балканскую историю к своей выгоде, планы национального объединения составлялись с налетом великодержавия. В Сербии сочли, что наступил крах надежд на превращение княжества в Балканский Пьемонт. Не удалось осуществить даже присоединения Боснии, что отвечало и стремлениям ее жителей. В Болгарии скорбь по учиненной над нею расправе не утихла по сей день: «Дизраэли, Андраши и Бисмарк разорвали Сан-Стефанскую Болгарию на куски и бросили их в пасть вековому угнетателю» (цит. по [24. С. 4]). Боснии и Герцеговине подыскивали другого хозяина в лице Габсбургской монархии, может быть менее жестокого, чем Высокая Порта, но несравненно более мздоимливого по части налогов и прочих поборов. Грекам пришлось ждать еще три года частичного удовлетворения своих претензий. Управлявшая Румынией олигархия не смирилась с потерей Южной Бессарабии и в 1883 г. примкнула к направленному против Франции и России военному блоку Центральных держав, Германии, Австро-Венгрии и Италии с экспансионистскими целями, простиравшимися, по словам Бисмарка, до Днестра и далее. Самодержавие пребывало в ставшей уже привычной изоляции. Пресса на всех перекрестках трещала: в лице Болгарии Зимний дворец сооружает себе форпост на Дунае. А.М. Горчаков в числе немногих придерживался иной точки зрения – родилось новое, молодое, энергичное, самолюбивое и самостоятельное государство, с явной антипатией относившееся к престелам

царского режима. И оно пойдет общим путем: если «Молдо-Валахия, обязанная своим существованием России и соседняя с нею, сделалась от нее совершенно независимой, с тем большим основанием можно ожидать подобного же результата в отношении Болгарии, чья территория от России отделена» [3. 1878. Д. 58. Л. 285]. Отношения с только что появившимся княжеством складывались нелегко и непросто. Крут был нравом государь Александр Александрович, взшедший на престол в 1881 г., переговоры с Софией велись при нем, по словам С.Д. Сказкина, под топотанье генеральских сапог. Но не в неуклюжести приемов, а в прозападной ориентации влиятельных болгарских кругов во главе с С. Стамболовым следует искать основную причину бессмысленного и вредного для обеих сторон акта, – разрыва дипломатических отношений между ними в 1886 г., продолжавшегося 10 лет. Хорош «форпост»!

После торжества на поле боя Россия пребывала в полной изоляции на международной арене. По словам Александра III у нее остались два союзника – ее армия и ее флот. Самодержавию впору было воскликнуть: горе победителю!

Даже в 1878 г. в России раздавались отдельные голоса с трезвой и заземленной оценкой ситуации. В августовской книжке журнала «Вестник Европы» появилась статья, автор которой доказывал, что Берлинский трактат не следует считать поражением России, достигнуто многое, раздел Болгарии долго не продлится, объединение двух ее частей не за горами, некоторые статьи Сан-Стефанского договора даже следовало отменить по причине их полной нереальности (цит. по [25. С. 214]). Полновесно и аргументировано ту же точку зрения выразил публицист и общественный деятель Б.Н. Чичерин, дядя будущего советского народного комиссара по иностранным делам, в записке, найденной в бумагах императрицы Марии Александровны после ее смерти. Автор с порога отметил славянофильские внешнеполитические завихрения: «Ни один здравомыслящий русский не думает о завоевании и о присоединении к себе Константинополя. Такое решение было бы не усилением, а ослаблением России, центр тяжести перенесся бы с севера на юг, в нерусские земли. Если Россия должна остаться Россией, она не может сойти со своего места и стать у Средиземноморья» (здесь – помета Александра II: «Совершенно справедливо»). Разрушать Османскую империю, полагал Чичерин, еще рано: возникнут «бесчисленные затруднения от незрелых и сталкивающихся друг с другом освобожденных народов, с чем соединилось бы неизбежное соперничество европейских держав». Столкновение последовало в 1885 г. в виде войны между Сербией и Болгарией, державам пришлось разнимать драчунов, так что Чичерин предвидел превращение Балкан в «пороховой погреб Европы». Поэтому, полагал он, не следует дергаться и спешить, а надо подождать, «пока дряхлое тело Турции» не развалится само по себе». Нашел он и слова утешения и поддержки для ставшей без вины виноватой тройцы: «Государственные люди, заключившие Берлинский трактат, несомненно, потеряли в России популярность, но они имеют право на благодарность всякого русского человека» [26. С. 414, 415, 418].

Между берлинскими результатами и расчетами основного российского соперника и противника, кабинета ее величества королевы Виктории, – «дистанция огромного размера». Примирительно настроенный граф Э. Дерби отвергал создание даже малой Болгарии, считая это предтечей гибели Османской империи. Сменивший его на посту главы Форин Оффис маркиз Р. Солсбери придерживался той же точки зрения. Он писал премьеру: «Я, как Вы знаете, не верю в то, что турецкое правительство удастся снова поставить на ноги, восстановить как силу, на которую можно опереться». Он считал желательным «отодвинуть» славянские государства до Балкан, а к югу от хребта образовать греческую провинцию (!!!) со своей администрацией, оставив ее политически под властью Порты, обеспечить свободу прохода через Проливы (для своего флота), приобрести «две морские базы для Англии, скажем Лемнос и Кипр». В своем меморандуме от 1 апреля 1878 г. Сол-

сбори выступал против предоставления Болгарии выхода к Черному морю, возвращения России Южной Бессарабии, присоединения к ней Батума. Тогдашним VIP-персонам в Лондоне и Вене даже в кошмарных сновидениях не приходила в голову мысль о предоставлении независимости Сербии, Румынии и Черногории. Расчеты полетели кувыркком. И уж делом дипломатического искусства было выдать достигнутый в Берлине компромисс за свою блистательную победу.

В России дурная слава трактата изживалась долго и мучительно трудно. Сейчас в исторических трудах утвердились взвешенные оценки. По словам академика А.Л. Нарочницкого, «западным державам удалось ослабить, но не зачеркнуть результаты русско-турецкой войны и освободительного движения балканских народов». К.Б. Виноградов свидетельствовал: «Британия и Австро-Венгрия не смогли существенно изменить условия Сан-Стефано, которые касались непосредственно России. Берлинский трактат, в сущности, явился гигантским компромиссом». Близка к ним в своих выводах Барбара Елавич: «Сравнивая его (результаты) с сумасбродными устремлениями панславистов, они, конечно, не являются дипломатической победой, но сомнительно, чтобы при сложившихся обстоятельствах, можно было добиться большего» [27]. В суждениях нет противопоставления одного акта другому, Сан-Стефанский договор – звено в цепи процесса мирного урегулирования, позволившее в ряде случаев поставить конгресс перед наличием договоренности с Турцией.

Язык не поворачивается клеймить позором договор, перечеркнувший последние тяжелые для России итоги Крымской войны, вернувший ей Южную Бессарабию, позволившей ей присоединить некоторые территории в Закавказье, признавший государственную независимость Сербии, Румынии и Черногории, восстановивший, после почти пятисотлетнего перерыва, государственность болгарского народа, нанесший Османской империи удар, от которого она оправиться не смогла, похоронивший доктринальный status quo, с помощью которой она держалась на ногах под сенью своих покровителей во главе с Великобританией, переключивший всю систему защиты британских интересов, перенесшей ее центр из зоны Черноморских проливов к Суэцкому каналу. Наступила новая эпоха в истории полуострова, первую скрипку в его судьбах стали играть сами балканцы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997.
2. *Monypenny W.F., Buckle G.E.* Life of Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield. London, 1920. Vol. 6.
3. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия.
4. *Parliamentary Debates (PD).* London, 1994 3-rd Ser. Vol. 237.
5. История СССР. М., 1967. Т. 4.
6. *Maxwell H.* The Life and Letters of G.W.F. Clarendon. London, 1913. Vol. 2.
7. *Игнатъев Н.П.* После Сан-Стефано. Пг., 1916.
8. *Виноградов В.Н.* Россия и объединение румынских княжеств. М., 1961.
9. АВПРИ. Ф. Отчеты.
10. Канцлер А.М. Горчаков. М., 1998.
11. *Виноградов В.Н.* Герцог А. Веллингтон в Петербурге // Балканские народы и европейские правительства в XVIII – нач. XX в. М., 1982; Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1895. Т. XI. С. 341–343, 356–361, 383–387.
12. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 125. Д. 6. Л. 68.
13. *Золотарев В.А.* Противоборство империй. М., 1991. С. 426; Архив внешней политики Российской империи. Ф. Главн. архив. А-1. Д. 1. Л. 15.
14. *Seton-Watson R.W.* Disraeli, Gladstone and the Eastern Question. London, 1935.
15. Turkey. № 36 (1878). Correspondence Respecting the Convention between Great Britain and Turkey of 4 June 1878. London, 1878.
16. *Sumner B.H.* Russia and the Balkans 1870–1880. Oxford, 1937.
17. *Balkan Studies.* Thessaloniki, 1980. № 21 (1).
18. *Jelavich B.* Great Britain and the Russian Acquisition of Batum // The East European Review. 1970. № 48.

19. *Аксаков И.С.* Речь, произнесенная в Московском славянском благотворительном комитете. Берлин, 1878 // *Аксаков И.С.* Полн. собр. соч. М., 1886. Т. 1.
20. *Катков М.Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». СПб., 1894.
21. *Чернов С.Л.* Россия на завершающем этапе Восточного кризиса 1875–1878 г. М., 1984.
22. В пороховом погребе Европы. М., 2003.
23. South Eastern Europe. Arizona State University. 1978. Vol. 5. № 1.
24. *Улунян А.А.* Государственные и политические деятели Болгарии. М., 2002.
25. *Хевролина В.М.* Власть и общество. Борьба России по вопросам внешней политики. 1878–1914. М., 1999.
26. Политика. Дипломатия в XVI–XX вв. М., 1964.
27. Новая и новейшая история. 1979. № 2. С. 83; *Виноградов К.Б.* Мировая политика 60–80-х годов XIX в. Л., 1991. С.132; *Jelavich B.* A Century of Russian Foreign Policy 1814–1914. New York, 1964. P. 185.

© 2013 г. О. В. ХАВАНОВА

К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕНГЕРСКОГО ИСТОРИКА ДЮЛЫ СЕКФЮ (1883–1955)

Краткий очерк знакомит со страницами биографии и основными трудами известного венгерского историка Д. Секфю.

A short essay presents main facts of the biography and principal works of the renowned Hungarian historian Gyula Szekfű.

Ключевые слова: Дюла Секфю, история Венгрии, историография.

Дюла Секфю – один из самых значительных венгерских историков XX в.: автор фундаментальных трудов по истории Средних веков и раннего Нового времени, профессор Будапештского университета, академик Венгерской академии наук, публицист и основатель по сей день популярной газеты «Magyar Nemzet» («Венгерская нация»), дипломат, с января 1946 по сентябрь 1947 г. представлявший Венгерскую Народную Республику в СССР. Он восставал против господствующих в исторической науке и общественном сознании догм, развенчивал национально-романтические мифы, с успехом применял новые методы исследования на материале венгерской истории, воспитал плеяду историков, определивших облик и составивших гордость венгерской науки.

Обучение в Будапештском университете – одном из лучших в Австро-Венгрии и пользовавшемся заслуженным признанием в Европе – позволило молодому Секфю заложить прочный фундамент своего высокого профессионализма и широчайшей эрудиции. Профессора, чьи лекции и семинары ему довелось посещать (Х. Марцали, Ш. Мика, Д. Андял, Л. Фейерпатаки и др.), были частью европейского интеллектуального сообщества, свободно говорили на трех-четырёх иностранных языках, находились в научном диалоге с коллегами из Германии, Франции, России. Оттачивание мастерства продолжилось во время службы в Австрийском государственном архиве в Вене (1908–1925) и тесного общения с работавшими в имперской столице венгерскими учеными (Л. Таллоци, А. Каройи, К. Тагани). Именно в те годы, в том числе под воздействием трудов немецких историков Л. фон Ранке и Ф. Майнеке, сформировалось творческое кредо Секфю – приоритетное изучение истории национально-государственного строительства. Тогда же он увлекся «историей духа» (Geistesgeschichte) – течением в немецкой науке первой половины XX в., представители которого рассматривали исторический процесс не как цепь политических событий (что было характерно для позитивизма), но как смену господствующих в обществе идей, мировоззрений, художественных стилей [1. С. 13–19].

Хаванова Ольга Владимировна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Биографы и исследователи творчества Секфю отмечают, что почти все крупные публикации историка вызвали общественный резонанс, провоцировали поляризацию мнений и резкую критику со стороны несогласных. Уже выход в свет первой его книги «Ракоци в изгнании» (1913) сопровождался бурей возмущения в лагере историков национально-романтического толка. Начинаящий ученый позволил себе поставить под сомнение величие вождя антигабсбургской войны 1703–1711 гг. князя Ференца II Ракоци (1676–1735), изобразив его тщеславным, недальновидным политиком, действовавшим наперекор исторической логике и закономерно поплатившимся за это эмиграцией, одиночеством и забвением. Ответом историку стали гневные речи в парламенте и истерия в прессе.

Другая полемически заостренная, горькая и эмоциональная книга, выдержавшая семь изданий – это «Три поколения» (1920), посвященная осмыслению опыта красной диктатуры в Венгрии, белого террора, консолидации на консервативно-охранительных принципах и обретения родины в границах, очерченных подписанным в том году Трианонским мирным договором. В ней Секфю осудил три поколения венгерских либеральных политиков XIX – начала XX вв., которые бездумно заимствовали с Запада не применимые к Венгрии национально-государственные теории и тем самым привели страну к гибели.

В либерализме ученого не устраивал, в первую очередь, его универсализм. В предисловии ко второму изданию книги историк писал о своих оппонентах: «Они не выносят, когда кто-то говорит о национальных свойствах, специфически национальных явлениях; по их мнению, есть только одна всеобщая линия развития, не имеющая национальной специфики» [2. 47. old.]. Поиск особого пути венгров в рамках европейской христианской цивилизации красной нитью прошел через все творчество Секфю; важной вехой стал сборник статей под его редакцией «Что есть венгр?» (1939).

На протяжении всей жизни Секфю считал своим духовно-нравственным идеалом великого венгерского консервативного реформатора первой половины XIX в. – графа Иштвана Сечени (1791–1860), с именем которого связаны основание Венгерской академии наук (1825) и Национального казино (1827), игравшего роль политического клуба. В своих сочинениях он обозначил программу постепенного демонтажа пережитков феодализма, проведения в стране преобразований по примеру Великобритании. Сечени был близок Секфю тем, что не мыслил будущего Венгрии вне Австрийской империи и отвергал радикальный либерализм вождя революции 1848 г. Л. Кошута (1802–1894).

В «Трех поколениях» Сечени выведен национальным героем, который в противовес родившемуся в европейских иностранных сообществах либерализму, как течению, ведущему к революции, воплощал национальную доблесть [1. С. 26]. «В духовном складе венгров как национального сообщества, – писал Секфю, – есть такие недостатки, которые мешают нам развиваться и подняться до высоты европейского христианского гуманизма. Сечени сделал из этого обстоятельства политические, практические выводы: венгерской политике нужно убирать, подавлять, истреблять эти исконные недостатки, а не преумножать их собственными руками» [2. 46. old.].

Вообще, крушение Австро-Венгерской монархии и распад тысячелетнего Венгерского государства, объединявшего, по мнению Секфю, народы Карпатского бассейна вокруг культурно доминирующего мадярства, побуждали историка вновь и вновь осмысливать процессы формирования современных наций и особенности политики в отношении национальных меньшинств. В пространном исследовании, предварявшем издание «Документы и материалы к истории венгерского государственного языка, 1790–1848» (1926), он в широком сравнительно-историческом контексте проанализировал, чем обернулось заимствование идей западноевропейского Просвещения в полиэтничной Венгрии. Стремление венгерских интеллек-

туалов создать лексически богатый и грамматически совершенный родной язык, требование сословий, по сути, совместить языковые и политические границы по примеру Франции привели к конфликту с венским двором, с одной стороны, и немалыми народами королевства – с другой. Так с провозглашением в 1844 г. венгерского языка государственным завязался тугой узел конфликта, из которого последовали события революции 1848 г.

Подводя итог мадьяризаторской политике правительства, Секфю в «Краткой истории вопроса о национальностях» желчно писал: «Они [правительство] с полной невозмутимостью наблюдали за сепаратистскими или федералистскими устремлениями отдельных народов, не будучи в состоянии переломить ситуацию, слепо веря в наши силы и полную защищенность. Нам не приходило в голову, что благополучию вскоре придет конец, а собственные силы в одночасье иссякнут. Мы просчитались, и нас не оправдать тем, что высокую цену мы заплатили не за преступление, а за беспечность» [2. 545. old.].

Интерес к истории духа, восприимчивость к методологии изучения пионерской для своего времени проблематики истории ментальности привели Секфю к примечательным наблюдениям и выводам. Одну из работ он озаглавил «Духовный склад венгерского винодела» (1922). В ней ученый показал, что природные условия позволяли производителям во все времена изготавливать первоклассные, сопоставимые с лучшими европейскими образцами вина. Однако дискриминационные таможенные пошлины, введенные Веней в середине XVIII в., сделали экспорт венгерских вин невыгодным. Когда же в 1849 г. препоны пали, увеличения экспорта не последовало. Производитель в силу своего «душевного склада» находился «в особой духовной связи с продуктом» и вместо того, чтобы с успехом его продавать, оставлял вино «для себя». Таким образом, заключал Секфю, душевный склад субъекта экономики оказывает воздействие на производство продукции [2. 263. old.].

С 1927 по 1934 г. Секфю в соавторстве с бывшим однокашником, а с 1932 по 1938 г. – министром просвещения и культов Б. Хоманом, работал над масштабным проектом многотомной «Венгерской истории», написанной с позиций «истории духа». Медиевист Хоман написал тома по истории Средних веков вплоть до конца XV в., Секфю осветил период с конца XV до конца XIX в. В предисловии соавторы писали: «В старых книгах по истории экономическое, политическое, культурное, литературное развитие рассматривалось в отдельных, не связанных друг с другом главах. Современная историческая наука в подлинном смысле слова ориентируется на историю культуры, используя передовые методы истории духа, она не делит национальную историю на области, не очерчивает границ между аспектами явлений, но рассматривает историю как единый органический процесс. Экономические отношения влияют на литературные тенденции, а мировоззренческие сдвиги, обладая суверенным бытием, меняют общественные, хозяйственные и политические стороны жизни» [3. I. k. 10. old.].

В этих томах в полной мере раскрылся его художественный талант и полемический дар. Не ограничивая себя сухим изложением канвы политических событий и не замыкаясь на истории ментальности, Секфю представил бурные века национальной истории как сложный продукт разноплановых влияний: соотношение сил на международной арене, борьба сословий за политическую независимость и территориальную целостность страны, адаптация европейских художественных стилей к венгерским культурным традициям и укладу жизни. Историк дистанцировался от данного ему оппонента прозвища «габсбургианец», но был убежден, что вхождение расчлененной османами Венгрии в состав владений Австрийского дома спасло ее от судеб, ранее постигших балканские народы.

Секфю недвусмысленно называл путь сепаратизма, по которому пошли вассально зависимые от Османской Порты трансильванские князья, тупиковым и

осуждал их за пренебрежение национальными интересами во имя личных амбиций. «Мы же знаем, – восклицал он, – что восставшее против Габсбургов Трансильванское княжество было союзником, вассалом турок и у его правителей в мыслях не было изгонять турок из Венгрии. Но случилось так, что под давлением центрально-европейских реальностей во главе освободительных войн встали Габсбурги и таким образом получили все права на наследственную власть в королевстве» [3. IV. k. 25. old.].

При всем том, что методологическая новизна «Венгерской истории» не вызывала сомнений, портрет страны, в которой христианнейшие Габсбурги управляли добрыми католиками-венграми, пришелся не по вкусу многим из коллег. Один из его наиболее последовательных критиков – равновеликий по таланту Э. Маюс – не согласился с включением XVIII столетия в эпоху барокко: ведь в стране все шире распространялись идеи Просвещения. Он также не разделял негативного отношения Секфю к венгерским сословиям, которые, якобы, в своем противостоянии с венским двором руководствовались исключительно эгоистически-корпоративными интересами. Этой картине Маюс противопоставил видение сословной оппозиции рубежа 1780–1790-х годов как носителя протолиберальных идей, которые прогрессивное дворянство в более зрелой форме выскажет в так называемую эпоху реформ (1825–1848). Наконец, Маюс (кстати, лютеранин по исповеданию) не принял картины прошлого, в которой не нашлось места венгерским протестантам [4. 573–596 old.]. Многолетний спор двух корифеев остался яркой страницей в летописи венгерской исторической науки, и отголоски его порой звучали в трудах их учеников.

Католицизм Секфю не позволил ему оценить по достоинству созидательный потенциал, заложенный в венгерском протестантизме, но глубокие и искренние христианские убеждения стали духовной опорой в годы, когда венгерская правящая элита, преследуя реваншистские цели, связала судьбы страны с нацистской Германией. В статье «Понимание исторического процесса венгерскими католиками» (1941) он писал: «Можно себе представить, и история дает тому примеры, когда злодеяния государства [...] одобряются отдельными классами и даже народом в целом, отчего те сами становятся соучастниками порочного злодеяния; в этом случае следует предположить, что в день страшного суда каждый из них понесет наказание за грехи государства, отяготит свою бессмертную душу и понесет суровую кару Господню [...] Но даже если мы не в состоянии точно определить судьбу каждого члена одурманенного общества, действовавшие осознанно вожди преступного государства, каждый, ответят за свои деяния, когда придет время, на том свете» [2. 110. old.].

После окончания Второй мировой войны Секфю вернулся к научной, педагогической и общественной жизни. Разочаровавшись в конкретно-исторических формах центральноевропейских буржуазных демократий и осудив политическую близорукость среднего класса, ученый мучительно искал выход из глубокого нравственного кризиса, в котором оказалось общество. Последовательная антифашистская позиция привлекла к Секфю интерес новых хозяев страны – коммунистов. В 1945 г. историк был избран депутатом Временного национального собрания, в следующем году он принял предложение коалиционного правительства возглавить венгерскую дипломатическую миссию в Москве, сначала в ранге посланника, затем чрезвычайного посла.

Книга, написанная по возвращению из Москвы, «После революции» (1947), вызвала недоумение на родине. В ней историк консервативных убеждений предлагал соотечественникам отрезвляющий анализ недавних событий: «Только катастрофическим падением кривой здравого смысла у правящих кругов можно объяснить наши ошибки во внешней политике и военном руководстве, каковые единственно стали причиной нашей позорной роли и бесславного конца во Вто-

рой мировой войне» [5. С. 80]. Поэтому, после того как «государство рухнуло», а «общество распалось», пролетарская революция стала единственным спасительным выходом, а закономерным геополитическим союзником и, в будущем, экономическим партнером оказался «новый сосед» – СССР [5. С. 96, 107]. Ученые по сей день гадают, насколько искренни были слова панегирика сталинской стране Советов, сложенного в книге. Так или иначе, верный своей убежденности в примате геополитических факторов в сохранении национального суверенитета, Секфю утверждал: «Получив защиту в рамках создаваемой СССР системы безопасности, органически включившись в нее, мы внутри страны и за ее пределами достигнем столь долго нами ожидаемого равновесия и той гармонии, что однажды наступит в отношениях между людьми, народами и большими и малыми странами» [5. С. 199].

На рубеже 40–50-х годов XX в. тяжело больной Секфю постепенно сложил с себя большинство общественных обязанностей, номинально оставаясь лишь членом Президиума Венгерской Народной Республики, и сосредоточился на кабинетной научной работе. Однако силы оставили его, и в июне 1955 г. ученого не стало. Венгерский историк П. Хатош в публикуемой ниже статье «Секфю в 1945–1955 гг.» предлагает вниманию читателя зарисовку последних лет жизни ученого и ищет в строках его произведений отголоски личных переживаний и духовных исканий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Глац Ф.* Историк, нация, общество. Из предисловия к венгерскому изданию 1983 г. // *Секфю Д.* После революции. М., 2010.
2. *Szekfű Gy.* Nép, nemzet, állam. Válogatott tanulmányok. Budapest, 2002.
3. *Hóman B., Szekfű Gy.* Magyar történet. Budapest, 1927. I. köt; Budapest, 1929. V. köt.
4. *Erős V.* Historia Regnum – Historia Populum. A Szekfű–Mályusz vita kialakulása // *Századok.* Budapest, 1995. 129. évf. № 3.
6. *Секфю Д.* После революции. М., 2010.

© 2013 г. П. ХАТОШ

ДЮЛА СЕКФЮ В 1945–1955 годах

В статье воссоздаются последние годы жизни известного венгерского историка Д. Секфю в контексте его научного наследия и рассматривается общественная реакция на политический выбор ученого – пост первого посла послевоенной Венгрии в СССР.

The article scrutinises the last years of the renowned Hungarian historian Gyula Szekfű against the background of his scholarly legacy, and considers the public reaction on the historian's political choice – to be the first ambassador of the post-war Hungary in the Soviet Union.

Ключевые слова: Дюла Секфю, Венгрия, СССР, историография, консервативная мысль.

Дюла Секфю (1883–1955) – один из самых значительных венгерских историков XX в. Он внес весомый вклад не только в историографию, но и в философию истории. «Взгляд на прошлое без лишней фразеологии», как говорил сам Секфю, или «ложный реализм», как характеризовали его критики, лишен оптимистической антропологии современных, берущих начало в эпохе Просвещения идеей свободы: «То, что несправедным путем созданная экономика, в человеческих слезах утопающая власть и большая держава в один прекрасный день обрушиваются, иногда совершенно неожиданно, этот факт сам по себе никак не доказывает присутствия Правды на земле, но скорее говорит о том, что земному существованию любой частной и публичной власти рано или поздно приходит конец. Без какой бы то ни было причинно-следственной связи, а в большинстве случаев без всяких оснований, мы можем считать совпадением, что внезапный, но тем более неизбежный конец постигает даже не обремененные грехами державы, причем скорее, чем очевидно порочные» [1. 398. old.].

Политический пессимизм по поводу «Есть ли правда в истории?» легко обнаружить в любом произведении Секфю: «У человеческой истории в действительности есть различные типы мышления, есть разломы и кризисы, но преемственность культуры не прерывается, эпоха или народ не представляют собой отдельного биологического вида, но связаны с предшественниками и передают квинтэссенцию своих трудов потомкам, соседям. История не состоит из отдельных, изолированных циклопических скал, она – непрерывный травяной ковер, на котором рука провидения потом прочерчивает границы, линии эпох и периодов» [2. 335. old.]. Это различие между реалистическими и культурно-идейными целями искусства политики не может обойти вниманием ни один исследователь, если желает понять «историко-политические» цели Дюлы Секфю, в особенности про-

Хатош Пал – доктор истории, профессор, генеральный директор Института им. Балинта Балашши (Венгрия).

тиворечивый характер последнего этапа его карьеры – от 1945 г. до наступившей в 1955 г. кончины историка.

15 октября 1945 г. венгерское временное правительство назначило Д. Секфю послом в Москву, но из-за болезни тот вручил верительные грамоты в Кремле министру иностранных дел В.М. Молотову только 21 марта 1946 г., как раз в тот день, когда в Будапеште, в Народом суде слушалось дело его бывшего друга и соавтора, в прошлом министра просвещения и культов в правительстве М. Хорти – Балинта Хомана (1885–1951), и куда Секфю направил в защиту Хомана письменное свидетельство [3. 331. old.]. Два эти события отстояли друг от друга на тысячи километров, но куда глубже была пропасть, разделившая в последние дни жизни двух историков и объясняющая повороты в карьере Секфю после 1945 г. и оценки, которых он удостоился от потомков [4. 380–412. old.]. Если Хомана, объявленного военным преступником, приговорили к пожизненному заключению, и он окончил жизнь в тюрьме города Вац, а местом его упокоения полвека служила безымянная могила, то главным поводом для негативных оценок Секфю и его творчества послужило согласие взять на себя после 1945 г. роль «попутчика», что возвысило историка до посла и члена Президиума Венгерской народной республики (ВНР).

Запоздавая и внезапная, но оттого только еще более впечатляющая (впрочем, лишь номинально) публичная карьера Секфю при входившем в силу авторитарном режиме в глазах многих нравственно обесценила связанную с его именем консервативную мысль реформаторского толка. Его знаменитая, можно сказать пресловутая, книга «После революции» [5] рисовала абсурдную в своем идеализме картину Советского Союза, которую предлагалось безоговорочно принять. В строках получившего широкой резонанс сочинения, увидевшего свет в конце 1947 г., современники обнаружили цинизм, трусливую капитуляцию, диаметральный разворот от более ранних убеждений или новый поворот в карьере оппортуниста. Говорят, что по прочтении книги примас Венгрии кардинал Йожеф Миндсенти (1892–1975) выразил мнение многих словами: «Или врет сейчас, или врал тогда» [6. 98. old.]. Писатель Шандор Марай (1900–1989) в 1948 г. откликнулся на книгу Секфю следующим образом: «Автор – хитрый, пронырливый, лощеный тип, и если раньше в “Трех поколениях” он вкладывал свою программную терминологию в уста контрреволюции, то теперь он осторожно-обтекаемо кует новый язык для революции [...] Он утверждает: русские считают советский строй наградой, поэтому не навязывают его после катастрофы венгерскому обществу, мол, сие сначала нужно заслужить [...] Не остается сомнений, что мы уже вступили на путь, когда наше общественное устройство будет признано достаточно “развитым”, чтобы “заслужить” награду включения в советский порядок [...] Секфю не имеет ничего против. Его жалование в должности венгерского посла в Москве – четыре тысячи долларов в месяц, не будем об этом забывать. Не возьми он на себя эту миссию, давно бы влачил нищенское существование на родине или подвергался преследованиям за свои взгляды, как Дюла Моор, которому тоже предлагали этот пост, но тот отказался; теперь он прозябает на пенсию в политической изоляции» [7. 59–60. old.].

На похороны Секфю на кладбище Фаркашрети пришли ключевые фигуры научной политики: Эржебет Андич (1902–1986) – руководитель отдела науки и культуры Центрального руководства Венгерской партии трудящихся (ЦР ВПТ), и Эрик Мольнар (1894–1966) – преемник Секфю в кресле посла Венгрии в СССР, в то время – министр юстиции и др. Речи также произносили видные беспартийные «попутчики» [8]. Один из них, Имре Ревес (1889–1967), до 1948 г. – кальвинистский епископ в Дебрецене, а тогда – академик-марксист, позднее писал в некрологе, что Секфю отдавал себе отчет в том, «чего стоит подчиняющееся неизменным законам движение мировой истории, что движение это не сдержать и оно рано или поздно сметет любое сопротивление, пока раз и навсегда не придет конец эксплуа-

тации человека человеком; и что выживание венгерского народа, его счастливое будущее зависит единственно от того, сможет ли он в полной мере примкнуть к этому движению, или же попытается самоубийственно помешать ему» [9. 355, 357. old.].

Другой «попутчик», этнограф Д. Ортутаи (1910–1978), в последних строках некролога тоже использовал мотив обращения, но, в отличие от гротесково-дихотомической картины, нарисованной Ревесом, выбрал гармоничное решение: «В конце пути [...] противоречия разрешились, и позиция Дюлы Секфю стала окончательной, однозначной. Его вера в народную демократию, строящую государство рабочего класса и трудового крестьянства, укрепились» [10. 1692. old.]. Из «Дневника» самого Ортутаи, близко и часто общавшегося с Секфю, следует, однако, что автор лукавил: «Вдова Секфю жутко сердится на меня за статью о дяде Дюле [...] Если бы она знала, чего мне стоило написать ее [...] Последние строки – откровенное вранье, отпираться не имеет смысла, зато именно к ним, на первый взгляд, труднее всего придаться. Они лишь усиливают трагизм портрета Дюлы Секфю, ужасающее сходство двух его “я”». [11. 71–72. old.]

Старость и саморефлексия настраивают на трагический лад, они суть время опустошенности. «Ему было 65 лет, когда в жизни случилось второе крупное разочарование [...] Надежды, связанные с революцией и эмиграцией, ушли без возврата, Кошут стоял один, словно дерево, застигнутое осенью, у которого вместе с плодами опали и листья, ветви обнажились, и само оно ждет наступления зимы» [12. 34. old.]. Эти строки историк написал в 1952 г., в последнем большом эссе, посвященном заключительному этапу жизни вождя венгерской революции и освободительной борьбы 1848–1849 гг. Лайоша Кошута (1802–1894), однако выраженные в них глубокую печаль и разочарование современники и посмертные критики относили на счет самого Секфю.

Один из пластов этого малоизученного произведения несомненно содержит трогательное описание состояния старости: «Пожилые люди, по понятным причинам, с большей грустью, с непреодолимым страхом смотрят в глаза краткому будущему, которое им отмерено, чем молодые, чье будущее – бесконечно, как бесконечны возможности и перспективы. Кошут в последние дни не смог избежать навязчивого страха перед грядущим, перед сомнениями, сможет ли он полноценно прожить остаток дней, не впадет ли он по немощи в зависимость от окружающих» [12. 402. old.]. Однако эта сопереживающая психология – здесь историк вполне мог опираться на собственный жизненный опыт – тоже функциональна, и утонченная нарративная техника служит тому, чтобы соединить «грусть пожилых людей» с ироническим анализом революционных и либертарианских иллюзий Кошута в эмиграции. Свое исследование Секфю посвятил Матяшу Ракоци; на экземпляре, переплетенном в красное полотно, он написал: «Лайош Кошут до самой смерти не отрекся от идеи свободы, за что его по сей день почитают венгры. Моя работа – неоспоримое тому подтверждение» [13. 91. old.].

Точно так же сам Секфю не отрекся от убеждения, которое впервые сформулировал в начале карьеры в большом провокационном историческом эссе «Ракоци в изгнании» о мятежном трансильванском князе Ференце II Ракоци (1676–1735): освободительная борьба – это иллюзия и риторика, заслоняющая собой подлинные нужды и возможности венгерской истории. Тогда, почти сорок лет назад, проф. Давид Андял (1857–1943) встал на защиту младшего коллеги, заявив (запись от 11 мая 1915 г.), что «тот по молодости своей не смог достаточно глубоко прочувствовать огромную боль последних разочарований старого Ракоци» (цит. по [14. 54–55. old.]). В самом деле, тогда, в 1913 г., при работе над книгой Секфю, которому едва минуло тридцать лет, характеризовал своего героя с помощью негативных топосов, связанных со старостью. О 39-летнем князе историк писал: «В 1715 г., когда мы впервые встречаем нашего героя, он был уже стариком. Наша

история – это история старика» [15. 32 old.]. Обращаясь к «старости» трансильванского князя, Секфю нарисовал портрет упрямого антигероя [15. 291. old.].

К 1945 г. Секфю был более чем на четверть века старше Ракоци, которого изобразил «стариком», тяжело болен и глубоко разочарован. Его верный ученик, а после смерти – острый критик Дюла Мереи (1911–2002) вспоминал, что «Дюла Секфю, который был вынужден спасаться бегством от нацистов и нилашистов и кочевал от одного друга к другому, жил по разным монастырям, в одном из них, затерянном в Будайских горах, встретил новость об освобождении, совершенно измотанный и тяжело больной. Когда он вновь приступил к работе во временной, уступленной родственниками, совершенно не приспособленной для жизни квартире на ул. Лоняи, им овладели истязающие, рвущие душу на части мысли, что нация сбилась с пути и у антифашистской, демократически настроенной интеллигенции не достало сил, чтобы вовремя встать на истинный путь» [16. 68. old.].

Социолог З. Сабо (1912–1984), избегавший марксистской терминологии, по сути, высказался подобным же образом: «Не считая католической веры, он сжег в себе все, во что прежде верил. Кто навещал его в тайном прибежище – аббатстве Зебегень на берегу Дуная – видел мужчину, который научился жить без надежды, и к прошлому, как и к настоящему, подходил одновременно с позиций реалистической критики разума и душераздирающих инстинктов совести» [17. 130. old.]. По словам того же Сабо, когда назначенный послом в Москву Секфю в январе 1946 г. произнес в здании Оперы памятную речь о Ленине, он за кулисами упал без чувств и несколько месяцев тяжело болел, прежде чем смог отправиться к месту своей новой службы [17. 132. old.].

В годы работы в Москве он также часто болел, о чем каждый читатель книги «После революции» знает из следующих строк: «Когда я в дни оны в Будапеште хворал, мои друзья-священники и ученики-монахи часто молились за мое исцеление; и то же самое мне предложил и исполнил один утонченный и аскетичный архидиакон Московской патриархии – настоятель православного храма, расположенного близ улицы Горького, за что я искренне благодарен и ему, и моим друзьям на родине» [5. 159–160. old.]. «Что за тартюфовское ханжество!» – записал на полях своего экземпляра книги его друг, литературовед Б. Золнай [13. 90. old.]. В марте 1952 г. в открытом письме по случаю 60-летнего юбилея М. Ракоши, опубликованном на страницах газеты «Magyar Nemzet» («Венгерская нация»), он благодарил вождя-диктатора Ракоши за то, что «после осады Будапешта мы все не сгнули от голода и болезней, что направил меня на работу в Москву [...] что по возвращении сам предложил новую должность, так что я не работая, потому что моему организму уже не под силу трудиться, жив и могу заниматься своим лечением» [18. 3. old.].

Тем не менее полуслепой, он до самой предсмертной агонии читал и работал, хотя бóльшая часть его библиотеки была к тому времени передана государству в обмен на щедрую по тем временам сумму в 60 тыс. форинтов. Мысли свои он выражал все короче. В последней, опубликованной посмертно статье он признавался: «Краткость [...] этого наброска объясняется, прежде всего, состоянием моего здоровья» [19. 1637. old.]. По воспоминаниям сиделки Терезы Вёрёш, Секфю ушел из жизни с миром: «Лицо его, исчерченное линиями глубокой болезни, тщетно силилось изобразить безмятежность [...] С мудрым провидением он знал, каков будет ход болезни и ее исход» [20]¹.

Так закончился десятилетний период исканий и трансформации взглядов, хотя и не первый в жизни Секфю. К переменам, последовавшим после 1945 г., он, поражая и раздражая современников, приспособился точно так же, как и к развороту

¹ Выражаю сердечную благодарность Анталу Мольнару, который любезно предоставил мне фотокопию рукописи.

1920-х годов. Д. Керестури (1904–1996) вспоминал о встрече с Секфю после возвращения из добровольного заточения: «После нашего разговора мне стало ясно: если он напишет книгу, о которой говорил, что не написать ее невозможно, она вызовет у читателей немалое удивление. Штатный советник [премьер-министра Иштвана] Бетлена в один прекрасный день напишет “После революции”. Чтобы расквитаться со всей этой необарочной эпохой. Не с холодным, отстраненным оппортунизмом, но, в первую очередь, предьявляя счет себе самому» [21. 48. old.].

Карьера Секфю после 1945 г. не лишена некоторой ситуативности. Когда после взятия Красной армией Будапешта его пригласили в Национальный комитет, избрали членом Временного национального собрания, он взял на себя миссию защиты принципов новой науки [22. 5. old.]. В первом же своем выступлении он немедленно призвал к радикальному разрыву с прошлым: «Новый ректор Университета им. Петера Пазманя [...] успокоил нас, что освобождение от реакционных элементов на историко-филологическом факультете пройдет быстро и действенно. Он считает, что в первую очередь это касается мировоззренческих кафедр», – написал историк в газете Венгерской коммунистической партии «Szabad Nép» («Свободный народ») [23. 2. old.]. Две недели спустя, 13 апреля, Секфю выступил в штаб-квартире Свободного профсоюза венгерских педагогов в рамках цикла лекций по переподготовке учителей истории для средних школ. В аудитории, перед двумястами слушателями он говорил о «трех изживших себя понятиях»: нации, христианстве и теории Св. Стефана (Иштвана). Все это стало следствием катастрофического поражения в войне: «Средний класс проиграл сражение, на его место сегодня рвутся новые социальные слои – промышленный пролетариат и крестьянство». Однако он надеялся, что эти слои сохраняют венгерское культурное достояние и отношения с соседями, в особенности с «освободившей нас империей», подвергнутся основательному пересмотру [24. 621–627. old.].

В те же самые дни Секфю развил активность на католическом направлении. 10 апреля он обратился с письмом к калочайскому епископу Йожефу Грёсу (1887–1961), ставшему после смерти примаса Юстиниана Шереди (1884–1945) временным председателем епископской конференции [25. 14. old.]. В нем он, с одной стороны, просил епископов провести кадровые изменения, в первую очередь сменить руководство организации «Actio Catholica», с другой – уповал на церковную поддержку для создаваемой на демократических основаниях католической народной партии. Впрочем, здесь его постигла неудача. Епископская конференция единодушно отвергла предложенные историком меры. На совещании 24 мая 1945 г. Грёс заявил: «Нельзя казнить заслуженных раньше людей только за то, что они не по нраву тем, кому противостояли раньше и, собственно, противостоят и сейчас [...] Всем известно, что они не имеют никакого отношения к антисемитской политике правительства Стойяи. Никто не вправе осуждать их за то, что они любили свою расу сильнее, чем евреев, и не делали из этого секрета. Если это антисемитизм, то и говорящий это тоже был и остается антисемитом. Ибо недавние события ничему не научили наших соотечественников-евреев» [26. 37. old.].

Секфю не ожидал такого ответа. В последующие годы историк последовательно противостоял официальной позиции церкви, представляемой примасом Й. Миндсенти, хотя глубинной мотивацией его поступков всегда оставался католицизм [27. 232–257. old.]. С рукописью книги «После революции» он знакомил исключительно ближайших единомышленников-католиков: литературоведа Ш. Экхарта, иезуита о. Йожефа Яноши, разделявшего современные христианско-демократические взгляды руководителя Демократической партии И. Баранковича [28].

Отзыв Секфю из Москвы с поста посла был связан с намерением М. Ракоши использовать его в качестве руководящей фигуры «прогрессивных католиков». В письме вождя говорилось: «Когда Вы последний раз были в Будапеште, я упомянул, что в сложившихся обстоятельствах Вы могли гораздо больше пригодить-

ся венгерскому народу и венгерской демократии, если находились бы на родине и оказали бы неоценимую помощь в урегулировании отношений с католической церковью» [29]. Секфю, напротив, проявлял осторожность. В начале декабря 1948 г. он неохотно (ссылаясь на то, что «католик, и к церковным иерархам может обращаться лишь в вежливой, просительной форме») согласился, вместе с другими интеллектуалами, подписать открытое письмо к Миндсенти и в последний раз попытаться отговорить его от продолжения своей политической линии [30. 22. old.].

Активность Секфю по профсоюзной линии увенчалась в апреле 1945 г. успехом. В числе слушателей его лекций находился один из руководителей ВПТ Йожеф Реваи (1898–1959). Несколько дней спустя, на страницах «Szabad Nép» Реваи писал: «Дюла Секфю – это идеолог и историк, который нам не близок. Даже перейдя на нашу сторону, он не стал демократом до мозга костей [...] но есть в нем то моральное и научное мужество, пред которым следует склонить голову». Впрочем, Реваи руководствовался практическими соображениями, желая расширить социальную базу ВПТ: «Если мы хотим идти вперед не с теми, кто из правых стал левыми, а только с теми, кто всегда стоял слева, у нас наберется мало попутчиков» [31].

По всей вероятности, Реваи переоценил влияние Секфю. Это сразу отметили писатели-«народники»: Й. Дарваш (1912–1973) назвал историка «полководцем без армии», а политик левого толка Ф. Эрдеи (1910–1971), хотя и признавал, что с именем Секфю ассоциируется «самая просвещенная и самая уважаемая часть интеллигентского среднего класса, но народническое движение считает своим духовным отцом не консерваторов, вроде Секфю, а Дежё Сабо» [32. 15–16. old.; 33. 33–38. old.].

В ответ Секфю частично признал критику, но, по его мнению, эту позицию могут разделять многие, так как она касается культуры, а не политики: «Следует признать, вокруг меня никогда не объединялись люди и я никогда не думал, что смогу стать вождем какой-то группы [...] Я веду речь от своего имени, но думаю, что под моими словами подпишутся ценители и хранители венгерской культуры, способные мысленным взором охватить вековые достижения нашей духовной жизни [...] которые умеют чувствовать красоту и правду в венгерском языке, в прорывах и падениях венгерской истории [...] не придавая значения тому [...] кто это замыслил и осуществил – дворянин, крестьянин или священник [...] Люди духа всегда одни и те же, в прошлом и настоящем, и нужно, чтобы настоящее, даже в новом духовном фронте, стало единством сегодняшних достижений и завтрашних традиций» [34. 39–43. old.].

Статьи, опубликованные весной и летом 1945 г. в буржуазно-демократической газете «Világ» («Свет») логически развивали эту позицию. Наблюдая за борьбой «двух исторических сил» современного политического универсума, свободы и равенства, историк был вынужден признать, что первая терпит поражение и у буржуазной демократии не остается шансов на победу: «Современным сторонникам свободы следует знать, что прежний ведущий общественный слой – средний класс – поставил все не на ту лошадь и, потеряв имущество страны и даже саму страну, лишился власти и никогда уже не станет ведущим. Сегодня можно руководить только от имени крестьянства и рабочего класса, и либеральный порядок, настоящее и будущее буржуазной демократии зависят не от среднего класса, а от этих двух правящих классов. В этой связи сторонникам буржуазной демократии следует искренне принять те политические факты и преобразования, которые в минувшие полгода стали следствием слабости среднего класса и его прежних грехов и, отвергнув свободу, направиться в сторону равенства» [35. 3. old.].

В наши дни прозвучавшая после 1945 г. из уст Секфю безжалостная национальная саморефлексия и критика среднего класса получают все более широкое признание в историографии, поскольку эти оценки морально оправдывают поведение

Секфю [36. 57–58. old., 78–87. old.; 37; 38, 100–119. old.; 39]. Однако разочарование в среднем классе и его критика не были для него чем-то новым. Я полагаю, что не здесь кроется главная движущая пружина политической метаморфозы Секфю. Хотя его часто называют идеологом контрреволюции, сам себя он никогда не считал таковым, и уже в начале 20-х годов XX в. скептически оценивал будущее политического режима, установленного в стране. В апреле 1933 г., в престижном консервативном журнале «Narkelet» («Восход») в связи с подготовкой второго издания «Истории Венгерского государства» он писал: «Годы, прошедшие со времени мировой войны, обозначили новую эпоху в истории Венгрии [...] Сколько она продлится – ведь ничто не вечно в подлунном мире – и станет ли ее конец внезапной катастрофой или медленным распадом отживших форм, никто не возьмется сегодня предсказать!» [40. 299. old.].

Этот скепсис стал выражением моральной обеспокоенности человека, зажатого в тисках современных обезличенных социальных структур. В 1925 г., в исследовании, посвященном Иштвану Сечени (1791–1860), он с ностальгией говорил о неосуществимой идее независимой личности, все больше поглощаемой разросшейся государственной машиной, что равносильно поражению буржуазной эмансипации в мировом масштабе. «Спустя 70 лет после драмы в Дёблинге² число духовно свободных людей еще меньше, чем тогда, но не потому что в людях умер неистребимый инстинкт стремления вверх, но оттого, что в данных политических, экономических, социальных условиях независимый индивид, если он верен своим принципам, не в состоянии выжить в одиночку. Если хочешь жить, действовать, творить, нужно примкнуть к тем или иным властным структурам [...] Власть переходит от одного класса к другому, сегодня она на дне клоаки, завтра – в аристократическом салоне, но нигде не задерживается подолгу, потому что смеющиеся друг друга хозяева думают только о себе, ни один не способен в мраморе сиюминутной власти задуматься о завтрашнем дне» [41. 350. old.].

К началу 1930-х годов сомнение и критика лишь усилились. Историк считал процесс буржуазных преобразований в стране запоздавшим: «Венгерский средний класс? Я бы не сказал [...] Его нет, и мы упустили последнюю возможность его создать [...] Для среднего класса, прежде всего, необходимо, чтобы на смену понятию “господин” пришло слово “гражданин” [...] Я со своим буржуазным складом ума опасаясь новых переломов в венгерском развитии, если широкие слои населения в стремлении к лучшей доле не ждет с распростертыми объятиями средний класс» [42. 37. old.].

В катастрофе Второй мировой войны, в крушении исторического Венгерского государства и социального порядка Секфю увидел осуществление своих более ранних пророчеств и предостережений. У опубликованной в 1943–1944 гг. серии статей под общим, позаимствованным у поэта Эндре Ади (1877–1919) заголовком «Мы где-то сбились с пути», есть заключительная часть, написанная за несколько недель до немецкой оккупации, последовавшей в феврале 1944 г., но, в отличие от остальных, не включенная позднее в книгу «После революции»: «Аргументы и контраргументы хорошо известны и надоели до оскомины, они не в силах помочь в решении проблемы, которая существует не на бумаге и не в речах, но в самой жизни, и только там может обрести свое решение [...] Переменам предшествует момент, когда нет больше аргументов и контраргументов, которых бы мы не знали, и слово, как и текст, полностью выцветает, становятся пустотой. В конце любого письма ставится точка» [43].

Секфю исключил процитированный выше отрывок из своей программной книги не только потому, что в нем явно слышится авторское «мне все равно», но потому, что считал поворотным пунктом (как минимум, своим собственным) – и это

² Речь идет о самоубийстве И. Сечени – прим. пер.

особенно поразило современников – новое отношение к Советскому Союзу и безусловную лояльность русским оккупантам. «Под конец осады Будапешта я уже ясно понимал, что, если не будет новой мировой войны, решающее влияние на нашу судьбу будет оказывать СССР [...] Думаю, что если я, как консервативный реформатор и католик, отправлюсь в Москву, тем самым дам неоспоримое доказательство готовности нашего круга к диалогу с Советами» [44. 359. old.].

В первый раз Секфю отправился в СССР летом 1945 г. Сопровождавшая его в пути супруга – как это следует из газетного репортажа – оказалась под впечатлением показанных им «потемкинских деревень». Между тем, интервью «Улыбающаяся Москва» может служить поучительным примером создания положительного образа СССР в послевоенной пропаганде: «Это было незабываемо [...] Мы жили в душевной, дружественной атмосфере, чувствовали себя очень хорошо, как дома». На вопрос корреспондента о повседневной жизни Москвы супруга Секфю ответила: «Гораздо проще, чем у нас, потому что и потребности у людей другие. Они не так озабочены своей внешностью, не ходят в парикмахерскую, не знают, что такое примерка у портнихи». Далее корреспондент поинтересовался: «Ленинград действительно так красив?». На что последовал ответ: «Самый красивый город из тех, что когда-либо видела. И – но не пишите об этом – там я пила самый лучший черный кофе и ела потрясающие шоколадные конфеты. Вы, например, знали, что лучшие шоколадные конфеты в Европе изготавливают в Эстонии?». На вопрос, что еще ей понравилось, женщина ответила: «Это положение деятелей науки и искусства. Они – подлинные любимцы всей страны. Они пользуются огромным влиянием, и им всячески облегчают жизнь. Для них введены все мыслимые и немыслимые льготы, не говоря уже о почете и уважении. У них есть свои потребительские кооперативы, и две трети стоимости покупок берет на себя государство. Ученым каждый месяц выделают по 2 кг шоколада (тяжелый вздох!), кофе в зернах (еще более тяжелый вздох), какао, сахар и прочее (невыносимо тяжелый вздох)» [45].

Нельзя сводить к простому анекдоту приведенные в интервью примеры. Позднее, зимой 1946 г., постоянно мерзнувшая госпожа Секфю получила в подарок от Молотова шубу из шкуры белого медведя [46. 53. old.]. Привилегированное обращение посреди повсеместной послевоенной нищеты наверняка потрясло престарелых и до войны далеко не бедствовавших супругов. Личные мотивы, соображения материального порядка не могли тут сыграть решающей роли. Собственные признания Секфю говорят о сознательно принятом решении в интересах внешней политики Венгрии: «Мы ступили на территорию самой большой на земле империи сыновьями нашей маленькой родины. Той империи, что 200 лет отбрасывала тень на наших предков с вершин Карпатских гор, которую величайшие венгры прошлого столетия, в первую очередь Кошут [...] называли “колоссом Востока” и пугали им соотечественников, словно призраком [...] Мы совершили это путешествие в куда более трудных условиях. Колосс Востока [...] в этом году впервые перевалил за горный хребет, в чем ни у одного здравомыслящего человека не возникало сомнений, впервые вмешался в наши внутренние дела и, разгромив все, что вставало у него на пути, установил новый и неизменный порядок в Венгерском бассейне [...] На огромной территории, которую мы проехали от Москвы до Ленинграда и оттуда обратно через Киев до Карпат, ко всему, что мы видели, нужно добавить прилагательное “большой”, и это означает не что иное, как – в сравнении с центрально- и западноевропейскими мерками – куда более крупный размер [...] Блуждая в этом гигантском лабиринте, мы, венгры, не переставая думали только об одном, а именно, что теперь мы соседи этой страны. Мы все прекрасно знаем, что означает быть соседом Северной Америки: от самого оказавшегося рядом с ней малого народа будет зависеть, обратит ли он это себе на пользу и возвышение, или же на погибель [...] Наши московские впечатления служат

доказательством тому, что этот великий сосед является сплоченной с помощью государства нацией, готовой и способной к воплощению тех великих национальных целей, которые по плечу только двухсотмиллионному народу» [47].

Эта статья, как и изданная два года спустя книга «После революции», под непреодолимой силой фактов призывала к рациональной осторожности. Мощь Советского Союза так велика, что ей нет политической альтернативы, нет поля для маневра. Главным грехом среднего класса, по мнению Секфю, было не торможение социальных преобразований, но гибельный внешнеполитический выбор, сознательно пестуемые невежество и безответственность, а в особенности духовная близость с германским союзником, катастрофическим последствием чего стало отлучение части Восточной Европы, заслуживавшей лучшей участи, от Запада на необозримые времена. А ведь первые тектонические геополитические изменения он почувствовал гораздо раньше, за десятилетия до советской оккупации. В письме, написанном по горячим следам бурных событий 1919 г., он признавался: «Я не питаю иллюзий относительно силы сопротивления современных капиталистических стран. Мы, малые государства, ничтожно малы перед русской машиной, единственной надеждой человеческой цивилизации остается немецкая раса, в которой всегда найдется достаточное число сумасшедших. Если удастся сокрушить Германию, Европе и ее культуре придет конец, в истории человечества наступит такая же цезура, как между IV и XI–XII вв.» [48; 49, 299. old.].

Это письмо, как и статья в изданных в 1924 г. «Историко-политических исследованиях», дает ключ к пониманию того, почему отношение Секфю к СССР было столь спокойно-однозначным: «Наш сегодняшний опыт учит, что в России уничтожение лучшего, как нигде, уже началось и набирает обороты. Советы, истребив русскую интеллигенцию, у которой хватило мужества и мудрости не покориться коммунистическому бреду, отбросили страну примерно на тот уровень, когда над русскими – силой оружия и устрашения – господствовали несколько сотен тысяч татар» [50. 20–21. old.]. Из предчувствовавшегося как «немецкая катастрофа» прихода к власти Гитлера и безумия мирового пожара, разожженного нацистским режимом, Секфю сделал соответствующие выводы. В публицистике 1930-х годов он уже не ссылаясь на христианско-германскую культурную общность, а писал об опасности «народнических» («völkisch») воззрений в науке и политической риторике. Этот своего рода «протоконсерватизм» странным образом привел в либеральный лагерь даже его, который всю жизнь называл себя антилибералом. Не случайно, что послевоенные воспоминания навели его на мысль, будто время вновь подтвердило его самые горькие предчувствия.

«После прихода к власти Гитлера я постоянно думаю про сказку о крысолове. Словно здесь стоял новый крысолов, облеченный волшебной властью, на некогда благодатной территории Восточной Европы [...] выдувая ту же самую мелодию, слышав которую крысы выползали из своих нор и укрытий. Теперь же из душ человеческих вырвались зло, ненависть и непотребство, таившиеся в сей бездне инстинктов не одну тысячу лет. И если не придет новый крысолов со своей пропагандистской губной гармоникой и не захватит власть, миллионы и миллионы так и останутся невинными людьми и никогда не узнают, что за крысы живут в их душах, и никогда не выпустят их на белый свет» [51].

Оценивая обстоятельства крушения третьего рейха, тотальное поражение и значение Ялтинского соглашения, Секфю пришел к выводу, что англосаксы, в особенности американцы, не имеют особых интересов в этом регионе, не заинтересованы в том, чтобы так или иначе влиять на положение Венгрии. Поэтому историк написал: «Венгрия находится теперь на той же протянувшейся от Финляндии до Болгарии линии, что объединила побежденных с сидящими за столом мирных переговоров победителями – чехами, поляками, румынами и югославами. Разница между победой и поражением в первую очередь стирается тем, что все мы теперь

соседи Советского Союза и отныне оказываемся в сфере его экономического и социального влияния [...] На самом деле, речь идет лишь о комбинации последствий войны с неизменными географическими реалиями» [5. 131. old.].

В последней статье всего в нескольких скупых словах Секфю сумел, словно в завещании, описать всю свою жизнь: «Автор этих строк вел ярко выраженный буржуазный образ жизни и был индивидуалистом» [19. 1634. old.]. Два эти понятия, буржуазия и индивидуализм, были в европейской истории идей то сопряженными, то взаимоисключающими понятиями, но меньше всего они подходят тому режиму, достоинства которого признал Секфю накануне смерти. В буржуазии историк видел не традиционно связываемые с этим понятием политические и экономические явления – парламентаризм и капитализм, – но некий культурно-духовный образ жизни. В последнее десятилетие он не раз обращался к этой теме. «В Венгрии давно стало общим местом утверждать, что здесь нет класса буржуазии», – писал он в 1947 г., т.е. буржуазия для него, в первую очередь, не статусное положение в обществе, но некий базовый подход, позволяющий полноту исторических эпох рассмотреть в рамках единого ценностного ориентира [52. 500. old.]. Оглядываясь на погибший в 1945 г. мир, он назвал величайшим общим социальным знаменателем «любовь к буржуазному образу жизни», которая включает в себя все «от стиля одежды до литературных предпочтений и умеренных, более или менее цивилизованных форм самовыражения» [5. 161. old.].

Буржуазный идеал Секфю, как он зафиксирован в его поздних рукописях – «чистый синтез европейского и венгерского во всех формах, включая гостеприимство и образованность» – восходил к семейному укладу его рано умершего духовного наставника, высокообразованного историка и выдающегося педагога Ш. Мика (1859–1912). Этот идеал конкретизировался в более широком контексте буржуазного процветания последних десятилетий двуединой Австро-Венгерской монархии: «На рубеже веков верхний слой учителей средних школ располагал такими широкими культурными возможностями, как никогда потом. Они вели буржуазный образ жизни, проживали в больших квартирах, окруженные книгами, занимались своими учениками вне школы, каждое лето ездили за границу, главным образом во Францию». Наряду с буржуазным благосостоянием и культурным багажом Секфю отмечал замкнутый, чуравшийся помпезности уклад: «Наши же герои вели потаенную жизнь, до них никому не было дела, и им никто не был нужен, в особенности они презирали тех, кто находился на авансцене публичной жизни, от кого, на самом деле, зависела их судьба» [14. 168. old.].

Христианское мировоззрение в этой буржуазной среде резко отличалось от повседневного католицизма. В то же время становится понятным, почему представители этого слоя, в том числе и Секфю, не примкнули к радикальной буржуазной оппозиции, которая «по шуму и фразерству не отставала от правящего класса», и остались равнодушны к рабочему движению, «пути которого были далеки от тех, по которым следовали люди, познавшие слово Божье». Вообще, по мнению Секфю: «Если придерживаться антиисторических взглядов [...] их можно назвать скептически настроенными буржуа, но, на самом деле, они таковы, какими, согласно Маритену, должны быть истинные католики [...] в один прекрасный день они объединятся, поднимутся и, взамен формальной религиозной жизни, обновят и оздоровят бледное лицо современного христианства» [14. 169. old.].

Карьера Секфю была полна противоречий и разочарований, и последнее десятилетие не стало исключением; зато его политические метаморфозы и интересы продолжают волновать нас до сих пор, и это при том, что его взгляды нельзя однозначно отнести ни к одному из идейно-политических движений или течений. За драмой последних лет жизни Секфю, архаичным языком его текстов просматривается ясность ума, несущая печать уникальной личности. В самом деле, мы можем сказать о Секфю в старости его же словами о престарелом Кошуте: «На исхо-

де жизни, в последние полтора десятка лет, бед и обид не становилось меньше, но сомнений в своей исторической миссии не возникало никогда» [12. 397. old.].

Пер. с венгерс. О.В. Хавановой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Szekfű Gy.* Magyar katolikus történetfelfogás // Katolikus írók új magyar kalauza. Budapest, [1941].
2. *Szekfű Gy.* A történet mechanizálása // Magyar Szemle. 1931. December.
3. *Lázár Gy.* Szekfű Gyula követ és a moszkvai magyar követség jelentései (1946–1948). Budapest, 1998.
4. *Ujváry G.* A harmincharmadik nemzedék. Budapest, 2010.
5. *Секфю Д.* После революции. М., 2010.
6. Mindszenty aulista parjának, Fábíán Jánosnak visszaemlékezése // *Saad B.* Tíz arckép. Budapest, 1983.
7. *Márai S.* A teljes Napló – 1948. Budapest, 2008.
8. Szekfű Gyula temetése // Szabad Nép. 1955. 4 VI.
9. *Révész I.* Szekfű Gyula, nekrológ // Akadémiai Értesítő. 1955. (szeptember-október).
10. *Ortutay Gy.* Szekfű Gyula // Csillag. 1955.
11. *Ortutay Gy.* Napló. Budapest, 2009. 2. köt.
12. *Szekfű Gy.* Az öreg Kossuth // Kossuth-émlékkönyv. Budapest, 2. köt.
13. *Miskolczy A.* Három magyar hungarológus // Hungarológia. 2000. № 1–2.
14. *Dénes I. Z.* Szekfű Gyula magántanári képzésének ügye 1914–1916. Budapest, 1976.
15. *Szekfű Gy.* Az értelmiség átállása a felszabadulás után // Csillag. 1955.
16. *Mérei Gy.* Szekfű Gyula a nemzetben gondolkodó történész // Tiszatáj. 1984.
17. *Szabó Z.* A historikus halálhíre // Ősök és társak. Berne, 1984.
18. Szekfű Gyula üdvözlő levele Rákosi Mátyáshoz // Magyar Nemzet. 1952. 11 III.
19. *Szekfű Gy.* Az értelmiség átállása a felszabadulás után // Csillag. 1955.
20. Pannonhalmi Bencés Főapátság Levéltár, Pannonhalma. Csóka Lajos hagyatéka. Emlékeim Szekfű Gyuláról. Письмо сиделки Т. Бёрёш к профессору-бенедиктинцу Л. Чока, 25.IV.1959.
21. Ki volt hát Szekfű Gyula? Major Ottó interjúja Keresztury Dezsővel // Valóság. 1984. № 11.
22. *Standeisky É.* Csábtánc és kizorítódsi. Az 1945-ös Új Szellemi Front // Múltunk. 2005. № 4.
23. «A magyar tudományos élet vezetői a szakszervezeti gondolat mellett». Szekfű Gyula, Supka Géza, Deér József a Magyar Pedagógusok Szabad Szakszervezetéről // Szabad Nép. 1945. 29 III.
24. *Varga I.* Egykorú hírlapi tudósítások Szekfű Gyula 1945. áprilisi előadásáról // Történelmi Szemle. 1985. № 4.
25. *Balogh M.* A címzetek: Grösz József és Mindszenty József, Szekfű Gyula ismeretlen levele // Magyar Napló. 1989. 22 XII.
26. A magyar katolikus püspökkari tanácskozások története és jegyzőkönyvei 1945–1948 között. Budapest; Köln, 1996.
27. *Hatos P.* Szekfű katolicizmusa // Múltunk. 2010. № 1.
28. Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár Kézirattára. Ms. 5235/19. Письмо Д. Секфю к Д. Мереи, Матрахаза, 28.X.[1947].
29. Magyar Országos Levéltár. F. 276. 65. cs. 198. ö.e. Письмо М. Ракоши к Д. Секфю. Будапешт, 11.VIII.1948.
30. *Salacz G.* A Magyar Katolikus Egyház tizenhét esztendeje (1948–1964). München, 1988.
31. *Révai J.* Szekfű Gyula útja // Szabad Nép. 1945. 19 IV.
32. *Darvas J.* Új szellemi frontot! // Új szellemi front. Budapest, 1945.
33. *Erdei F.* A magyar értelmiség útja // Új szellemi front. Budapest, 1945.
34. *Szekfű Gy.* Új front – régi út // Új szellemi front. Budapest, 1945.
35. *Szekfű Gy.* A szabadság hívei // Világ. 1945. 26 VIII.
36. *Standeisky É.* Remény és szorongás. Demokráciaelképzelések és demokráciaértelmezések // A demokrácia reménye. Magyarország, 1945. Budapest, 2005.
37. *Standeisky É.* Szekfű Gyula az 1944–45-ös sorsfordulóról // Élet és Irodalom. 2008. № 19.
38. *Rainer M. J.* A volt «keresztény középosztály» és a demokrácia reménye // A demokrácia reménye. Magyarország, 1945. Budapest, 2005.
39. *Miskolczy A.* Szellem és nemzet. Babits Mihály, Szekfű Gyula, Eckhardt Sándor és Zolnai Béla világáról. Budapest, 2001.
40. *Szekfű Gy.* Az utolsó fejezet // Napkelet. 1923.
41. *Szekfű Gy.* Széchenyi ünnepén // Napkelet. 1925.
42. *Szekfű Gy.* Magyar középosztály? // Korunk Szava. 1933. 1 II.
43. *Szekfű Gy.* Valahol utat veszítettünk. VII // Magyar Nemzet. 1944. 27 II.
44. *Kornfeld M.* Trianontól Trianonig. Tanulmányok, dokumentumok. Budapest, 2006.

45. A mosolygó Moszkva. Beszélgetés a Moszkvából hazaérkezett Szekfű Gyulánéval // Új Magyarország. 1945. 10 VII.
46. *Thienemann T.* Az utókor címére. Életrajzi feljegyzések. Pécs, 2010.
47. *Szekfű Gy.* A moszkvai út // Új Magyarország. 1945. 7 VIII.
48. Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár Kézirattára. Ms 4492/170. Письмо к А. Габору, 7.VII.1920.
49. *Miskolczy A.* Csoportkép történészekkel // Aetas. 2004. № 3–4.
50. *Szekfű Gy.* Történetpolitikai tanulmányok. Budapest, 1924.
51. *Szekfű Gy.* A patkányfogó sikere // Világ. 1945. 10 V.
52. *Szekfű Gy.* A magyar jellem történetünkben // Mi a magyar? Budapest, 1939.

© 2013 г. П.П. ТИМОФЕЕВ

РОССИЯ И ФРАНЦИЯ НА БАЛКАНАХ В 1990–1995 ГОДАХ

В статье анализируется взаимодействие России и Франции в период кризиса 1990–1995 гг. на Балканах, на протяжении которого позиции и Москвы, и Парижа претерпели значительную эволюцию: от обоюдного стремления сохранить СФРЮ и безусловной поддержки Белграда – к признанию югославских республик и силовому урегулированию кризиса.

The article is devoted to the Russian-French interaction during the Balkan Crisis of 1990–1995, when the positions of Moscow and Paris were revised considerably: from their reciprocal endeavour to save the Socialist Federal Republic of Yugoslavia and support Belgrade – to the recognition of the sovereignty of the former Yugoslav republics and military regulation of the crisis.

Ключевые слова: Россия, Франция, Балканы, Югославия, СООНО, ИФОР.

Распад Югославии стал крупнейшим европейским кризисом начала 1990-х годов. Центральным вопросом всей политической борьбы Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ) в 1990–1991 гг. оказался вопрос о дальнейшей судьбе государства. Если словенские и хорватские националисты, выигравшие выборы в своих республиках, взяли курс на независимость, то социалисты в Сербии и коммунисты, победившие в Черногории, настаивали на праве сохранить федерацию. Борьба сторон приняла сначала форму политических переговоров, а с лета 1991 г. – вооруженной борьбы. Югославы рассчитывали на поддержку развивавшегося Европейского Сообщества (ЕС). Еще в январе 1990 г. СФРЮ приняла декларацию о включении Югославии в интеграционные процессы в Европе, которая должна была стать началом нового этапа европейского курса страны¹. Переговоры СФРЮ и ЕЭС стартовали в 1990 г.

В этих условиях Франция, которая была не только одной из стран-лидеров ЕЭС, но и имела свои весьма существенные экономические интересы в СФРЮ², не могла оставаться в стороне от происходящего. До середины 1991 г. она, вместе с другими странами Сообщества выражала официальную поддержку Белграду, подчеркивая в серии деклараций 1990–1991 гг. необходимость территориальной целостности страны³. На фоне происходивших «бархатных» революций в Восточной Европе президент Франции Ф. Миттеран выступил против распада СФРЮ,

Тимофеев Павел Петрович – канд. полит. наук, научный сотрудник Института международной экономики и международных отношений РАН.

¹ На смену политике неприсоединения должна была прийти ассоциация с ЕЭС, членство в ЕАСТ, ОЭСР и в Совете Европы [1. С. 169].

² В 1989 г. Югославия была вторым после СССР рынком сбыта французских товаров в Восточной Европе, а Франция – четвертым импортером югославских товаров. [2]

³ В декабре 1990 г. ЕЭС заявило, что целостность СФРЮ является непременным условием начала переговоров об ассоциации с Единой Европой. В марте 1991 г. новая декларация ЕЭС гласила, что

опасаясь дестабилизации обстановки в регионе и не веря, что на месте Югославии могут образоваться жизнеспособные государства [3. С. 473]. Другой партнер Югославии – Советский Союз, испытывая по сути те же проблемы, что СФРЮ, также выступил за сохранение югославского единства и успешное реформирование федерации [4. С. 217]. Принципы уважения территориальной целостности и политической независимости любого европейского государства были подтверждены не только Францией и СССР, но и всеми европейскими странами, США и Канадой в Парижской хартии СБСЕ для новой Европы, принятой в ноябре 1990 г. [5. С. 32–43; 6].

Провозглашение Словенией и Хорватией независимости 25 июня 1991 г. было встречено с тревогой не только в Москве, но и в Париже. Глава МИД Франции Р. Дюма выразил сожаление по поводу этого решения, заявив, что Франция не признает новые государства как минимум до тех пор, пока они взаимно не признают границы друг друга и других республик СФРЮ [3. С. 474; 7. С. 300; 8. Р. 750].

26 июня 1991 г. части Югославской народной армии (ЮНА) были введены в Словению для восстановления контроля СФРЮ над мятежной республикой. СССР и ЕЭС отреагировали уже в ближайшие дни. Москва высказалась за решение проблемы путем переговоров, подчеркнув, что считает шаги словенцев и хорватов незаконными [4. С. 56–57, 218–219]. Что касается ЕЭС, то саммит в Люксембурге 28–29 июня 1991 г. показал, что в его рядах, в том числе среди лидирующего тандема Франция – Германия, назревал раскол. Если Париж выступил за сохранение Югославии, то Бонн изначально поддержал сепаратизм словенцев и хорватов⁴. Уже изначально, обсуждая вопрос о введении санкций против СФРЮ, стороны разошлись в оценках: французы и итальянцы предлагали заморозить выдачу кредита Белграду⁵ в случае если насилие продолжится, тогда как немцы и голландцы считали, что помощь СФРЮ надо приостанавливать уже немедленно. В итоге был достигнут компромисс: ЕЭС отправил своих представителей⁶ на переговоры в СФРЮ, чтобы те примирили стороны. По итогам следующего саммита, в Гааге 5 июля 1991 г., по предложению Бонна в Югославию была направлена наблюдательная миссия СБСЕ. Но в целом чаша весов пока склонялась в пользу Франции: даже санкции, принятые Сообществом в результате франко-германских переговоров, оказались минимальными: ЕЭС приняло решение прервать оказание экономической помощи, но, учитывая ее долгосрочный характер (оказание предполагалось в будущем), практический эффект от этой меры был невелик. А эмбарго на поставки оружия вводилось на всю территорию СФРЮ, что играло на руку центральной власти. «Каждый раз Европа должна опираться, прежде всего, на право; важно исключить обращение к силе, и, конечно, роль 12-ти состоит не в том, чтобы способствовать разделению сообществ» – заявил Р. Дюма в Гааге. Он предупредил о недопустимости того, «чтобы некоторые регионы слишком открыто находились под иностранным влиянием» намекая на Австрию, Германию и другие страны. В то же время он оговорился, что «федерация может существовать [...], лишь когда ее члены поддерживают ее. Иначе участники будут вправе потребовать независимости», подготовив почву для возможных жестов в адрес сепаратистов [10. 1991. 7–8 VII].

«с точки зрения Двенадцати объединенная и демократическая Югославия имеет наибольший шанс гармонично интегрироваться в Новую Европу» [1. С. 169, 180].

⁴ Исследователи отмечают, что решив в 1990 г. вопрос об объединении страны, немецкие политики использовали югославский кризис для укрепления позиций ФРГ в Европе. Поддержка хорватов и словенцев стала для Берлина удобным способом усилить влияние на Балканах за счет Югославии (см.: [9. S. 193, 257]).

⁵ 24 июня ЕЭС подписало с СФРЮ протокол о выдаче кредита на 807 млн экю, т.е. 5.6 млрд. франков на 5 лет) [10. 1991. 30 VI – 1 VII].

⁶ Так называемая тройка: глава МИД Люксембурга Ж. Поос, его итальянский коллега Дж. де Микелис и голландский – Х. Ван ден Брук.

Переговоры «тройки» с руководством СФРЮ и мятежных республик принесли плоды: 7 июля 1991 г. стороны подписали Брионское соглашение, по которому сепаратистские декларации Словении и Хорватии приостанавливались на три месяца. За это время народы Югославии должны были определить свое будущее путем переговоров и при поддержке Сообщества. Особые надежды на Париж как на охранителя порядка возлагала Сербия: сербы воспринимали Францию как страну, способную умерить пыл партнеров по ЕЭС, рвавшихся признать независимость Словении и Хорватии. «И сейчас Париж их не разочаровал» – констатировала газета «Le Monde» [10. 1991. 13 VII]. 8 июля 1991 г. глава Еврокомиссии – француз Ж. Делор объявил, что независимость словенцев и хорватов, конечно, не исключена, но, прежде всего ЕЭС заинтересовано в мире на Балканах, а не в волне насилия и в анархии [10. 1991. 9 VII]. Тогда же один из французских дипломатов (глава европейского департамента МИД Франции Ж. Бло) отправился в Югославию, чтобы поддерживать контакт со сторонами в ходе кризиса [10. 1991. 10 VII]. В целом же позицию Франции на тот момент хорошо иллюстрируют слова президента Миттерана: «Пока существует шанс на единство, нужно использовать его в интересах демократии. Он не возможен? Что ж, пусть тогда утверждается право на самоопределение!» [10. 1991. 16 VII]. Об авторитете, которым пользовалась Франция, свидетельствует визит в Париж 24 июля президента Македонии К. Глигорова, обсудившего с Дюма проект реформирования СФРЮ [10. 1991. 26 VII]. Консенсус, который вроде бы установился в ЕЭС по отношению к событиям на Балканах, был продемонстрирован совместным заявлением Ф. Миттерана и Г. Коля, в ходе которого первый заявил, что «федерацию нельзя спасти силой», так как время империй прошло и сторонам нужен диалог, а второй отметил, что признание Словении и Хорватии неактуально [10. 1991. 25 VII].

Но в условиях, когда переговоры между федерацией и республиками в Югославии зашли в тупик, в Словении едва удалось заморозить столкновения, а в Хорватии – с августа 1991 г. началась гражданская война между хорватами и сербами⁷, ЕЭС активизировало усилия по урегулированию кризиса у своих границ. Столкнувшись с тем, что перемирия, заключаемые при содействии ЕЭС, систематически нарушались, Париж и Бонн предложили ввести европейские миротворческие силы, чтобы развести враждующие стороны, однако против этого выступил Лондон, не имевший ни малейшего желания посылать своих солдат в новую «горячую точку». Его поддержала Москва, не желавшая видеть участие натовских солдат в конфликте на Балканах и пригрозившая возможностью новой общеевропейской войны. Эту позицию разделяли и в ЕЭС. «Мы не можем рисковать миром на континенте из-за войны между двумя деревнями» – эта фраза одного из европейских дипломатов красноречиво отражала отношение ЕЭС к конфликту [10. 1991. 6 VII]. Ситуация зашла в тупик.

И именно тогда Сообщество частично поменяло свою позицию: оно признало право говорить от имени Югославии не только за Центром, но и за республиками, тем самым отходя от строгого следования международному праву, по которому именно федерация была субъектом международных отношений. Германия вновь торпедировала процесс, предложив применить против Сербии санкции и, вопреки Брионской декларации, снова признать независимость Словении и Хорватии. В этих условиях Франция вынесла на рассмотрение партнеров другой вариант: провести под эгидой ЕЭС конференцию для решения югославского вопроса [10. 1991. 7–8, 15 VII]. После провала путча ГКЧП в СССР, показавшего, что Союз уже не способен играть серьезную роль на международной арене, а Италия и

⁷ Война в Хорватии началась между хорватскими вооруженными силами, желавшими отделиться, и сербами Краины и Славонии, которые хотели остаться в составе Югославии. Части ЮНА вмешались в конфликт на стороне сербов [1. С. 111–112, 121–126]

Австрия вновь подняли на повестку дня вопрос о признании сепаратистов, Франции стало еще сложнее отстаивать принцип сохранения СФРЮ. Пресс-секретарю МИД Франции Д. Бернару пришлось публично призвать сербов к «умеренности», чтобы избежать непоправимого [10. 1991. 28 VIII]. 27 августа по предложению Парижа ЕЭС предложило сформировать арбитражную комиссию из пяти человек (трое от ЕЭС, двое – от Югославии) для выработки предложений по урегулированию конфликта. Альтернатива этому была лишь одна, уже озвученная Германией: угроза признать Словению и Хорватию как полноправных участников переговорного процесса со всеми вытекающими последствиями [10. 1991. 29 VIII].

В ходе дипломатической борьбы Дюма в очередной раз сумел отложить признание сепаратистов, убедив своего немецкого коллегу Г.-Д. Геншера (на которого давило правое крыло правящей христианско-демократической коалиции) 3 сентября принять план Франции: остановка войны в Хорватии, созыв международной конференции и создание арбитражной комиссии. Миттеран организовал в Париже в тот же день встречу С. Милошевича и Ф. Туджмана, в октябре 1991 г. в Москве прошла аналогичная встреча по инициативе М. Горбачева, но на практике обе не дали значимых результатов: основные надежды мир возлагал на многостороннее урегулирование – конференцию по Югославии и арбитражную комиссию, работу которых координировал председатель – глава МИД Великобритании лорд П. Каррингтон [1. С. 173–174, 182–183, 187, 366; 10. 1991. 5 IX]⁸. Арбитражная комиссия, в которую вошли пять юристов – представителей стран ЕЭС под руководством француза Р. Бадинтера [10. 1991. 5 IX], должна была выработать предложения для обсуждения на конференции представителями югославских республик (см. ниже). Проведение конференции поддержали США и СССР [4. С. 64–65].

Но, проработав с сентября 1991 по январь 1992 г., конференция не привела к конкретным результатам. Несмотря на то что Каррингтон, предложил югославам четыре проекта договора о будущем устройстве страны в форме союза суверенных государств, ни один из них не был принят. Тому было как минимум три причины. Во-первых, фундаментальные противоречия между югославами: если Словения и Хорватия исходили из уже свершившегося факта распада федерации, то Сербия, Черногория и Македония настаивали на том, что речь может идти лишь об отделении части республик. Отсюда вытекала неуступчивость обеих сторон: Сербия отказалась от любого иностранного военного присутствия в СФРЮ, а Хорватия не ответила на предложение ЕЭС создать в Югославии буферные зоны [10. 1991. 18 IX; 1. С. 96–99, 184–188, 369]. Во-вторых, Сообщество пыталось разрешить кризис исходя из весьма спорного постулата о том, что Югославии как единого целого уже не существует *de facto*, а значит и *de jure*. По словам Х. ван дер Брука, целью ЕЭС было «не искусственное сохранение единства, которого уже нет», а избежание раздробленности, чреватой насилием. [1. С. 96–99, 184–188, 369]. И эта позиция не могла не повлиять на поведение югославов, укрепляя аргументы сепаратистов. В-третьих, единство отсутствовало не только между югославами, но и между арбитрами – странами ЕЭС. Как и в начале кризиса, Германия и Франция подошли к переговорам на конференции с изначально разными установками. На встрече Миттерана и Коля 19 сентября президент Франции настаивал на приоритете принципа международного арбитража конфликтов, которые касаются границ, тогда как немецкий канцлер – на праве самоопределения народов. Германия, где из 700-тысячной югославской диаспоры 4/5 были хорватами, продолжала (при помощи Италии) поддерживать линию сепаратистов [10. 1991. 18–20 IX]. Франция, довольная тем, что сербская сторона представлена на конференции в ранге

⁸ Карьерный дипломат, бывший генсек НАТО, Каррингтон, по утверждению «Le Monde», слабо разбирался в югославских делах. В глазах Сербии он был «скорее полицейским, чем арбитром» (В. Иванович), сербы больше доверяли ООН и посланнику США С. Вэнсу, который считался «более беспристрастным» [10. 1991. 23 IX; 1992. 11 I].

равноправного участника, а не обвиняемого (на чем настаивал Бонн), ратовала за реформирование, но сохранение федерации. В отличие от своего коллеги, Дюма отказался говорить, признает ли Париж Словению и Хорватию, если конференция завершится провалом, дипломатично заявив, что цель одна – «сделать все возможное, чтобы остановить войну, которая идет в нескольких сотнях километров от нас» [10. 1991. 9 IX].

Однако по мере эскалации насилия в Югославии и отсутствия прогресса на переговорах, баланс сил стал склоняться в пользу Германии и позиция Франции начала меняться. Если 7 сентября Дюма лишь намекнул на возможную независимость Словении и Хорватии, то несколькими днями позже Миттеран прямо сказал: «Можно думать, что Словения будет независимой. На мой взгляд, это же относится и к Хорватии». Правда, он тут же уточнил: «Я думаю, что Югославия продолжит существовать, если не развалится совсем. Но этого не происходит» [10. 1991. 13 IX].

Франция предложила партнерам ряд инициатив: создание коридора безопасности между Сербией и Хорватией для эвакуации детей [10. 1991. 13, 15 IX] или призыв к авторитетным экспертам – экс-президентам США Дж. Картеру и Франции В. Жискара д'Эстену прибыть в Вуковар, где шли боевые действия [10. 1991. 23 XI]. В ноябре делегация представителей разных конфессий из Франции посетила Белград и Загреб, чтобы склонить враждующих к миру [10. 1991. 14 XI]. Но особых результатов это также не принесло.

Окончательное изменение позиции ЕЭС по югославскому вопросу наступило в конце 1991 г. В условиях, когда СФРЮ фактически утратила контроль над ситуацией, в Хорватии шла война, а Македония и Босния объявили осенью 1991 г. о независимости, Сообщество не нашло лучшего выхода, чем поддержать сложившееся status quo: признать республики, желавшие независимости. Консенсус был достигнут непросто. Накануне саммита ЕЭС в Брюсселе 16 декабря 1991 г. Франция в очередной раз попыталась отсрочить признание бывших югославских республик, объединив вокруг своей позиции всех членов ЕЭС, кроме Германии, однако Лондон и Рим к этому моменту были уже на стороне Бонна. Необходимость единения Сообщества в преддверии подписания и ратификации Маастрихтского договора о создании ЕС оказалось для Парижа важнее судьбы Югославии. В этой ситуации Франция и другие страны ЕЭС приняли решение признать Словению и Хорватию, но лишь 15 января 1992 г. и только после ознакомления с позицией комиссии Р. Бадинтера. 17 декабря 1991 г. члены ЕЭС заявили, что готовы признать те югославские республики, которые подтвердят согласие с выработанными условиями и откажутся от территориальных претензий и названий, подразумевающих такие претензии⁹. Комиссия Бадинтера, состоявшая из специалистов по европейскому, а не международному праву, опубликовала ряд заключений заявив, что речь идет именно о распаде СФРЮ, а не о выходе республик из ее состава. Она рекомендовала республикам договориться по всем вопросам на основе международного права и уважения прав человека, народов и меньшинств, указала, что право на самоопределение сербов в других республиках не должно затрагивать существующие границы, а после сообщила, что любые изменения границ возможны лишь мирным путем. Комиссия, к удивлению Миттерана, рекомендовала признание Словении и Македонии, но отрицательно отозвалась о текущих перспективах признания Хорватии (законы которой недостаточно уточняли важ-

⁹ Условия включали в себя: желание республик быть признанными в качестве независимых государств, уважение документов ООН и СБСЕ, в том числе Парижской хартии, гарантии прав национальных меньшинств, уважение нерушимости границ, решение проблем путем переговоров. Пункт о «названиях, подразумевающих территориальные претензии» касался Македонии, поскольку область с таким названием уже существовала в Греции, и Афины опасались, что новая республика получит право претендовать на греческие территории [1. С. 193–194].

ные детали «особого статуса» сербского меньшинства) и Боснии (говорилось, что ввиду отсутствия консенсуса в республике выражение воли населения о создании независимого государства «не может быть рассмотрено как полностью разделяемое») [10. 1991. 16 I], а уже в июле 1992 г. сообщила, что Югославия больше не существует, и, следовательно, все республики, ставшие ее наследниками, должны поровну разделить ее имущество, вклады и долги. Таким образом, итоги работы комиссии Бадинтера оцениваются весьма противоречиво. По мнению израильского юриста Ш. Розенна, заключения комиссии привели к преждевременному признанию новых государств и границ, углубив кризис, но с другой стороны, возможно, за исключением Боснии, ее решение относительно даты признания новых государств и решение следовать доктрине *uti possidetis* (принцип сохранения существующего положения вещей) для фиксации существующих границ как международных, сыграли свою роль в «долгосрочной стабилизации в регионе» [11. Р. 40; 12. Р. 34, 42, 44, 48; 13]. Германия, не дожидаясь заключений комиссии, форсировала признание независимости Любляны и Загреба, в одностороннем порядке, признав обе республики 23 декабря 1991 г. В последний момент Франция, дабы не оформлять разлад между европейцами в преддверии подписания Маастрихтского договора, решила поддержать позицию ФРГ как общую позицию ЕЭС [1. С. 193–194; 41. Р. 551]¹⁰.

Таким образом, курс Франции и ЕЭС в 1990–1991 гг. в отношении югославского кризиса изменился с безусловной поддержки СФРЮ на признание независимости ее республик, что фактически лишало Югославию права на защиту территориальной целостности и суверенитета. Справедливости ради стоит отметить, что при этом Франция была вынуждена принимать в расчет интересы сохранения коммунитарного единства, и, следовательно, позицию своего главного соперника-партнера по ЕЭС – ФРГ. И если Германия выступила адвокатом словенских и хорватских сепаратистов, то именно Миттеран в ЕЭС дольше всех настаивал на сохранении единства СФРЮ. Следует признать, что эта забота была легитимной, а свои позиции Франция, в неблагоприятных для нее условиях, отстаивала до середины декабря 1991 г. Под ее влиянием к коллективным действиям стремились не только страны ЕЭС, но и соседние страны региона (особенно Австрия, Венгрия и Болгария) равнялись на них. Признавая, что ответственность за поддержку сепаратистов ложится на Бонн, французские журналисты отмечали, что беда Миттерана, наоборот, состояла в том, что его позиции с течением времени становились все менее убедительными, а невмешательство в конфликт молчаливо обуславливало экспансионизм Сербии против Хорватии [10. 1991. 17 I].

Разумеется, на позицию Парижа влияла и эскалация насилия в Югославии, которую власти СФРЮ не сумели остановить. Наконец, все большее ослабление СССР в 1991 г. из-за внутреннего распада, не позволяло Миттерану опереться на позицию советского государства. Усиление взаимодействия между Францией и Россией в югославском кризисе вновь началось лишь в 1992 г. после того, как Сообщество трансформировалось в Евросоюз, а преемницей СССР стала Российская Федерация.

Взаимодействие Парижа (и ЕС в целом) с Москвой в ходе балканского урегулирования в 1992–1995 гг. носило уже совершенно иной характер. Главной причиной этого стало изменение внешней политики в Кремле: новое российское руководство во главе с президентом РФ Б.Н. Ельциным и главой МИД А. Козыревым

¹⁰ Итальянцы сообщили о негативных заключениях комиссии Бадинтера президенту Хорватии Ф. Туджману, который 13 января направил письмо в комиссию, заявив, что обязуется выполнить ее рекомендации. Комиссия в последний момент изменила позицию, что позволило всем участникам процесса сохранить лицо. Вечером во вторник, 14 января Лондон объявил, что признает Хорватию, и в полдень в среду, 15 января, Совет министров Франции принял аналогичное решение, хотя оно противоречило тому, что накануне объявляли Ф. Миттеран и Р. Дюма [10. 1991. 15 I].

взяла курс на солидарность с ЕС и США ради включения России в «цивилизованный мир» [4. С. 346] в целом, и для получения западной помощи – в частности. Этот фактор прямо повлиял на позицию Москвы в югославском вопросе. Нацеленная на диалог и координацию своих усилий с Западом – ЕС и США, Россия взяла курс на признание югославских республик, стремившихся к независимости. Суть внешней политики России на Балканах в этот период замминистра иностранных дел РФ В.И. Чуркин резюмировал так: «Имея собственное мнение, Россия действует в общем русле» [4. С. 316]. В момент, когда после фактического распада СФРЮ, Евросоюз, США и Турция активизировались на Балканах, отстаивая свои интересы (ЕС и США поддержали хорватов, а Турция – боснийцев-мусульман), Москва предпочитала в целом поддерживать западные страны и отказалась от поддержки сербов, стремясь играть роль арбитра вместе с Западом. Данный шаг сложно оценить однозначно. В определенной степени благодаря этому усилилось ее взаимодействие с ЕС и США: Россия смогла продемонстрировать им свою солидарность и получила в ответ западную экономическую и политическую поддержку, что нельзя не признать успехом. Но с другой стороны, учитывая тот факт, что Запад признавал Россию привилегированным собеседником Белграда [15. С. 121], Москва, как представляется, недооценила возможности, которые она могла бы извлечь из ситуации для утверждения своих интересов в регионе, если бы не столь прямолинейно равнялась на Евросоюз и США.

Россия, Франция и ЕЭС признали югославские республики Словению и Хорватию практически одновременно: Париж и Брюссель – в январе, а Москва – в феврале 1992 г., взяв тем самым на себя ответственность за нерешенную судьбу сербского меньшинства в Хорватии. Между тем «хорватские сербы» еще в декабре 1991 г., провозгласили Республику Сербская Краина (РСК), не признавшую ни ЕЭС, ни Россией [1. С. 177]. Белград раскритиковал эту двойственную позицию ЕЭС и России, упрекнув ЕЭС в том, что оно приняло сторону тех, кто желал покинуть Югославию, но не прислушалось к тем, кто хотел к ней остаться. На вопрос о том, видят ли сербы различия в позициях Франции и ФРГ, глава МИД Сербии В. Йованович ответил: «Мы этого хотели бы, но не видим существенной разницы». «Достоин сожаления, что страна, которая была разделена 40 лет и которая так требовала своего объединения, старается разорвать единство нашей страны, благоприятствуя неравенству и одностороннему сепаратизму» – добавил он [10. 1991. 15 I]. Нельзя не согласиться с тем, что политические мотивы при принятии решения в ЕЭС преобладали над правовыми: Хорватия на момент признания нарушила почти все условия, объявленные ЕЭС для признания в декабре 1991 г. [1. С. 259]. Правда, Франция, даже признав Хорватию, сделала это весьма сдержанно: Р. Дюма заявил, что Париж собирается направить в Загреб посла лишь после выполнения хорватами всех необходимых условий [16].

Так же, как и в случае со Словенией и Хорватией, Франция, ЕЭС и Россия практически синхронно – 7 и 28 апреля 1992 г. признали независимость Боснии и Герцеговины, хотя именно здесь сложилась наиболее сложная этнополитическая ситуация. Если мусульмане и хорваты республики ратовали за независимость Боснии, то боснийские сербы планировали остаться в Югославии, провозгласив в ноябре 1991 г. Сербскую Республику Боснии и Герцеговины (далее – Республика Сербская, РС)¹¹. Наблюдая за войной в Хорватии между хорватскими силами и РСК и опасаясь уничтожения со стороны хорватов и мусульман, боснийские сербы в апреле 1992 г. подняли мятеж, начав военным путем утверждение «своей» территории в Боснии. Подобно хорватскому случаю, признание Евросоюзом и Россией Боснии – страны с нестабильным внутренним положением, неопреде-

¹¹ По переписи 1981 г. в Боснии проживали три основные общины – мусульмане (39%), сербы (32%) и хорваты (18%). Многие жители самоопределялись как «югославы» (см. [1. С. 116]).

ленным политическим устройством, невыясненными отношениями между живущими в ней народами и охваченной войной, – можно считать как минимум несвоевременным политическим, а не правовым решением [1. С. 259]. Расчет на то, что признание ускорит решение боснийского конфликта, провалился: оно лишь усугубило ситуацию.

В то же время ни ЕЭС, ни Россия первоначально не торопились признавать Македонию, которая, по мнению комиссии Бадинтера, как раз соответствовала условиям признания. Правда, в данном вопросе Россия подчеркнута не стала идти в фарватере ЕС, уже 4 августа 1992 г. признав независимость самой южной югославской республики, и выразив пожелание, чтобы Греция и Македония поскорее договорились между собой по вопросу названия нового государства [4. С. 114–115]. Что касается Франции, то она в данном вопросе, как и другие члены ЕС, учла позицию Греции, не признававшей новую страну под названием «Македония». В июне 1992 г. на Лиссабонской конференции Евросоюз потребовал от новой республики отказаться от названия «Македония» в качестве предварительного условия признания. В декабре 1993 г. Париж признал республику под временным названием «Бывшая югославская республика Македония» (БЮРМ), под которым эта страна состоит в ООН до сих пор¹².

В отношении Сербии и Черногории, заявивших о желании остаться в составе югославской федерации, и создавших в апреле 1992 г. Союзную Республику Югославия (СРЮ), ЕЭС и Россия заняли различные позиции. Не оспаривая право сербов и черногорцев, европейцы поддержали позицию комиссии Бадинтера: СФРЮ распалась, а СРЮ не может быть ее единственной правопреемницей. Франция вместе с другими странами ЕС возложила на Белград всю ответственность за войну в Боснии. Разумеется, в Сербии придерживаясь обратного мнения, требуя признать за СРЮ право наследования всех прав бывшей СФРЮ на членство в ООН, СБСЕ и других международных организациях, и указывая на то, что в конфликтах не может быть одного виновника [1. С. 238–239, 260]. Россия, в соответствии с курсом солидарности с Западом, на тот момент, *de facto* признала СРЮ [4. С. 43], но вместе с США и ЕС рассматривала Белград в качестве главного виновника войны, влияющего на боснийских сербов. В мае 1992 г. Франция и РФ совместно голосовали в СБ ООН за резолюцию № 757 об экономических санкциях против СРЮ за войну в Боснии; в сентябре 1992 г. они одобрили резолюцию № 777, констатировавшую прекращение существования СФРЮ, и гласившую, что СРЮ не может быть ее правопреемницей; в апреле 1993 г. Франция внесла в СБ ООН резолюцию № 820 о новых экономических санкциях против Югославии. Россия на этот раз воздержалась, но не применила право вето [18]. В то же время, руководство России, заявляя о том, что для Москвы важнее всего солидарность с Западом, постаралось сгладить эту односторонность, сделав несколько шагов навстречу сербам. В июле 1992 г. на совещании СБСЕ в Хельсинки Москва вопреки позициям «большой семерки» выступила против исключения СРЮ из этой организации, в сентябре 1992 г. при голосовании об исключении Югославии из ООН она настояла на том, чтобы югославская делегация продолжила фактическую работу в учреждениях ООН [4. С. 84, 120, 231]. Под влиянием Верховного Совета РФ, осуждавшего «прозападный» курс Ельцина – Козырева, МИД РФ стал в СБ ООН инициатором резолюции № 802¹³, осудившей Хорватию за агрессию против РСХ. В этой резолюции указывалось также на ответственность других сторон, помимо сербской, в боснийском конфликте. В декабре 1992 г. Москва добилась от ООН смягчения санкций и разрешения возобновить поставки энергоносителей в СРЮ

¹² Македония была принята в ООН в 1993 г. (резолюция СБ ООН № 817 от 7. 04. 1993 г.) [17].

¹³ Принята 25 января 1993 г. единогласно [19].

[4. С. 247]. Тем самым, Россия постаралась частично дистанцироваться от чрезмерно жесткого курса своих партнеров – ЕЭС и США в отношении Югославии.

Еще в ноябре 1991 г. Франция и другие страны ЕЭС предложили ООН направить в Хорватию миротворцев для разведения воюющих сторон. С 1992 г. Миттеран, рассчитывая на построение диалога с Россией и осознавая ее возможности по воздействию на сербов в данном конфликте, полагал, что Москву полезно допустить к участию в переговорном процессе, миротворчестве и заключению соглашений на Балканах [14. Р. 585] (см. подробнее [51. Р. 521]).

Специфика ситуации как для Парижа, так и для Москвы (в отличие, от, скажем, Германии), заключалась в том, что для них в конфликте не было явного врага. Симпатизируя в целом сербской стороне, они стремились не вмешиваться в конфликт военным путем, считая целесообразным усадить враждующие стороны за стол переговоров. Миттеран отказался считать сербов агрессорами (позволив главе РС Р. Караджичу в январе 1993 г. заключить: «Франция не действует против нас»). Поэтому для Парижа речь шла именно о миротворческих действиях ООН, а не об операции по принуждению к миру под флагом НАТО, тем более, что эта идея не вызывала энтузиазма в Москве, на которую он мог опереться [4. С. 94]. Миттеран выразил отношение к идее применения военной силы в Боснии так: «Не следует к одной войне добавлять еще одну» [20. Р. 521]. Аналогичную позицию занимали в Кремле [15. С. 122].

В феврале 1992 г. Франция, Россия и другие страны СБ ООН одобрили резолюцию № 743, которая санкционировала развертывание в Хорватии миротворческих сил, получивших название «силы ООН по обороне» (UNPROFOR, по-русски – СООНО) [1. С. 198–203]. В марте 1992 г. российские (900 чел. десантников) и французские (1121 морской пехотинец) «голубые каски», направленные в Хорватию [21. Р. 3; 22], начали координировать свои действия¹⁴. По мнению В.И. Чуркина, участие российских миротворцев в операции ООН подтверждало роль России как великого государства. «Если мы хотим, чтобы наш голос громко звучал на Балканах, то уходить от такого участия просто не можем» – заявил он [4. С. 337]. Дальнейшее разрастание кризиса потребовало от двух стран новых сил для урегулирования конфликта: 8 июня 1992 г. была принята резолюция СБ ООН № 758, распространившая мандат СООНО на Боснию (10 июня 1992 г. 50 французских военных были размещены в Сараево), 13 августа СБ ООН одобрил резолюцию № 770, разрешившую миротворцам использовать в Боснии оружие для защиты гуманитарных конвоев, резолюция № 807 от 19 февраля 1993 г. требовала снабдить миротворцев ООН тяжелым вооружением для усиления собственной безопасности, а в резолюции № 815 от 30 марта 1993 мандат СООНО был продлен «на дополнительный временный срок» (резолюции №№ 807 и 815 были приняты под воздействием Парижа).

Эти результаты, говорившие о том, что миротворцы ООН сами нуждаются в защите, навели Париж на мысль о направлении европейских сил для разъединения сторон. Но инициатива не была реализована, поскольку ее не поддержали ни Великобритания, ни Германия. Бонн, понимая, насколько болезненно балканские народы восприняли бы новое после 1941–1945 гг. появление немецких солдат в регионе, предпочел действовать скрытыми методами, поставляя вооружение хорватским частям [20. Р. 521; 4. С. 287, 313; 1. С. 244]. Без поддержки ведущих членов ЕС Франция не сумела отстоять инициативу более активного участия Европы в урегулировании кризиса, поэтому Евросоюз впоследствии еще не раз критиковался за пассивность¹⁵.

¹⁴ По словам командира российского батальона полковника В.И. Логинова, именно с французской тыловой базы российские миротворцы получали имущество и продовольствие [4. С. 309]

¹⁵ Например, Ж. Ширак заявил в 1995 г., что ООН отправила в Югославию «плоховооруженных солдат: в лучшем случае – беспомощных свидетелей, в худшем – униженных соучастников варварских актов». [23. Р. 200]

Расширение масштабов кризиса на Боснию и отсутствие прогресса по его урегулированию вынудило Миттерана совершить неожиданный демарш: нанести 28 июня 1992 г. визит в осажденный боснийскими сербами Сараево, чтобы «разбудить всех» – в первую очередь, европейских партнеров, не нашедших общий язык по Югославии. Поэтому для визита, который, по словам СМИ, был совершен очень «по-деголлевски», был выбран не только особый день (28 июня – годовщина Сараевского убийства 1914 г.), но и особая форма (единоличный визит, контрастировавший с главным правилом европейской дипломатии – выступать «концертом»). Кроме того, 27 июня завершился саммит ЕЭС в Лиссабоне, а 29 июня СБ ООН должен был провести совещание по вопросу о принятии военных мер для разблокирования Сараево. Единичность шага Миттерана, по мнению «Le Monde», неслась в себе критику «беспомощной Европы [...] которую надо оздоровить». Эффект был вызван и неожиданностью визита, который готовился в обстановке стражайшей секретности: о нем не были оповещены не только европейские коллеги Миттерана, с которыми он встречался в Лиссабоне, но и Дюма узнал о том, что Миттеран летит с саммита в Боснию лишь по дороге в лиссабонский аэропорт.

Президент Франции подчеркивал, что летит в осажденный, лишенный воды и электричества, находящийся под обстрелом, Сараево, не как очередной переговорщик, а как свидетель войны, происходящей в центре Европы и уже оставившей о себе страшное наследие – руины хорватского города Вуковара. Не случайно гидом президента стал Б. Кушнер, сторонник теории «гуманитарной интервенции». «Я верю в символическую силу поступков» – заявил Миттеран, надеясь «достучаться до всеобщей совести». «Происходящее недопустимо. Это граница, до которой нельзя доходить» – добавил он, подчеркнув, что цель визита – не в том, чтобы вести войну с кем бы то ни было («Франция не является врагом ни одной из республик региона»), а в том, чтобы разблокировать сараевский аэропорт для доставки гуманитарных грузов. Проведя в Сараево шесть часов Миттеран напомнил, что открытие аэропорта – это одно из условий снятия эмбарго с Сербии. Демарш Миттерана был воспринят как «акт мужества» во Франции и за рубежом [10. 1992. 30 VI]. И хотя немедленных результатов он не принес, но позволил открыть воздушный мост, по которому Сараево начал снабжаться гуманитарными грузами.

В марте 1993 г. в ходе визита Миттерана в Москву Россия и Франция подписали совместное заявление, в котором призвали сербов, хорватов и мусульман договориться о мире на основе плана Вэнса – Оуэна¹⁶ и заявили о готовности выделить свои миротворческие силы уже для контингента ООН в Боснии. Рассчитывая на успех этого плана, рожденного в январе 1993 г., Франция в том же месяце стала первой страной, открывшей посольство в Сараево.

Но если в 1991–1992 гг. Миттерану удавалось отстаивать вполне нейтральные позиции Парижа в югославском конфликте, то в 1993–1995 гг. внутривнутриполитические изменения во Франции (победа правых на парламентских выборах в 1993 г. и избрание Ж. Ширака президентом весной 1995 г.) повлекли за собой ужесточение французских установок: вслед за США правые выступили за более жесткий подход по отношению к боснийским сербам [20. Р. 522]. Кадры обстрела последними Сараево 5 февраля 1994 г., в результате которого погибли 68 человек, были показаны по французским телеканалам, вызвав у французов шок. Официальный Париж не мог не отреагировать: ультиматум НАТО, предъявленный боснийским сербам (об отводе тяжелой артиллерии от Сараево) был прямо связан с ужесто-

¹⁶ Этот план, предполагавший создание Боснии как государства из 10 кантонов – сербских, хорватских, мусульманских и смешанных, не удовлетворил ни одну из трех боснийских сторон, и в июне 1993 г. был объявлен лордом Оуэном «мертвым» [21. Р. 26].

чением отношения Франции к ним [21. Р. 46]. Неудача усилий ООН в регионе заставила Вашингтон активизировать действия: применить военную силу НАТО против боснийских сербов, значительно потеснивших хорватов и мусульман¹⁷, для того чтобы склонить все стороны к миру. В ноябре 1994 г. Франция вместе с США, Великобританией и Нидерландами приняла участие в авианалете НАТО на позиции РСК в Хорватии¹⁸. А кризис с заложниками, случившийся в мае 1995 г., в принципе развязал Франции и другим странам ЕС руки для разблокирования ситуации в Боснии.

Нескончаемая осада Сараево боснийскими сербами и игнорирование ими требования об отводе тяжелой артиллерии позволило НАТО начать авианалеты на склады боеприпасов в «столице» РС – Пале. В ходе ответного наступления военные РС взяли в конце мая 1995 г. в заложники 236 миротворцев ООН, в том числе 172 французца [10. 1995. 30 V]. В этих условиях стратегия гуманитарного и нейтрального присутствия миротворцев ООН в Боснии обернулась бессилием и унижением «голубых касок», в том числе французских, что было неприемлемо для Ж. Ширака, позиционировавшего себя как наследника де Голля. По его приказу в Адриатику для демонстрации силы был направлен авианосец, а французские части в составе контингента ООН провели контратаку, отбив 27 мая 1995 г. мост Врбана: впервые на территории бывшей Югославии «голубые каски» нанесли удар, до этого они только защищались. После угроз сербов РС убить заложников, если мировое сообщество применит против них силу, Ж. Ширак был вынужден связаться с С. Милошевичем и Б.Н. Ельциным, прося содействия в освобождении заложников. В конце июня все французы были освобождены [10. 1995. 21 VI]. Тем самым, произошло переосмысление французского подхода к миротворчеству в Боснии: впервые боснийские сербы были названы агрессором, что повлекло за собой дальнейшие удары НАТО. Создание по инициативе Ширака сил быстрого реагирования (СБР) ООН, снабженных тяжелой техникой (в том числе танками и вертолетами), было призвано защитить миротворцев СООНО и способствовало дальнейшему укреплению военного контингента ООН и НАТО в урегулировании конфликта.

Дальнейшая эскалация насилия в Боснии вылилась в июле 1995 г. в падение мусульманских анклавов, объявленных зонами безопасности ООН, Сребреницы и Зепы, и наступления сербов на еще один анклав – Горажде. Нельзя сказать, чтобы в этих условиях взаимодействие Москвы и Парижа было продуктивным, скорее наоборот: Франция активнее всего требовала в Контактной группе (КГ) принятия решительных силовых мер против сербов, штурмовавших Сребреницу, где находились около 22 тыс. беженцев (по версии Красного Креста после падения города были убиты 6000 чел. [10. 1995. 7 VIII])¹⁹. Однако ни Россия, ни остальные члены КГ в силу разных причин не поддержали инициативы Ширака по проведению наземной операции против РС. Резолюция СБ ООН № 1004 от 12 июля 1995 г., хотя и содержала требование, «чтобы силы боснийских сербов прекратили свое наступление и немедленно покинули [...] район Сребреницы», осталась «мертвым грузом», так как не предполагала силовых санкций. Заинтересована в этом, судя по всему, была именно Россия: практику нанесения ударов по сербам Козырев назвал «военным безумием», тогда как все остальные члены КГ одобрили идею

¹⁷ Даже летом 1995 г., т.е. после начала операций НАТО, боснийские сербы контролировали 70% территории Боснии, тогда как мусульмане и хорваты удерживали под контролем 30% [10. 1995. 19 VII].

¹⁸ Налеты состоялись 21 ноября 1994 г. на сербский аэродром Удбина в районе города Бихач [10. 1994. 23 IX].

¹⁹ В числе обвиняемых в этой резне фигурирует также сотрудник спецслужб Франции Югослав Петрушич (он же – Жан-Пьер Перро), имеющий двойное гражданство (сербское и французское), известный также как «полковник Доминик» [25].

бомбардировок РС [10. 1995. 11, 13, 22–24, 26 VII]. Однако консультации между Парижем и Москвой не прекратились: 29 июля, когда уже хорваты начали наступление в Западной Боснии против РС, Ельцин обратился как к Б. Клинтону, так и к Ж. Шираку с просьбой остановить операцию. «Как обычно, русские, неспособные или нежелающие умерить пыл сербов, ратуют за решение путем переговоров лишь с одной стратегической целью: помешать НАТО играть основную роль в этом регионе», – язвительно заметила «Le Monde», упустив при этом из виду то, что в подобной ситуации с французскими заложниками Ширак сделал аналогичный шаг, позвонив в Кремль [10. 1995. 30–31 VII].

Если в июле 1995 г. попытки Франции (при пассивной позиции России) остановить продвижение сербов к Сребренице окончились ничем, то практически зеркальная ситуация повторилась в августе, когда хорватские силы 4–5 августа 1995 г. провели операцию «Буря» по уничтожению РСК в Хорватии [10. 1995. 6, 8, 12 VIII; 26]. Резолюция СБ ООН № 1009 от 10 августа 1995 г. хоть и осуждала хорватов, но требовала лишь остановки насилия и не подразумевала каких-либо санкций против Загреба, поскольку отражала самые противоречивые оценки происходящего: Россия раскритиковала операцию, США (а также Германия) поддержали, а Франция ограничилась осуждением Хорватии. Как и Козырев месяцем ранее, глава МИД Франции Э. де Шаретт подчеркнул, что военного решения проблемы нет. Правда, в Париже поддержали предложение Ельцина провести в Москве встречу Милошевича и Туджмана, но она не состоялась из-за отказа последнего [10. 1995. 7–8, 11 VIII].

В августе – сентябре 1995 г. Франция участвовала в операции НАТО «Обдуманная сила» по уничтожению тяжелого вооружения боснийских сербов вокруг Сараево²⁰. Россия в этот период, хотя и осудила силовой подход НАТО в Боснии, не сумела предложить ясных инициатив, и была оттеснена США и ЕС на второй план [10. 1995. 1–3 IX]. Как справедливо отмечала газета «Le Figaro», тот факт, что Россия осудила бомбардировки, но с запозданием, «говорит о дилемме российской дипломатии», которая стремилась не допустить использование силы против своих союзников-сербов и в то же время желала избежать конфронтации с Западом, особенно с партнерами по КГ [27. 1995. 31 VIII]. Очевидно, именно тогда, когда соотношение сил стало меняться не в пользу боснийских сербов, Москва уже не находила средств, чтобы остаться среди главных акторов, регулирующих боснийский кризис.

Но по окончании конфликта, во время переговоров в Дейтоне, Франции снова пришлось обращаться за помощью к России, чтобы выяснить судьбу двух своих пилотов, сбитых сербами при бомбардировке РС 30 августа 1995 г. Поскольку розыски НАТО не дали результатов, Ж. Ширак обратился за помощью к Милошевичу и Ельцину с просьбой оказать содействие в их поиске. Караджич попытался использовать ситуацию для политического торга, намекнув, что Париж мог бы поспособствовать освобождению летчиков, «если бы сделал кое-что полезное для сербов» [27. 1995. 2–3 XII]. Ж. Ширак, естественно, отверг этот торг, пригрозив, что если к моменту подписания Дейтонских соглашений (14 декабря 1995 г.) пилоты не будут найдены, это не только заблокирует мирный процесс в Боснии, но и негативно повлияет на двусторонние франко-югославские отношения [28. 1995. 7 XII]. Однако дальнейшие события наводят на мысль, что с сентября 1995 г. роль Москвы как посредника между Парижем и Белградом усилилась.

Как утверждает израильско-французский бизнесмен А. Гайдамак, доверенные лица Ширака – Ш. Паскуа и Ж.-Ш. Маршиани установили через него контакт с

²⁰ Операция «Обдуманная сила» проводилась 30 августа – 20 сентября 1995 г. с участием авиации НАТО и артиллерии СБР Франции и Великобритании. В ходе нее был сбит один французский самолет, пилоты попали в плен [10. 1995. 1 IX].

российскими спецслужбами, которые, получив согласие Ельцина, провели переговоры с послом СРЮ в России – Б. Милошевичем (братом С. Милошевича), и через него – с Караджичем и Младичем. Последний был больше всего озабочен получением иммунитета от преследований со стороны МТБЮ, поэтому Козырев и посол России в Нидерландах Л. Скотников призвали «заморозить» процессы, возбужденные против Караджича и Младича по обвинению в массовых расправах в Сребренице. Параллельно с этим Россия выступила за окончательную отмену санкций против СРЮ, за ее принятие в ОБСЕ и за предоставление гарантий для сербского населения Сараево, который должен был перейти под контроль боснийцев [29]. Показательно, что тогда же с аналогичными заявлениями выступил Париж: 30 ноября Ширак объявил Клинтону, что Дейтонские соглашения не содержат достаточных гарантий для сербского населения Сараево [10. 1995. 2 XII]. Еще более прямо высказался командующий французскими миротворцами в Сараево генерал Жан-Рене Башеле, публично объявивший, что эти соглашения оставляют боснийским сербам лишь один выбор: «чемодан или гроб». И хотя официальный Париж дезавуировал слова Башеле, газета «Liberation» справедливо указывала, что Ширак беспокоится за Сараево больше, чем Милошевич, который отдал город боснийцам «и глазом не моргнув» [28. 1995. 2–4 XII]. Когда за 48 часов до подписания Дейтонских соглашений пилоты были освобождены Младичем и возвращены во Францию, Ширак рассыпался в благодарностях перед Маршиани, С. Милошевичем, и, в особенности, Ельциным, подчеркнув, что без последнего «эта развязка не была бы достигнута»²¹.

Итоговым документом, который подвел черту под кризисом, стали Дейтонские соглашения, заключенные сербами, хорватами и боснийцами на американской авиабазе Райт-Паттерсон (16 км от Дейтона) в штате Огайо в ноябре 1995 г. Эти соглашения обсуждались 8–9 декабря 1995 г. на конференции в Лондоне и были подписаны 14 декабря 1995 г. в Париже²². Надо полагать, США сделали данный жест в сторону своих союзников для того чтобы подчеркнуть, что мир в Боснии не был чисто американским проектом, но над его достижением работали и европейские страны, хотя сам ход переговоров в Дейтоне проходил при минимальном участии ООН и европейцев и при максимальном участии американцев [33. Р. 52]. Россия, как член КГ, присутствовала на подписании вместе с тремя боснийскими сторонами, США, Великобританией, Францией, Германией и представителем ЕС (К. Бильдт) [10. 1995. 23 IX; 34]²³. Соглашения, подписанные Боснией, Хорватией и СРЮ, означали их взаимное признание суверенитета и целостности друг друга и согласие с созданием в Боснии двух общностей – мусульmano-хорватской и сербской. Для предотвращения новых столкновений в Боснию на смену СООНО вводился миротворческий контингент ИФОР (60 тыс. чел.) под руководством НАТО²⁴.

Несомненного успеха от соглашений добились, прежде всего, США, установившие с помощью сил НАТО военный контроль над Боснией: ее территория делилась на три сектора, один из которых (а также общее руководство силами ИФОР) получали под свой контроль американцы. Они же направляли самый крупный контингент – 18 тыс. чел. или 1/3 от общего числа сил ИФОР. Не зря Клинтон,

²¹ Резкое, но довольно справедливое заключение из происходящего сделало радио боснийских сербов, заявившее: «Два летчика, которые бомбили нас, чтобы стереть с лица земли и уничтожить как можно больше (сербов. – *Л.Т.*), были с почестями освобождены, потому что этого попросила Франция [...] Вывод прост и горек: два пилота, военные преступники, стоят для мира больше, чем судьба 120 000 сербов из Сараево» [28. 1995. 13 XII].

²² Это дало Франции повод гордо назвать их «Елисейским договором» [10. 1995. 10–11 XII].

²³ Первые итоги переговоров в Дейтоне напрямую касались России: западные страны удовлетворили просьбу С. Милошевича и А. Изетбеговича дать их странам на два месяца доступ к российскому газу ввиду приближающейся зимы [10. 1995. 11 XI].

²⁴ IFOR – Implementation Force («Исполняющие силы»).

оценивая соглашения, заявил, что присутствие США на Балканах соответствует стратегическим интересам США, восстанавливает стабильность в Центральной Европе и поддерживает активное лидерство США в мире [35; 10. 1995. 29 XI].

Роль России и Франции в урегулировании кризиса в Боснии и Хорватии следует оценить как удовлетворительную. Евросоюз в целом мог быть довольным: кровопролитная война «на заднем дворе Европы» была остановлена²⁵. Франция и Великобритания получили по одному сектору ИФОР в Боснии (Сараево, в частности, оказалось в составе французского сектора), а новый пост Высокого представителя по Боснии был доверен ЕС, что в перспективе означало серьезную основу для усиления позиций ЕС в регионе. В актив себе Франция могла занести лидерство в силах СООНО, «значительно сокративших страдания населения и позволивших добиться необходимой доставки гуманитарной помощи» боснийцам, размещение миротворческих сил в осажденном Сараево летом 1992 г., создание КГ и факт подписания соглашений в Париже [21. Р. 24, 26]. Одновременно кризис ясно показал, что, не имея конкретных инструментов общей внешней политики – например, европейских сил быстрого реагирования, Евросоюз не в состоянии погасить пожар на территории Европы. «Le Monde» отмечала: ЕС видит себя новой «великой державой», но на первом испытании показал свою беспомощность. По мнению газеты, Дейтон вовсе не обязательно был американским триумфом, зато он точно был европейским фиаско [10. 1995. 23 XI]. «За выражением удовлетворения и облегчения французских властей вырисовывается [...] очевидная горечь», – писала «Le Figaro», указывая, что США сумели за короткий срок привнести в Боснию мир по плану Жюппе – Кинкеля, который европейцы пытались навязать в течение 18 месяцев [10. 1995. 23 XI].

Что касается России, то она скорее подтвердила в Боснии, что является державой, с которой стоит считаться, чем добилась каких-то преимуществ. Москва была признана Западом как партнер по урегулированию в рамках КГ и приняла участие в миротворчестве в рамках СООНО и ИФОР, поставив самый крупный контингент из стран, не входящих в НАТО: около 2500 чел. в составе сектора США (хотя изначально Россия рассчитывала на большее)²⁶. Своими действиями в 1991–1995 гг., в том числе и в рамках взаимодействия с Францией, Москва продемонстрировала, что остается привилегированным партнером Белграда, сохраняющим влияние на Югославию. «Хотят ли русские участвовать в ИФОР лишь надеясь на усложнение этого предприятия НАТО? Даже если вопрос ставится так, союзники не могут отказаться от их услуг. Ведь они рискуют, с одной стороны, вызвать недовольство сербов, что сделало бы невозможным мирное соглашение, которому подчинено все, а с другой, – усилить сетования их “партнера” по поводу проекта расширения НАТО на некоторые страны Центральной Европы», – отмечала «Le Monde» [10. 1995. 10 XI]. Однако в завершающей стадии кризиса, когда, по словам Козырева, США избрали тактику «примитивных ударов» по боснийским сербам, Россия ничего не смогла противопоставить военной поддержке, которую НАТО оказала боснийским мусульманам и хорватам в операциях против РС и РСК. В итоге Кремль не получил право на собственный сектор, и в целом – не сумел закрепить свои интересы ни в одной из постюгославских республик. Неудивительно, что Дейтонские соглашения были встречены в Москве весьма сдержанно [15. С. 124–125; 10. 1995. 23 XI].

Наконец, Дейтонское соглашение в целом не устраивало ни сербов, ни хорватов, ни боснийцев²⁷. Советник делегации Боснии в Дейтоне от Совета Европы

²⁵ Война 1991–1995 гг. унесла жизни 200 тыс. чел. (в том числе 167 миротворцев ООН) [23. Р. 200; 36].

²⁶ Ср.: Великобритания – 16 тыс., Франция – 10 тыс. [35].

²⁷ Боснийские хорваты и сербы не сумели присоединиться, соответственно, к Хорватии и СРЮ. Боснийские мусульмане не сумели создать унитарного мусульманского государства. Каждая из сторон потеряла этнически «свои» земли, которые были у сторон до кризиса.

Х. Штейнбергер признал, что и с точки зрения Совета Европы этот документ не совершенен, и выглядит миром лишь на бумаге [34]. Однако, навязанное США и подкрепленное бомбами НАТО, оно заставило пойти на мир и сохранять относительную стабильность в центре Балкан. Самый крупный в Европе конфликт с конца Второй мировой войны был погашен.

События 1990-х годов показали, что Балканы остаются важным регионом для многих держав, в том числе для России и Франции. Обе страны сотрудничали и соперничали на полуострове, совместно участвуя в урегулировании серии кризисов на постюгославском пространстве. Это участие было и остается политическим, военным, экономическим, и в основном происходит в рамках многосторонних институтов. Цели внешней политики России и Франции на Балканах в указанный период частично совпадали: обе стороны выступали за стабилизацию региона, находящегося рядом с ЕС и одновременно исторически близкого России. В то же время нельзя не отметить и разность целей: если Париж активно участвовал в вовлечении Балкан в орбиту ЕС, то Москва объективно была заинтересована в сохранении на Балканах российского влияния.

Изменение в 1990-х годах баланса сил в мире, в результате которого возможности Парижа и Москвы самостоятельно проводить в жизнь свой внешнеполитический курс существенно снизились, привели к тому, что и французское, и российское влияние на Балканах в настоящее время весьма невелико. Поэтому Франция и сегодня пытается добиваться своих целей на Балканах, действуя в рамках ЕС, что по определению снижает степень ее самостоятельности. Россия же, не имея возможности, как Франция, опереться на экономический потенциал Европы, пытается сохранять свое присутствие, используя главным образом лишь ограниченные дипломатические инструменты. Правда, тот факт, что Балканский полуостров остается еще достаточно кризисным регионом, обязывает и Францию, и Россию «держат руку» на его «пульсе», для того чтобы быть готовыми к изменениям ситуации на полуострове.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Югославия в огне. Документы, факты, комментарии (1990–1992). М., 1992.
2. http://aircrigeweb.free.fr/ressources/bosnie/Narot_guerre_fr.html
3. Франция в поисках новых путей. М., 2007.
4. Югославский кризис и Россия. Документы, факты, комментарии (1990–1993). М., 1993.
5. Визит М.С. Горбачева во Францию, 28–29 октября 1990 г. Документы и материалы. М., 1990.
6. http://www.osce.org/documents/mcs/1990/11/4045_ru.pdf
7. Дубинин Ю.В. Дипломатическая бль. Записки посла во Франции. М., 1997.
8. Attali J. Verbatim. Paris, 1995. Т. III. (1988–1991).
9. Avramov S. Postherojski rat Zapada protiv Jugoslavije. Veternik, 1997.
10. Le Monde.
11. Roseanne Sh. Essays on International Law and Practice. Leiden, 2007.
12. McWhinney Ed. Self-Determination of Peoples and Plural-Ethnic States in Contemporary International Law. Leiden, 2007.
13. <http://www.zorankosanic.eu/Doc%20Blog/Commission-Badinter.pdf>
14. Vedrine H. Les mondes de Francois Mitterrand. A L'Elysee. 1981–1995. Paris, 1996.
15. Козырев А.В. Преображение. М., 1995.
16. Luxemburger Wort. 1992. 16 I.
17. <http://www.un.org/russian/documen/scresol/res1993/res817.htm>
18. <http://www.un.org/russian/documen/scresol/res1992/res757.htm>; <http://www.un.org/russian/documen/scresol/res1992/res777.htm>; <http://www.un.org/russian/documen/scresol/res1993/res820.htm>
19. <http://www.un.org/russian/documen/scresol/res1993/res802.htm>
20. Histoire de la diplomatie francaise. Paris, 2007. Т. 2.
21. <http://www.ecpad.fr/wp-content/uploads/2012/04/Dossier-thema-Bosnie-avril-2012.pdf>
22. <http://www.structure.mil.ru/structure/forces/air/news/more.htm?id=11150924@egNews>
23. Chirac J. Mon combat pour la paix. Textes et interventions. Paris, 2007.

24. <http://www.un.org/russian/document/scresol/res1995/res998.htm>
25. Новые Известия. 2000. 16 XI; <http://archive.svoboda.org/archive/crisis/kosovo/1199/ll.112699-3.asp>
26. <http://www.un.org/russian/document/scresol/res1995/res1009.htm>
27. Le Figaro.
28. Liberation.
29. Paris-Match. 2009. 10 XII.
30. Дель Понте К. Охота. Я и военные преступники. М., 2008.
31. <http://fa.osaarchivum.org/ft?col=208&i=144>
32. La Croix. 1995. 14 XII.
33. http://www.cdef.terre.defense.gouv.fr/publications/cahiers_drex/cahier_recherche/de_la_forpronu_a_ifor.pdf
34. [http://www.venice.coe.int/docs/1996/CDL\(1996\)005-f.asp](http://www.venice.coe.int/docs/1996/CDL(1996)005-f.asp)
35. <http://www.nato.int/ifor/gfa/gfa-home.htm>
36. <http://www.un.org/russian/peace/pko/yugoslav.htm>

© 2013 г. О.В. СОБАКИНА

ФОРТЕПИАННОЕ ТВОРЧЕСТВО ПОЛЬСКИХ КОМПОЗИТОРОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНО-СТИЛЕВЫХ ПРОЦЕССОВ

В статье рассматривается процесс стилистических преобразований в польской фортепианной музыке первой половины XX в., анализируются принципы использования техники додекафонии в творчестве польских композиторов, поскольку обращение к этой технике стало импульсом к развитию авангардных техник композиции во второй половине XX в.

The article follows the process of stylistic changes in the Polish fortepiano music of the first half of the twentieth century, analyses the principles of applying the dodecaphony technique in the work of Polish composers, insofar as the use of this technique would become an impulse for the avant-garde techniques of composition in the second half of the century.

Ключевые слова: польская фортепианная музыка, неоклассицизм, додекафония, Шимановский, Лютославский, Палестер, Шеффер.

Польская музыка XX в. удивляет богатством ярких художественных явлений. Ее отличительными качествами стали активный интерес к новым художественным направлениям и стремление к созданию актуальных средств выразительности. При этом область фортепианного творчества по-прежнему сохраняла свое важнейшее место в польской музыкальной культуре. Ведь рояль всегда был универсальным инструментом, синтезировавшим разнообразные возможности и дававшим импульс к творческим поискам. Фортепианное творчество польских композиторов этого времени наиболее показательно в отношении значительной стилистической эволюции.

Наиболее существенное влияние на развитие фортепианного творчества польских композиторов в 1930–1940-е годы оказывало внимание к творческому методу, сформированному Каролом Шимановским. В известной мере именно Шимановский сыграл роль, аналогичную роли Шопена в польском музыкальном искусстве XIX в., так как высочайшая культура и интеллектуальная направленность творчества Шимановского дают полное основание относить его к вершинам не только польской, но и всей европейской музыкальной культуры XX в. Доминантой творческих поисков Шимановского стало возрождение польского искусства и обновление музыкального языка в духе художественных исканий своего времени. Важнейшим достижением творчества Шимановского представляется стремление к осмыслению явлений современного инонационального искусства,

Собакина Ольга Валерьевна – канд. искусствоведения, старший научный сотрудник Государственного института искусствознания.

развитие в своих произведениях актуального музыкального языка. Однако Шимановский предстает в своем творчестве подлинно национальным художником в силу своего мышления, темперамента, отношения к национальной, прежде всего – шопеновской традиции. В творчестве Шопена Шимановский видел уникальный образец органичного сочетания художественной содержательности музыки и высочайшего композиторского мастерства. Поэтому, следуя творческой задаче создания нового национального стиля в польской музыке, Шимановский изучал творчество великого польского композитора, исследуя его не только в поисках композиторских решений, но и анализируя его значение и смысл в контексте всей европейской музыки. Эстетические взгляды Шимановского, запечатленные в его публицистике и сохраняющие в себе идеалы эпохи Молодой Польши, имели важнейшее значение – в них был сформирован принципиально новый подход к проблематике современного творчества и народности в музыке, что открыло перспективы дальнейшего развития национальной польской музыки.

Следуя «идейному завещанию» Шопена и характерным тенденциям развития европейской музыки, Шимановский создал собственный фортепианный стиль, который он продолжал совершенствовать до конца жизни. Творчество Шимановского продемонстрировало актуальность классических жанров (сонаты, вариаций, этюда, прелюдии, мазурки), а также романтических форм, модифицированных эстетическими устремлениями начала века (поэмы и миниатюры-«картины»). Дальнейшее развитие достижений композитора в сфере утонченной красочности звучания и развития современных форм виртуозного фортепианного письма нашло выражение в композициях Витольда Лютославского, Анджея Пануфника, Романа Палестера. Особое значение приобрели неофольклорные сочинения Шимановского (прежде всего мазурки), ставшие образцами для многих польских композиторов. Благодаря претворению идей шопеновского наследия и тенденции развития европейской музыки начала XX в. основные стилевые направления польской музыки – неофольклорное и неоклассическое были сформированы в творчестве Шимановского, на стыке именно этих двух направлений в дальнейшем в творчестве композиторов младшего поколения формировался подход к развитию национальной композиторской школы.

Непродолжительная педагогическая деятельность композитора на посту ректора Высшей школы музыки в Варшаве в 1927–1932 гг. также сыграла свою роль в определении перспектив развития польской музыкальной культуры. Шимановский пытался осуществить прогрессивные преобразования учебного процесса. Его усилия были направлены на повышение профессионального уровня молодых музыкантов, на расширение их кругозора и, соответственно, появление новых учебных дисциплин, а также на преодоление провинциальной замкнутости и консервативных тенденций музыкального образования того времени. Выступления Шимановского в прессе, в которых он ярко представлял положение польской музыки и показывал перспективы ее развития, пользовались вниманием общественности. Для польских композиторов, вступивших на творческую стезю в 1930-е годы, Шимановский был тем ориентиром, с которым они соотносили собственные возможности и устремления. Однако, как пишет известный польский музыковед Юзеф Михал Хоминьский, «молодое поколение композиторов, помимо увлечения некоторыми инициативами Шимановского, имело более широкие интересы. Оно старалось познавать, основывать и развивать разные направления» [1. S. 111].

Характеризуя ситуацию в целом, нельзя не отметить, что в период между двумя мировыми войнами композиторы тяготели к различным эстетическим основам. Это было причиной конфликтов и споров, в которых каждая сторона старалась утвердить собственную позицию. Как пишет Хоминьский, «благодаря этому возникла особая ситуация, поскольку композиторы, связанные с более давними традициями, обращались к тем же самым формам музыкальных произведений, что

и представители новых направлений. Консерваторы старались также сохранить общественные традиции, работали как опытные педагоги, дирижеры, виртуозы, инструменталисты, организаторы. Их произведения включались в программы концертов на равных с творчеством так называемого авангарда» [1. S. 118].

В связи с последней цитатой упомянем многочисленное фортепианное творчество известных пианистов, современников Шимановского – Феликса Нововейского (1877–1946) и Рауля Кочальского (1885–1948), отразившее влияние позднего романтизма и французского импрессионизма. Кочальский написал 6 фортепианных концертов (а также скрипичный и виолончельный концерты), 8 сонат, 6 сюит, цикл 24 прелюдии и другие фортепианные произведения (кроме того, Кочальский является автором работ об интерпретации произведений Шопена [2]). До сих пор мало известным остается вокальное творчество Кочальского, насчитывающее около 250 песен на тексты Словацкого, Данте, Гёте, Байрона, Верлена, Рильке, Пушкина, Лермонтова. Стилистические идеалы еще одного современника Шимановского, композитора Эугениуша Моравского-Домбровы (1876–1948) связаны с французской музыкой, поскольку композитор учился в Париже. Типичной красочностью звучания отличается его симфоническая поэма «Любовь». Моравский также написал 2 фортепианных концерта и 8 фортепианных сонат.

В годы работы Шимановского в Высшей школе музыки вокруг композитора сгруппировались известные преподаватели (Гжегож Фительберг, Людомир Ружицкий, Казимеж Сикорский), а также молодые композиторы, заинтересовавшиеся новыми направлениями в современной музыке. Особенное значение имела педагогическая деятельность Сикорского (1895–1986), который воспитал целую плеяду современных польских композиторов. Из его класса вышло большинство известных мастеров, которые после обучения в Варшаве дополняли свое образование в Париже у Нади Буланже (Болеслав Войтович, Тадеуш Шелиговский, Михал Списак, Антоний Шаловский, Гражина Бацевич, Роман Палестер), либо у Венсана д'Энди в «Scola Cantorum» (Станислав Вехович), Поля Дюка (Ян Маклакевич), Альберта Русселя (Петр Перковский) и Шарля Кёклена (Витольд Рудзинский).

Значительную роль в творческом развитии молодых польских композиторов сыграла яркая личность Нади Буланже, вокруг которой они образовали «Содружество молодых польских музыкантов в Париже». В Париже перед молодыми композиторами раскрывалась возможность знакомства с широким кругом техник, художественные средства которых они могли сочетать в соответствии со своими вкусами и фантазиями, создавая свои языковые системы. Художественная задача, поставленная Шимановским, – создание современной польской музыки, национальной по своему содержанию и отвечающей уровню композиторской техники своего времени, ставила перед молодежью цель получения необходимого образования. Музыкальная атмосфера Парижа создавала среду, необходимую для достижения высокого творческого уровня. Вот как пишут об этом сами музыканты в изданной в 1930 г. в Варшаве брошюре: «Встреча с зарубежной музыкальной культурой и достижениями других композиторов подвигала нас к постоянной погоне за идеями, часто очень стремительной, не позволяла ни на минуту подумать о шаблоне» [3. S. 6].

Интересно, что музыканты этого поколения говорят о себе как о поколении, для которого получение творческой независимости означало отказ от проблематики и стилей, доминировавших в польской культуре в начале века. Молодые композиторы стремились к созданию новых художественных ценностей, связанных с европейскими достижениями своего времени. Идеи композиторов находили выражение в статьях программного характера, которые публиковал журнал «Muzyka» под редакцией Магеуша Глиньского. Например, показательна статья Михала Кондрацкого «Модернизм и модернисты», в которой он пишет: «Ведь мы идем дальше открытой им (Шимановским. – О.С.) дорогой [...] Стилизируем в индивидуальной манере наши личные впечатления, полученные от прослуши-

вания музыки нашего народа [...] участь этому искусству у Стравинского и де Фальи – искусству прочувствовать свой народ и успешно использовать найденные “модернизмы” для стилизации, преломления народной тематики и создания из народной песни произведений искусства непреходящей ценности [...] Творчество созданной нами молодой композиторской группы основывается на почве польской народной музыки» [4. S. 39]. Как видим, наиболее важными впечатлениями от обучения в Париже было знакомство с традициями французского неоклассицизма, а также с неофольклорными образцами.

Польское музыкальное творчество перед Второй мировой войной и в период оккупации характеризуется разнообразием стилевых направлений. Обратимся к наиболее значительным из них. Неофольклорное направление, наиболее убедительно представленное в Польше творчеством Шимановского, стало одной из перспектив для развития творчества молодых композиторов, в числе которых Ст. Вехович, Я. Маклакевич, Т. Шелиговский. Характерно, что в эти годы происходит дальнейшее расширение национальной тематики, особенно восточной. Свидетельством интереса к гуральской музыке являются произведения Михала Кондрацкого «Малая гуральская симфония – Картинки на стекле», Людомира Роговского «Подгальянская сюита», Яна Экера «Гуральская сюита». Кондрацкий обратился также к курпёвскому и мазовецкому фольклору в «Курпёвской сюите» и в опере «Пожары». Обработки курпёвских песен были изданы и Романом Мацевским. Поставленная цель обогащения национальной музыки симфоническими произведениями была достигнута в сочинениях, получивших международное признание. Среди них можно отметить «Концерт для фортепиано с оркестром» Ст. Веховича и «Концерт для двух фортепиано» Р. Мацевского, а также «Симфониетту» Т. Перковского, «Малую “гуральскую” симфонию» М. Кондрацкого, «Танец из Осмолоды» Палестра и «Увертюру» Шаловского, которую композитор и критик Флоран Шмитт признал за выдающееся событие сезона 1936–1937 гг. наряду с «Музыкой для струнных, ударных и челесты» Б. Бартока.

В фортепианном творчестве этого периода обращает на себя внимание развитие жанра мазурки. Мазурки Шимановского вдохновили многих композиторов на продолжение поисков и, в частности, привели к укрупнению этого миниатюрного жанра. Так, симфоническое скерцо «Хмель» (1926) Ст. Веховича стало началом целого ряда подобных произведений в польской музыке, разрабатывавших новые композиторские техники в традиционных фольклорных жанрах. Однако большинство композиторов (в их числе Болеслав Войтович, Артур Малявский, Михал Кондрацкий, Ян Маклакевич, Тадеуш Зигфрид Кассерн, Ян Экер) создавали лишь отдельные фортепианные миниатюры. Появлялись и циклы мазурок, образующих некоторую целостность. Так, еще при жизни Шимановского цикл мазурок написал Альфред Градштейн; он стремился создать более развитые и при этом более традиционные по фактуре пианистические формы, что привело в отдельных фрагментах к противоречию с метрической структурой и, соответственно, с характером жанра. Некоторые композиторы – прежде всего Витольд Фриман и Роман Мацевский – пронесли интерес к жанру через все творчество. Александр Тансман (1897–1986), обосновавшийся в 1920-е годы в Париже и снискавший там международное признание, написал свои первые мазурки еще в Польше в 1918 г. (раньше Шимановского); упомянем, что в третьем выпуске мазурок (1939) в «Третьей мазурке» он использовал тему «Первой мазурки» ор. 50 Шимановского, хотя в целом в его четырех тетрадах мазурок влияние Шимановского не обнаруживается, определенная стилизация связана с мазурками Шопена. Ориентируясь на Шопена, Тансман стилизировал все типы его мазурок, следуя их характеру, ритму, ладовым особенностям, фактурным качествам, а также принципам вариантно-вариационного развития. Признаком индивидуального стиля является, пожалуй, лишь гармоническая сфера, которая вызывает некоторые аналогии

со стилистикой мазурок Шимановского. Отметим, что мазурки Тансмана можно признать интересным вкладом композитора в польское фортепианное творчество.

В русле отмеченных выше тенденций интерпретации жанра находится и мазурка А. Малявского (1946). Посвящение памяти Шимановского также подчеркнуто использованием одной из наиболее распространенных в польской музыке аллюзий на «Первую мазурку» ор. 50 Шимановского. Следование традиции Шимановского часто отмечалось даже в названиях, как, например, в «Двух мазурках a la manière de Szymanowski» (1953) Адама Валацинского. Заслуживает упоминания и цикл «Двадцать пять мазурок» (1933–1955) Р. Мацеевского. Его композиция соответствует циклической форме, а сами миниатюры также приближены по стилистике к образцам Шимановского.

Наряду с этой линией претворения жанра можно выявить и другую, опирающуюся на иную эстетическую позицию. Так, «Две мазурки» (1928) Б. Войтовича лишены иллюстративности и не вызывают ассоциаций с польским романтическим стилем, скорее в них можно признать влияние французского неоклассицизма. Интересно, что свои мазурки композитор писал отнюдь не следуя новым традициям, заложенным в этом жанре Шимановским, однако в духе его эстетики, – в противовес романтическим тенденциям и «псевдонародному» стилю. Вместе с тем, простота формы и тип построения фразы приближают мазурки Войтовича к шопеновским образцам. Собственно, «Две мазурки» Войтовича стали своеобразным мостом от восприятия лирической шопеновской традиции (с отдельными чертами неоромантического стиля) к польскому неоклассицизму, о котором свидетельствуют технические элементы композиции, а также польскому национальному стилю.

В первое послевоенное десятилетие интерес к мазурке был достаточно интенсивным. Проблемой развития жанра мазурки в послевоенные годы становится адаптация романтического жанра в новой художественной среде и на новой эстетической основе – и одновременно проблема его национальной идентификации и универсальности. Наибольшие перспективы для появления новых творческих достижений открывали поиски собственных, актуальных для своего времени путей развития неофольклорной стилистики. Эти художественно убедительные, но единичные примеры появляются только во второй половине столетия, преимущественно в 1970–1990-е годы. Здесь хотелось бы упомянуть лишь наиболее близкий по времени создания пример – мазурку Ежи Тышковского, написанную в 1954 г. в додекафонной технике, а также цикл «Девятнадцать мазурок» (1949) Богуслава Шеффера.

Роль этого жанра в национальной польской культуре до середины XX в. была очень важна – он стал художественной формой, олицетворявшей национальное самосознание и идентифицировавшей традицию народной культуры. В последующие годы в условиях смены художественных ориентиров и доминирования идей авангардного искусства жанр отошел на второй план.

Наиболее популярным направлением музыкального творчества накануне Второй мировой войны стал неоклассицизм. Он прошел трудный военный и послевоенный период и сохранился в творчестве композиторов последних десятилетий XX в. как эстетическая идея, определявшая выбор формы и жанра. Каждый композитор нового поколения вносил свой вклад в это направление. Наибольший интерес представляет творчество молодых композиторов предвоенного периода – Б. Войтовича, А. Тансмана, Г. Бацевич. Представители более молодого поколения – среди них В. Лютославский, А. Пануфник, Р. Палестер и С. Киселевский – также отдали предпочтение неоклассицизму, однако наряду с этим их раннему творчеству присущ интерес к художественным средствам других стилей.

Актуальные для европейской музыки средства выразительности молодое поколение польских композиторов продемонстрировало в своих сочинениях уже в

предвоенное десятилетие. Под влиянием Стравинского и французских композиторов польские сочинения демонстрируют такие художественные качества, как конструктивная логика формы, легкость и утонченность звучания, экономность средств, ритмическая выразительность и ясность мелодического рисунка. Характерно, что в это десятилетие развитие неоклассицизма было связано, с одной стороны, с увлечением музыкой барокко (не случайно наиболее широкое применение получили циклические формы), а также с обращением к жанру фортепианной сонаты. Среди многочисленных примеров выделяются сонаты Лютославского, Войтовича, Бацевич, Шелиговского, Киселевского, Кассерна, Коффлера, Тансмана.

Вторая мировая война перечеркнула надежды и планы всей творческой интеллигенции. Однако, несмотря на исключительно трудные условия и огромные потери в годы войны, художественное творчество продолжало развиваться¹. В марте 1940 г. губернатор Ханс Франк издал приказ, регулирующий профессиональный статус польских артистов: «Безработных польских актеров, певцов и артистов надлежит задействовать в разрешенных представлениях, чтобы отвлечь круг интеллигенции от политической конспирации [...] Если дело касается польских артистов, не возражать против снижения уровня или эротизации программы. Запрещены любые выступления, которые представляют жизнь польского народа» [5. S. 59–60]. Тем не менее, этот приказ давал польским артистам возможность улучшить жизненную ситуацию и избежать полного творческого бездействия и принудительного вывоза в Германию².

В годы войны польские музыканты всячески пытались сохранить возможности для творческой деятельности. Работа велась в двух направлениях – легально и конспиративно. С согласия Союза музыкантов К. Сикорский добился открытия музыкальной школы, которой было разрешено готовить только оркестровых музыкантов. В действительности обучение велось по консерваторской программе, а выпускники получали два диплома: официальный и тайный – Варшавской консерватории.

В отсутствие концертов в опере, консерватории и филармонии, в условиях жестокой цензуры и ограничений музыканты выступали конспиративно в частных домах (именно здесь продолжала звучать польская музыка) и полулегально в кафе и маленьких театрах. Наибольшее значение имели концерты, проводимые Б. Войтовичем в организованном им кафе «Салон искусств», представлявшем камерную эстраду; здесь исполнялась классическая, а порой и запрещенная официально польская музыка. Подобную деятельность осуществлял также музыкальный редактор Польского радио Эдмунд Рудницкий. Изредка под конец войны проводились официальные симфонические концерты с программой, прошедшей цензуру. Яркими событиями были концертные мероприятия Зыгмунта Лятошевского в «Гастрономии», представлявшие в основном оперную музыку. Отдельные симфонические концерты организовывались Станиславом Казуро и Ежи Вальдорфом с согласия Главного опекунского совета.

Времена оккупации оставили много ярких сочинений, вошедших впоследствии в концертный репертуар. По-прежнему доминировал неоклассический стиль, его яркими образцами стали две первые симфонии Бацевич, симфонии Малявского и Перковского, «Вторая симфония» Палестера, фортепианный концерт Шелиговского. Камерное творчество отличалось большим разнообразием, поскольку было востребовано в концертах. Именно тогда впервые прозвучали «Вариации на тему Паганини» Лютославского, сочинения, в том числе и фортепианные, Бацевич, Рудзиньского, Фримана. В условиях камерного музицирования особенно

¹ Уже в первые дни войны сгорели музыкальные коллекции Королевского Замка, Большого театра, Филармонии, Библиотеки Красиньских в Варшаве, а в дни Варшавского восстания музыкальный мир Варшавы потерял более 300 музыкантов.

² Разрешением на работу служила Erlaubniskarte, она защищала артистов от вывоза в Германию.

популярными стали фортепианные дуэты, дававшие возможность исполнения симфонических сочинений.

В 1940-е годы по-прежнему сохраняло свое значение и неофольклорное направление, стремящееся к развитию традиций Шимановского. В произведениях различных композиторов этого десятилетия элементы фольклора присутствуют в явной или опосредованной форме. Особенно интересны в этом контексте произведения Лютославского и Малявского. В «Концерте для оркестра» Лютославского и балете-пантомиме «Вершины» с участием оркестра, солистов и хоров Малявского прослеживаются наиболее характерные формы претворения фольклора. В Концерте Лютославского фольклор стал материалом, на котором строится барочная композиция. Однако в противовес жанрам барокко композитор использовал совершенно иной исполнительский аппарат – большой симфонический оркестр, составленный из отдельных, более мелких составов, что позволило ему свободно оперировать звуковым материалом в организации многоплановой фактуры. Для Малявского источником вдохновения стал балет Шимановского «Харнаси», сам выбор жанра балета-пантомимы содействовал этой инспирации. Характерные особенности народной музыки – малые формы ограниченных размеров и чередования песни и танца органично вписались в жанр балета-пантомимы. Воздействие фольклора позволило Малявскому подойти к современному музыкальному языку, в котором аналогичные средства играют дополнительную роль. Среди циклических произведений Малявского в связи с неофольклорным направлением интересно упомянуть произведения с «концертирующим фортепиано» – «Симфонические этюды» и «Токкату и фугу в форме вариаций», представляющие классические трехчастные композиции. Особенно часто они звучат в вокальной музыке, а также в инструментальной миниатюре. Например, интерес к фольклору появился у Лютославского еще в 1938 г., когда была начата «Курпёвская сюита», основанная на музыке родного региона композитора. Работа над циклом была прервана службой в армии и событиями военных лет. Отметим, что перед войной интерес Лютославского относился к фольклорному материалу двух регионов – Подгалья и Курпёв, имевшему много оригинальных черт и послужившему основой для выдающихся творческих достижений Шимановского. Поэтому обращение к фольклору иных регионов Польши в циклах фортепианных миниатюр, создаваемых после войны по заказу Польского музыкального издательства, представляется закономерным. Характерно, что Лютославский обратился к народной тематике в 1945 г. именно в фортепианной музыке, независимо от идеологических тенденций. Хотелось бы подчеркнуть, что в послевоенной Польше, пережившей запрет в военные годы на любое проявление национальной культуры, идентификация с польской традицией, с одной стороны, была проявлением национального самосознания и демократических творческих устремлений, а с другой – нормой для официально признанного искусства.

Композитор тщательно изучал сборники песен, которые исполнялись во многих регионах Польши. В цикле «Двенадцать народных мелодий для фортепиано» (а также и в «Польских колядах для голоса и фортепиано», написанных в 1945–1946 гг.) Лютославский процитировал ловицкие, краковские, подляские, серадзкие и шлёнские песни. Мелодику произведений Лютославский оформлял на основе норм, выведенных из музыкального фольклора. Однако способы развития аккомпанирующих голосов придают этим мелодиям новое качество, поскольку в процессе сочинения миниатюр Лютославский вырабатывал свою специфическую манеру развития материала.

Говоря о значении «фольклорных» экспериментов Лютославского, можно отметить, что модель создания современного национального стиля на основе фольклорного материала и современных средств композиции оказалась наиболее перспективной в творчестве многих композиторов. Таким образом, оригинальность и

актуальность творческого почерка Лютославского закономерно и органично связаны с национальной традицией и богатым стилистическим синтезом.

Обобщая стилевые тенденции начала 1950-х годов, можно отметить, что для неоклассического направления тех лет характерна широкая историческая перспектива. Неоклассицизм проявлял себя характерными жанрами симфонии, концерта, сюиты, сонаты, вариаций. Однако в неоклассических произведениях предвоенного периода уже были заметны связи с другими стилистическими образцами, прежде всего музыки барокко; в 1950-е годы на этой почве появляются такие крупные композиции, как «Сюита в старинном стиле “Кола Брюньон”» Тадеуша Бэрда и «Concerto grosso» Болеслава Шабельского. Для более миниатюрных форм прототипом также служили произведения эпохи барокко; вместе с тем, в них очевиден интерес к стилистике позднего романтизма, и в этой связи характерен прежде всего выбор жанра: токката, ноктюрн и т.д.

Зофья Хельман в своем исследовании выделяет три направления польского неоклассицизма – архаизацию, собственно неоклассицизм французского типа «от Нади Буланже» и романтизированный неоклассицизм, который, собственно, и является наиболее характерной польской неоклассической формой [6]. Эти тенденции выразило творчество одного из выдающихся польских неоклассиков – Б. Войтовича, отразившее разное отношение к неоклассическому направлению. В сочинениях парижского периода он использовал методы композиторов Группы Шести, затем развивал «польский» неоклассицизм с подчеркнутыми элементами национального стиля. Войтович – один из наиболее ярких польских композиторов-полифонистов. Источником для полифонии Войтовича «остается не только барочная техника, но и типично неоклассическая техника XX в., обращенная к добарочным полифоническим средствам, что особенно проявляется в особой склонности к французскому типу построения композиции» [7]. Безусловной художественной ценностью обладают два цикла этюдов (1948, 1960) для фортепиано этого композитора.

Послевоенный Съезд Союза польских композиторов в Лагове (1949) ознаменовал непродолжительный, но острый период «борьбы с формализмом» в польском искусстве. В эти годы развитие польской музыки определялось политическим заказом, однако в целом музыкальное творчество по окончании войны продолжило тенденции предшествовавшего периода. В 1954 г. официальные власти признали за художниками право на эксперимент, а в 1956 г. произошла смена внутренней политики в Польше и возникла ситуация реформы культурной жизни. Собственно, именно 1956 год ознаменовал начало нового периода развития польской музыки. Преодоление эстетики соцреализма в польском искусстве стало результатом нараставшего все послевоенные годы процесса формирования современного репертуара. В Польше зазвучали произведения западноевропейских композиторов, чему способствовало открытие в 1955 г. восстановленной Варшавской филармонии и учреждение международного фестиваля современной музыки «Варшавская осень». Огромное значение имели возобновление выпуска журнала «Ruch Muzyczny», создание Польской секции в Международном товариществе современной музыки, участие в работе ЮНЕСКО и организация Экспериментальной студии Польского радио под управлением Юзефа Патковского (1957).

Перемены, наступившие в музыкальной жизни после 1956 г., а именно популярность европейской авангардной музыки и появление нового композиторского поколения, связанного с авангардом, стали причиной того, что композиторы старшего поколения заняли по отношению к новым тенденциям диаметрально противоположные позиции. В целом старшее поколение сохранило своего музыкального языка, находя в неоклассической эстетике источник интересных возможностей развития экспрессии и, конечно же, техники и формы. Однако многие композиторы, стремясь к созданию индивидуального стиля, обогатили свой

язык приемами сериализма, а затем и алеаторики. Среди примеров назовем «Сонеты» (1958) Шабельского, «Pensieri notturni» (1961) Бацевич, «Study 58», «Три симфонических фрагмента “Смерть Дон Жуана”» (1963) Палестера.

Важным преимуществом поворота культурной политики после 1956 г. стала возможность посещения знаменитых курсов новой музыки в Дармштадте и непосредственного знакомства с додекафонной и сериальной техниками композиции. Безусловно, «новостью» для Польши додекафония не стала, но она стала открытой для изучения (в том числе благодаря «открытию» книги «апостола» додекафонии Рене Лейбовица «Шёнберг и его школа» (1947)) и применения в собственном творчестве, тем более что к этому времени уже был написан ряд значительных додекафонных композиций. Так, на рубеже 1940–1950-х годов в Польше были созданы крупные циклические формы Р. Палестера («Четвертая симфония», 1948–1950; «Трени», 1950–1951; «Три сонета Орфею», 1951; «Пассакалия», 1953; фортепианные «Прелюдии», 1954 и «Variazioni», 1955) и фортепианные миниатюры Шеффера («Две пьесы для фортепиано», 1949–1950, «Композиция», 1954). Отметим, что в понимании Палестера именно додекафонная техника становилась в современной музыке методом, дающим композитору множество существенных возможностей создания альтернативных систем композиции. Более того, польский композитор Роман Хаубеншток-Рамати, ставший впоследствии «апостолом австрийского авангарда», утверждал, что именно она «до сих пор является единственной теорией, дающей атональному композитору определенный набор критериев для осмысленной творческой работы». Характерно, что додекафонию Хаубеншток признает «методом, используемым атональной полифонией для конструктивного согласования вертикали и горизонтали нового нефункционального звукового материала» (цит. по [8. S. 84]).

Конец 1950-х годов принято считать началом формирования сериальной композиции в Польше. Однако первые примеры применения новых технических приемов додекафонии можно было встретить значительно раньше во фрагментах произведений Юзефа Кофлера и Константы Регамея военного периода. Регамей с военных лет жил в Швейцарии, и его сериальные композиции стали открытием для польских музыкантов только в 1950-х годах; жизнь талантливого львовского композитора Ю. Кофлера (1896–1943) трагически оборвалась в военные годы. В 1920–1924 гг. он учился в Вене у А. Шёнберга и Г. Адлера, получил докторскую степень, затем вел класс теории и композиции во Львовской консерватории. В 1926 г. в фортепианной сюите «Musique de Ballet» op. 7 он первым из польских композиторов применил додекафонную технику³. Однако сочинения Кофлера не вызвали интереса во времена их создания – они были слишком необычны для польской музыки. И хотя они сразу же были опубликованы в Париже и Вене, только «Musique quasi una sonata» op. 8 в пяти частях (1927), посвященная Шимановскому, была исполнена в 1934 г. во Львове Эдвардом Стеерманом. Характерно, что свои додекафонные эксперименты Кофлер осуществлял именно в сфере фортепианной музыки, даже его «Вариации на тему двенадцатитоновой серии для струнного оркестра» op. 9, посвященные Шёнбергу, являются версией фортепианного сочинения 1927 г.

Значительный интерес представляет и творчество другого композитора львовской школы – Тадеуша Майерского, внимание к которому появилось в польском музыковедении только в последние годы и которое представляет уникальный образец формирования додекафонной техники в Польше начиная с 1930-х годов. Особенно важно, что именно Майерский стал наставником, «привившим» молодым композиторам интерес к достижениям западной музыки. Единственным ис-

³ В числе фортепианных сочинений Кофлера также числятся «40 польских народных песен», «Сонатина», «Вариации на тему вальса» И. Штрауса и «Musique quasi una sonata».

точником, упорядочивавшим творчество Майерского, является список сочинений (хранящихся в собраниях нескольких библиотек) для Национальной библиотеки, сделанный учеником Майерского Анджеем Никодемовичем. Среди них выделяется ряд фортепианных композиций, сохранившихся в разных редакциях и относящихся к периоду 1940–1950-х годов. Майерский, несомненно, обратился к новаторской додекафонной технике под впечатлением произведений Коффлера, подчеркивая, что его объединяет с Коффлером признание широких возможностей додекафонной техники. Однако, если Кофлер обратился к экспериментам с додекафонией в «Musique de ballet» op.7 после неофольклорных сочинений, то Майерский в течение всего междувоенного периода искал новые возможности композиции только в сфере додекафонии.

В период после 1956 г. в течение нескольких лет польскими композиторами были освоены основные виды додекафонии: тематический, пуантилистический, сериальный (по определению польских музыковедов). Первым проявлением додекафонии в польской музыке стала ее тематическая форма, как, например, в некоторых частях «Сюиты прелюдий для фортепиано» (1952) Казимежа Сероцкого и в сочинениях Тадеуша Бэрда. Построение формы произведения на основе тематических способов развития материала свидетельствовало о связи додекафонии с традицией. Благодаря этому композиторы использовали принципы тематического мышления и традиционные формы – сюиту, вариации, сонату, концерт. Поэтому ускорению процесса преобразования норм музыкального языка могла содействовать только смена эстетической основы. В конце 1950-х годов такие стилистические преобразования выразились в развитии новых техник композиции – сонористики и алеаторики. Музыкальные средства в композициях этих направлений подвергались кардинальной трансформации благодаря выходу на первый план чисто звуковой красочной характеристики – сонора.

Однако додекафония стала точкой отсчета для дальнейших, остро авангардных технических комбинаций в творчестве многих композиторов, и, прежде всего, Б. Шеффера, Р. Палестера, А. Пануфника. Поскольку в Польше, как и на Западе, одновременно с додекафонией начали осваивать сонористику (т.е. технику чистого звучания), а также алеаторику, сразу же сформировался метод соединения техник в разных сочетаниях. В результате композиция и выразительные средства были связаны с основными правилами применения додекафонии достаточно опосредованно. Можно констатировать, что развитие сонористики в 1960-е годы происходило по мере того, как исчерпывались возможности сериальной додекафонии. Но именно достижения в области сонористики стали наиболее ценным вкладом польской музыки в развитие современного музыкального языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Chomiński J.M., Wilkowska-Chomińska K.* Historia muzyki polskiej. Kraków, 1996. Cz. II.
2. Frédéric Chopin. Betrachtungen, Skizzen, Analysen. Berlin, 1936.
3. Stowarzyszenie Młodych Muzyków Polaków w Paryżu. Warszawa, 1930.
4. *Kondracki M.* Modernizm i moderności // Kwartalnik Muzyczny. 1930. № 9.
5. *Kopcezek-Michalska K.* Życie koncertowe w Warszawie w latach okupacji // Muzyka. 1970. № 3.
6. *Helman Z.* Neoklasycyzm w muzyce polskiej XX wieku // Muzyka polska w dokumentacjach i interpretacjach. Kraków, 1985.
7. *Bauman J.* Bolesław Szabelski i Bolesław Woytowicz jako przedstawiciele śląskiego neoklasycyzmu – komparatystyka, geneza // Zeszyty Naukowe № 43. Konferencja Naukowa «Tradycje śląskiej kultury muzycznej IV», 10–11 kwietnia 1984 r. Wrocław, 1987.
8. *Lindstedt I.* Dodekafonia i serializm w twórczości kompozytorów polskich XX wieku. Lublin, 2001.

© 2013 г. К.А. КОЖАНОВ

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕФИКСОВ В ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКЕ. I

В обзоре рассматриваются научные работы, опубликованные в течение последних двух столетий и посвященные семантике глагольных приставок в литовском языке, их словообразовательным значениям и роли в аспектуальной модификации глаголов. Анализ литературы, с одной стороны, позволяет выявить особенности литовской приставочной системы в сравнении со славянскими приставками, а с другой – указывает на лакуны, существующие в описании глагольных приставок литовского языка.

The maximum number of approachable linguistic works published during the last two centuries and devoted to the semantics of Lithuanian verbal prefixes is reviewed in this article. The subject of these researches are derivational meanings of prefixes and their role in aspectual modification of the verbs. On one hand, the analysis of literature on Lithuanian verbal prefixes helps to list the unique features of the Lithuanian prefixal system in comparison with Slavic ones. On the other hand, such analysis points out the holes in the description of Lithuanian verbal prefixes.

Ключевые слова: глагольная префиксация, история языкознания, литовский язык, словообразовательные значения, аспектуальная модификация.

Семантике и функционированию глагольных приставок (превербов) в славянских языках посвящена значительная литература, ср. работы на материале русского языка А. Богуславского [1], Л. Янды [2], М.А. Кронгауза [3], С.Г. Татевосова [4]. Проблемы структуры значения глагольных приставок и их роль в образовании видовых различий между глаголами также привлекали внимание многих лингвистов, работавших в разное время и в рамках разных теоретических подходов, ср., например, обзор в [3. С. 55–99]. В последние годы, ознаменованные бурным развитием грамматической семантики, префиксы интересуют ученых как один из важнейших типов семантических и грамматических модификаторов глагола, в частности пространственной модификации глаголов движения, см. работы Л. Талми [5; 6; 7]. В рамках этого направления приставки рассматриваются как средство выражения значений категории «глагольной ориентации», подробнее см. работы В.А. Плуныяна [8; 9]. Начинают появляться подобные работы и на материале балтийских языков [10; 11].

Тем не менее, количество работ, посвященных функционированию глагольных приставок в балтийских языках значительно скромнее, а единственный обзор существующих (на 1958 г.) исследований на материале литовского языка дан в статье Йонаса Паулаускаса [12. С. 305–314]. Цель данного обзора – кратко охарактеризовать по возможности все работы, описывающие семантику литовских

Кожанов Кирилл Александрович – аспирант Института славяноведения РАН.

глагольных приставок. При этом под семантикой глагольных приставок понимаются как их словообразовательные значения, так и участие в образовании видовых различий глаголов. Соответственно обзор состоит из двух тематических блоков, в каждом из которых работы обсуждаются в хронологическом порядке. Целью является привлечение внимания к вопросам глагольной префиксации в балтийских языках.

Традиционно значения (или функции) глагольных приставок в балтийских языках, так же как и в славянских, делят на лексические и грамматические (видовые). В зависимости от семантики глагола один и тот же префикс может выполнять обе функции, ср. [13. С. 122]. В данной статье функции приставок будут в дальнейшем называться словообразовательными и противопоставляться лексическим значениям корневых морфем, ср. деление в [9. С. 45].

Впервые все употребляемые в современном литовском языке приставки с кратким пояснением их значения перечислены в грамматике А. Шлейхера [14. С. 138–139]: *ap(i)-, at(i)-, ĭ-, iš-, nu-, pa-, par-, per-, pra-, pri-, su-, už-, be- (nebe-), te- (tebe-), ne-*. Важной функционально-семантической особенностью приставок можно назвать их способность кардинально менять значение глагольной основы, ср. *duoti* ‘давать’ и *parduoti* ‘продать’, *išduoti* ‘выдать, предать’.

Изучению семантики балтийских приставок полностью посвящена вторая часть книги Я. Эндзелена [15], которую сам автор воспринимает как «первый опыт по семасиологии ла[тышских] глагольных префиксов» [15. С. 521]. Появление глагольных префиксов в исследовании о предлогах не случайно и объясняется представлением Эндзелена, как и многих других лингвистов того времени, об общем происхождении и общих пространственных функциях предлогов и глагольных приставок. Анализируя латышские предлоги и приставки, автор привлекает обширный материал из литовского языка.

Важная типологическая особенность балтийских префиксальных глаголов заключается в том, что в одной словоформе не используется более одного префикса. Исключения составляют случаи, когда второй префикс присоединяется к приставочным глаголам, «по своему значению похожим на простые глаголы (или вследствие сильной дифференциации в значении простого и сложного глаголов, или вследствие малоупотребительности или устарелости простого глагола)» [15. С. 541], ср. лтш. *ie-pa-zīties* ‘познакомиться’, лит. *iš-pa-žinti* ‘исповедовать’. Некоторые из таких глаголов могут быть кальками немецких слов, ср. лтш. *iz-pār-dot*, лит. *iš-par-duoti*, нем. *aus-ver-kaufen* ‘продать’.

Описание употребления глагольных приставок заключается в перечислении значений, пространственное значение которых в связи с тем, что приставки происходят из предлогов, стоит считать исходным. Я. Эндзелин стремится дать объяснение происхождению и остальных, производных значений. Так, обсуждая значения префикса *at-*, он предполагает следующее развитие его семантики: исходным было значение удаления и отделения (а), ср. лит. *atskirti* ‘отделить’, *atimti* ‘отнять’, из него «в тех случаях, когда имели в виду не только исходную точку движения (удаление), но также цель движения» [15. С. 556], развилось значение действия, направленного назад или обратно (b), ср. лит. *atlenkti* ‘отогнуть’, *atiduoti* ‘отдать’. Значение же приближения (свойственное лишь балтийской приставке *at-* и не встречающееся у слав. *o(tb)-*), по мнению латышского ученого, также восходит к значению удаления. Данное значение развилось из оборотов типа лтш. *viņš atnācis atpakaļ* или лит. *Jis atėjo atgal* ‘Он пришел обратно’, где пространственное наречие *atpakaļ/atgal* ‘назад’ изначально было плеоназмом, а потом способствовало изменению значения пространственных глаголов из ‘возвращаться’ в ‘приходить’.

Рассматривая значения латышских приставок, Эндзелин делает некоторые выводы о развитии балтийских приставок в целом: так, например, очевидно, что

латышской приставке *aiz-* соответствует лит. диал. *ažu-* (литерат. *už-*), а лтш. *uz-* соответствует лит. *už-* — т.е. в литовском литературном языке две отличающиеся по значению приставки *ažu-* и *už-* совпали в одной *už-*; с другой стороны, в литературном латышском нет приставки *pra-*, сохранившейся в литовском, откуда делается вывод, что в латышском общебалтийская приставка утратилась, а ее функции взяла на себя приставка *pa-*.

Эндзелин также обращается к проблеме происхождения приставки *da-*, вызывавшей и до сих пор вызывающей дискуссии, ср. статьи В. Мажюлиса [16] и А. Брейдака [17]. Анализ значений данной приставки в балтийских и славянских языках приводит Эндзелина к выводу, что даже если *da-* и было заимствовано из славянского *do-*, то «это случилось так рано, что префикс *da-* мог затем на ла[тышской] почве самостоятельно далее развивать первоначальное свое значение» [15. С. 561].

Сопоставление семантики латышских и литовских приставок позволяет установить пути развития их семантики. Например, анализ и сравнение значений лтш. *aiz-* и лит. диал. *ažu-* показывает, что литовская приставка никогда не привносит значения удаления от исходной точки, поэтому Эндзелин признает данное значение латышской приставки инновацией.

Внимание Я. Эндзелина также привлекла способность разных приставок передавать близкое значение. Ученый анализирует ряды из нескольких приставок и приходит к выводу, что, хотя у них может иметься некое общее значение, у разных префиксов всегда будут наличествовать разные субъективные оценки. Так, например, приставки *aiz-*, *nuo-* и *pa-* могут придавать глагольной основе значение удаления, однако процесс и результат удаления имеет разные оттенки: *aiz-* обозначает «удалить из виду», ср. *aizmukt* ‘убежать’, *nuo-* — «удалить из непосредственного соседства», ср. *nodzenāt* ‘прогнать’, *pa-* реже выступает в таком значении и имеет более отвлеченный характер «прогнать навсегда», ср. *padzīt* ‘разогнать’. К сожалению, анализ таких рядов сделан только на материале латышских приставок.

Работа Я. Эндзелина долгое время оставалась единственным полноценным исследованием семантики глагольных префиксов в балтийских языках. Лишь в связи с составлением большого словаря литовского языка (Lietuvių kalbos žodynas, 1941–2002, электронная версия www.lkz.lt) исследования словообразовательных значений приставок стали более активными, ср. [12; 18].

В обширной статье [12]¹ Й. Паулаускаса описывается система глагольных префиксов в литовском литературном языке в целом. В первую очередь определяется предмет описания: приставки *ap(i)-*, *at(i)-*, *i-*, *iš-*, *nu-*, *pa-*, *par-*, *per-*, *pra-*, *pri-*, *su-*, *už-* признаются входящими в литературный язык и подробно анализируются. Из списка приставок, подлежащих анализу, исключаются: диалектные глагольные приставки, например жемайтская *ant-* (*anč-*, *an-*) и восточноукштайтская *až(u)-*; заимствованные из славянских языков приставки *raz-*, *pad-*; приставка *da-*, происхождение которой не очевидно, но существует традиция отказываться от ее использования в литературном языке; приставки *te-*, *be-*, *nebe-*, *tebe-* как «не влияющие на лексическое значение глагола» [12. С. 323]; отрицание *ne-*, которое за редкими исключениями также не влияет на лексическое значение глагола; возвратный аффикс *si-*, так как в бесприставочных глаголах он располагается на конце слова; интернациональные приставки *de-*, *eks-*, *in-*, *re-* и др.

Основными в структуре значений литовских приставок Паулаускас объявляет значения направления действия [12. С. 326]. Другие, дополнительные значения приставок обычно обозначают различные способы совершения действия. Функции приставки делятся на лексические, т.е. меняющие лексическое значение

¹ В эту статью вошли также и более ранние работы, ср. [18].

глагола, и грамматические, т.е. меняющие вид глагола. Основную часть работы составляет перечисление лексических и грамматических функций приставок. Раздел о каждой приставке строится следующим образом: сначала сообщается общая информация о приставке, ее формах в древних текстах, ее диалектных особенностях, затем анализируются лексические функции, пространственные и «дополнительные», в конце обсуждаются грамматические функции. Результаты анализа всех литературных литовских приставок обобщаются в заключительном разделе статьи: выводятся общие для всех или только для нескольких приставок основные и дополнительные значения, перечисляются значения, которые выражают не более одного префикса, формулируются общие тенденции в выражении вида.

В статье [19] Эльзе Галнайтите фокусирует внимание на семантике литовской приставки *pa-*² и сопоставляет ее с русским соответствием – приставкой *по-*. Главная задача статьи – доказать, что приставка *pa-* выражает не только видовые, но и словообразовательные значения, ср. обратные высказывания [14. С. 138–139; 21. С. 30–31]. Анализ значений данной приставки в сочетании с глагольными основами разных семантических групп: глаголами движения, конкретного физического и отвлеченного действия, речи и чувственного восприятия и т. д. – приводит автора к выводу о том, что во многом значение приставки зависит от того, к какой глагольной основе она присоединяется. Сопоставление значений русской и литовской приставок показывает, что *po-/pa-* имеют как общие, так и собственные значения. Галнайтите выделяет два уникальных значения русской приставки: а) действие, распространяющееся на многие предметы, например, *попрятаться*, *поделаться*; б) значение длительного, но непрерывного действия, например, *поделывать*, *поневать* и четыре – литовской: а) направление действия под что-либо, например, *palīsti* ‘подлезть’, *pakišti* ‘подсунуть’; б) действие, совершающееся снизу или под чем-нибудь, например *paknisti* ‘подрыть’, *paplauti* ‘подмыть’; в) преувеличение или преуменьшение чего-либо в небольшой мере, например, *padauginti* ‘немного преувеличить’, *paankštinti* ‘сделать немного уже, чем следует’; г) быть способным осуществить некое действие, например *paarti* ‘быть способным пахать’, *pastovėti* ‘быть способным стоять’.

Диссертация Х.Д. Ринхольм [22], посвященная различительным семантическим признакам литовских предлогов и превербов, открывает новый этап в теоретическом изучении литовских префиксов. Работа выполнена в рамках неструктуралистского подхода и имеет своей целью выделение инвариантных значений литовских префиксов и предлогов. На основе выводов диссертации несколькими годами позже автором была опубликована статья о семантике литовского предлога и превебра *už(-)* [23]. Ринхольм исходит из того, что предлог и приставка *už(-)* являются единой формой и имеют единое значение (ср. работы К. ван Схонфельда [24]), представленное набором (конфигурацией) семантических компонентов (дифференциальных признаков). Автор предполагает наличие трех семантических измерений, взаимодействующих между собой и определяющих семантическое пространство предлога и приставки *už-*: очерченность (circumscriptivity), дискретность/протяженность (separativity/extensivity) и связанность (connectivity). Выделенные семантические измерения исчисляются набором вариаций (modalities) определенного типа движения. Так, согласно описанию автора, измерение очерченности содержит 53 вариации поворота и цикличности, например поворот в сторону чего-либо, возвращение, циркуляция и т. д. Измерение дискретности содержит 31 вариацию идеи «распространения», например физическое отделение, разделение на части, расщепление и т. д. Измерение связанности включает 26 вариаций на тему «присоединения», например фиксация, включение чего-либо во

² В обзор не включена защищенная в Германии диссертация, посвященная исследованию функций литовской приставки *pa-* (см. [20]), текст которой нам пока недоступен.

что-либо, связывание и т.д. В качестве средств визуализации значений предлога и приставки автор использует графические модели, показывающие способ изменения положения в пространстве. К сожалению, в статье отсутствует какая-либо классификация значений, которыми обладают анализируемые приставка и предлог. Вместо этого автор лишь обсуждает, какие из вариаций или измерений проявляются наиболее очевидно в некоторых глаголах, словосочетаниях и предложениях.

Многообразие оттенков, которые придают глаголам приставки, отражено в небольшой статье Т. Изотовой о префиксальных глаголах движения в литовском и польском языках [25]. На примере глаголов движения *ехать* и *идти* автор показывает отличия, существующие между этими языками в плане приставочного выражения направления движения.

В дипломной работе Л. Дзикараса [26] семантика литовского и латышского префикса *at-* анализируется с позиций когнитивной лингвистики. В работе строится когнитивная сеть, состоящая из четырех конфигураций. Под конфигурацией в когнитивной традиции описания глагольных префиксов понимается визуальная схема пространственных репрезентаций значений префикса. При этом одна из конфигураций является основной или прототипической, а другие связаны с ней с помощью метафорических или метонимических переходов. Дзикарас устанавливает сходства и различия в семантике префикса *at-* в литовском и латышском и сравнивает балтийские данные с когнитивной сетью русского префикса *от-*, составленного Л. Яндой [2. С. 192–208]. Когнитивные сети литовского и латышского префиксов практически совпадают, отличаясь друг от друга только одним значением: в литовском приставка *at-* не выражает значения ‘начало’, ср. лтш. *atplaukt* ‘загнать’, *ataust* ‘рассветать’; а в латышском префиксальные глаголы с приставкой *at-* не обладают значением ‘завершение’, ср. лит. *atidirbti* ‘закончить работу’, *atgiedoti* ‘отпеть’. Приставки в двух языках отличаются также и частотностью некоторых значений.

В рамках теории Д. Пайара, разработанной прежде всего на материале русских приставок, ср. [27; 28], выполнена статья французской исследовательницы Э. де Пенанрос о значениях литовской приставки *iš-* [29]. В основе описания значения приставки лежит понятие формальной схемы (*Forme Schématique*), т.е. такой семантической репрезентации, которая, не являясь толкованием никакого конкретного употребления, лежит в основе каждого значения данной единицы, см. подробнее в [27. С. 14–16]. При этом каждая приставка является релятором, который задает отношения между двумя элементами ($X R Y$), где X – это элемент глагола, который подвергается детерминации Y , вводимой приставкой R . По мнению де Пенанрос, литовская приставка *iš-* вводит Y , предполагающий наличие неких двух зон $Z1$ и $Z2$, разделенных между собой границей, при этом X находится в $Z2$. Затем реализация формальной схемы приставки *iš-* рассматривается на примере глаголов *išlaukti* ‘выждать, прождать’, *išaiškinti* ‘объяснить’, *iškepti* ‘испечь’ и *išpinti* ‘выплести, расплести’.

В последние несколько лет активизировался интерес к так называемым внешним, несловообразовательным префиксам *be-*, *te-*, *tebe-*, *nebe-*, ср. статьи П.М. Аркадьева [30; 31; 32; 33] и Н. Островского [34; 35; 36]. П.М. Аркадьев доказывает, что все литовские приставки делятся на «внутренние» (аспектуальные, словообразовательные) и «внешние», выражающие ряд гетерогенных грамматических функций [30. С. 15]. В статье предлагается описание морфосинтаксических свойств и функций литовской глагольной приставки *te-* в рестриктивном значении (‘только’). Автор подробно рассматривает и другое, лучше изученное, употребление префикса *te-* – пермиссивное. П.М. Аркадьев показывает, что с типологической точки зрения литовский рестриктивный префикс является уникальным явлением.

В статье [31] перечисляются основные характеристики приставки *be-* с более детальным анализом двух аспектуальных употреблений приставки – авертивного и континуативного. Фактически автором с типологических позиций переосмысляются традиционные «начинательные сложные времена». Под авертивом понимается конструкция, состоящая из прошедшего времени вспомогательного глагола *būti* ‘быть’ и причастия настоящего времени смыслового глагола с обязательным префиксом *be-*, обозначающая действие, которое потенциально должно было произойти, но не произошло (ср. [37. С. 78]). Обсуждаются морфосинтаксические свойства и семантика авертива, а также взаимосвязь авертивного употребления с аспектуальными классами глаголов. Континуатив обозначает продолжение ситуации, имевшей место до точки отсчета. В литовском языке различаются положительный (с префиксом *tebe-*, ‘все еще’) и отрицательный (с префиксом *nebe-*, ‘больше не’) континуативы. В статье обсуждаются морфосинтаксические свойства континуативных конструкций и их взаимодействие с акциональными классами глаголов и разными временными формами.

Система глагольных префиксов в литовском языке, безусловно, обладает рядом уникальных черт: запрет итерации словообразовательных префиксов, т.е. использования более одного префикса в одной глагольной словоформе; наличие особого класса «внешних», несловообразовательных приставок. При этом сопоставление семантики литовской приставки с коррелятом из родственного или схожего построению языка, будь то латышский, польский или русский, показывает, что у литовской приставки обязательно присутствует уникальное значение. Поэтому с сожалением приходится констатировать недостаточное внимание лингвистов к семантике литовских глагольных приставок, а также недостаточное использование выводов и методик описания семантики, разработанных в рамках различных теоретических подходов.

Вопрос о наличии категории вида в литовском языке имеет долгую историю исследования. Библиографию и краткий обзор мнений ученых на эту тему можно найти, например, в работах Я. Сафаревича [38], Т. Бух [39] или в более актуальных статьях Б. Вимера [40] и П.М. Аркадьева [33; 41; 42]. В данном разделе будут обсуждаться лишь те вопросы глагольного вида в литовском языке, которые связаны с оценкой роли приставок в образовании видовых различий.

Вид глагола в литовском языке выделяли уже в первых грамматиках, при этом руководствовались тем фактом, что глагольная префиксация в литовском языке, так же, как и в славянских, способна влиять на аспектуальные характеристики глагола (подробнее см. [33]). Впервые ставится вопрос о глагольных видах в литовском языке в уже упоминавшейся грамматике А. Шлейхера [14]. Отмечается, что очень часто префиксальные глаголы указывают на окончание действия, названного простой глагольной основой.

Обсуждение видовых различий в балтийских языках было продолжено в исследовании Г.К. Ульянова, одной из главных задач которого было «определение различных типов основ, сложенных с приставками, в их отличиях по значениям от основ простых» [21. С. 5]. Ульянов отмечает два типа сложных, т. е. приставочных, глагольных основ – 1) не отличающиеся и 2) отличающиеся по видовым значениям от соответствующих простых основ. К первому типу относятся глагольные основы, полученные в результате сочетания с префиксами, которые меняют «реальные значения простых основ» [21. С. 29], а ко второму – те, в которых префиксы изменяют видовые значения. Основная приставка, используемая для изменения видовых, а не реальных значений – приставка *ra-* (см. схожую трактовку, например, [43]). По мнению автора, этот факт связан с тем, что приставка *ra-* сохраняет свое особое значение в незначительном количестве глагольных основ, а во многих случаях ее значение «неопределенно».

Приставочные глаголы второго типа в свою очередь, по мнению Ульянова, можно разделить на те, где приставка имеет лишь формальные значения, и на те, где приставка выражает формальные и реальные значения одновременно.

Несколько страниц в исследовании Ульянова посвящено разбору значений приставки *be-*. По мнению ученого, глаголы с приставкой *be-* «являются особыми формами, обозначающими длительность» действия [21. С. 24]. При этом в значении длительности наличествуют некоторые нюансы: *be-* может выражать собственно «длительное количество» действия, например *beperkant pamačiusi* ‘когда покупали, увидела’ или «продолженность» действия, например *užiūot spintą namo besivežiąs* ‘вместо того, чтобы продолжать везти шкаф домой’ [21. С. 26].

В рецензии [44] на книгу Г.К. Ульянова Ф.Ф. Фортунатов критикует выделение основ, которые меняют только видовое значение, но не меняют реального. По мнению ученого, простые основы в балтийских языках не обладают никаким видом либо имеют значение кратности, которое оказывается нерелевантным, так как приставки не влияют на него. Основное различие между глагольными основами заключается в том, привносят ли в них приставки предложное значение, т.е. пространственные значения, соответствующие конструкции с предлогом, или обозначают изменение во временном плане действия (видовое значение). Фортунатов резюмирует, что сложные основы, которые отличаются видовым значением от бесприставочных соответствий, образуют совершенный вид, обозначая окончание действия, названного бесприставочной глагольной основой. Те же приставочные глаголы, в которых префиксы изменяют лексическое значение глагола, как и бесприставочные глаголы, не имеют никакого вида.

Вопрос о видовом значении балтийских приставочных глаголов поднимается и в уже упомянутой книге Я. Эндзелина. У некоторых приставок Эндзелин отмечает чисто формальное значение совершенного вида, ср. лат. *paņemt* ‘взять’ или лит. *privilioti* ‘привлечь’. В целом соглашаясь с делением Г.К. Ульянова на основы двух типов и с определением вида, данным Ф.Ф. Фортунатовым, Эндзелин считает, что не имеют вида те глагольные основы, которые могут обозначать одновременно и длительность действия, и его окончание.

В грамматике Й. Яблонскиса [45], ставшей базой для современного кодифицированного литовского языка и литовской грамматической традиции, выделяются глаголы несовершенного (*eigos*, букв. «процессуальный») и совершенного (*įvykių*, букв. «событийный») видов. Приставки обычно придают глаголу совершенный вид, но в тех случаях, когда приставки преобразуют семантику глагола в значительной мере, глагол может быть и несовершенного вида, например *suprasti* ‘понимать’, *atminti* ‘помнить’ и др. Есть случаи, когда, наоборот, бесприставочные глаголы выражают совершенный вид, например, *duoti* ‘дать’, *gimti* ‘родиться’ и др.

Подробно вопрос вида в литовском языке обсуждается в работе Л. Дамбрюнаса, первоначально напечатанной на английском [46] и в сокращенном виде изданной на русском языке [47]. Дамбрюнас уделяет значительное внимание приставкам, так как приставочное словообразование – один из основных способов аспектуальной модификации литовских глаголов. Подробный анализ аспектуальных характеристик префиксальных и беспрефиксальных глагольных форм приводит автора к выводу о том, что приставки не обязательно меняют вид глагола. Значение приставочной формы также не всегда очевидно и часто зависит от контекста. Так, в прошедшем времени различия между глаголами совершенного и несовершенного видов прослеживаются наиболее четко, а в настоящем времени могут нейтрализоваться.

В статье 1962 г. Э. Галнайтите [48] обсуждает спорные вопросы о виде в литовских глаголах. Она отмечает, что традиционно о виде судят по наличию или отсутствию префикса, ср. решение академической грамматики [49. С. 126]. Одна-

ко существует ряд приставочных глаголов, которые в зависимости от контекста могут выражать оба вида. По мнению Галнайтите, это возможно только в том случае, когда приставка привносит значение направления действия, ср. *bangla atliūliuoja* 'волна прибывает'. Выбор вида в таких глаголах определяется временной формой глагола: в настоящем времени они обозначают несовершенный вид, а в прошедшем – совершенный. Однако в литовском языке также существует немало приставочных глаголов только несовершенного вида, ср. *ankščiau jie sugyveno gerai* 'раньше они жили хорошо'. Данные факты позволяют автору сделать вывод, что наличие префикса – недостаточный критерий для определения вида глагола [48. С. 122]. С другой стороны, стоит признать, что приставки в литовском языке являются единственными формальными показателями совершенного вида и что в парах типа *daryti* 'делать' – *padaryti* 'сделать' приставка выражает только значенные вида. В другой статье того же автора [50] проблема вида в литовском рассматривается в сопоставлении с русским языком. Галнайтите отмечает, что основное отличие между литовской и русской видовыми системами заключается в отсутствии в литовском регулярной словообразовательной модели. Автор констатирует, что приставки в литовском «в подавляющем большинстве случаев сохраняют довольно яркие свои лексические значения» [50. С. 125].

Более подробно роль приставок в образовании видовых глагольных пар рассматривает А. Паулаускене [51]. Она трактует приставки как один из основных способов образования видовых корреляционных пар. По мнению Паулаускене, в литовском языке можно выделить три типа таких пар: 1) приставка вносит только значения конца действия и результата (все приставки, кроме *par-*, например *kurti* 'создавать' – *įkurti* 'создать', *kepti* 'печь' – *iškepti* 'испечь'); 2) наряду с видовыми значениями приставка сохраняет пространственные значения, например *kabinti* 'вешать' – *apkabinti* 'обвешать', *rišti* 'вязать' – *pririšti* 'привязать'; 3) приставки привносят разнообразные значения, часто аналогичные значениям соответствующих предлогов, например *arti* 'пахать' – *praarti* 'пропахать', *alkti* 'хотеть есть' – *peralkti* 'перестать хотеть есть' [51. С. 59].

В исследованиях последних лет, например [40; 33], ученые начинают сомневаться в правомерности выделении вида как самостоятельной грамматической категории литовского глагола, а следовательно, и в возможности говорить о «видовом» значении приставок. Справедливее говорить о словообразовательных значениях приставок, которые влияют на аспектуальную семантику глагола. Помимо прочего, влияние приставок на аспектуальное значение того или иного глагола зависит от того, к какому акциональному классу данный глагол принадлежит. По мнению П.М. Аркадьева, в литовском языке можно выделить четыре основных типа префиксальной аспектуальной деривации: 1) телесизирующая префиксация, создающая из процессуальных глаголов моментальные, ср. *rašyti* 'писать' – *parašyti* 'написать'; 2) делимитативная, которая из процессуальных и стативных глаголов создает глаголы с особыми акциональными свойствами: литовские делимитативные глаголы, как и их славянские аналоги, с одной стороны, не могут быть употреблены в актуально-длительном значении презенса, а с другой – сочетаются с временными обстоятельствами длительности типа *tris valandas* 'три часа', ср. *sėdėti* 'сидеть' – *pasėdėti* 'посидеть'; 3) начинательная, которая переводит «стативные и непредельные процессуальные глаголы в моментальные, обозначающие вхождение в соответствующие процесс или состояние», ср. *eiti* 'идти' – *nuėiti* 'пойти', 4) семельфактивная, превращающая мультипликативные глаголы в однократные. В литовском основным префиксальным показателем семельфактивности является префикс *su-*, например, *kosėti* 'кашлять' – *sukosėti* 'кашлянуть' [33. С. 18–19].

Если изначально лингвисты стремились отождествить литовскую видовую систему со славянской, то в последнее время ученые исследуют скорее различия в

устройстве вида в литовском и славянских языках. Вид в литовском не признается грамматической категорией, а приставочное словообразование расценивается не как основной инструмент образования «совершенного вида», а как один из способов изменения аспектуально значимых компонентов лексического значения глагола.

Изучение приставок в литовском языке имеет долгую традицию. Уже в первых грамматиках литовского языка отмечается способность префиксов кардинальным образом менять семантику глагола, а также влиять на его аспектуальные характеристики. При этом система глагольных префиксов в литовском языке обладает рядом уникальных с типологической точки зрения черт, таких, как, например, запрет на использование более одного словообразовательного префикса в одной глагольной словоформе или наличие особых «внешних» префиксов.

В последнее время появляются работы, в которых литовские приставки анализируются в рамках различных теоретических подходов. Часто теоретические разработки позволяют переосмыслить роль приставок в выражении тех или иных значений. Так, оценка роли приставок в образовании видовых противопоставлений в литовском языке значительно изменилась в связи с переосмыслением устройства видовой системы этого языка.

Постепенное увеличение интереса к литовским глагольным префиксам, тем не менее, пока не привело к появлению цельного описания семантики и функций литовских приставок, в котором использовались бы современные методы и теории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bogusławski A.* Prefiksacja czasownikowa we współczesnym języku rosyjskim. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1963.
2. *Janda L.A.* Semantic analysis of the Russian verbal prefixes *za-*, *pere-*, *do-*, and *ot-*. München, 1986.
3. *Кронгауз М.А.* Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
4. *Татевосов С.Г.* Множественная префиксация и анатомия русского глагола // Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009.
5. *Talmy L.* Lexicalization patterns // *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. 3. Grammatical Categories and the Lexicon / Ed. by T. Shopen. Cambridge, 1985.
6. *Talmy L.* Path to realization: A typology of event conflation // *Proceedings of the 17th Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society*. 1991. Vol. 17.
7. *Talmy L.* *Toward a Cognitive Semantics*. Cambridge, 2000. Vol. II: *Typology and Process in Concept Structuring*.
8. *Плунгян В.А.* О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // *Исследования по теории грамматики*. М., 2002. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений.
9. *Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
10. *Wälchli B.* A typology of displacement (with special reference to Latvian) // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2001. Bd. 54/3.
11. *Вимер Б.* Значимость способов модификации глагольных основ для оценки ареальной дифференциации балтийских языков (по сравнению с рядом славянских микроязыков) // *Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков / Под ред. Вяч. Вс. Иванова*. СПб., 2013.
12. *Paulauskas J.* Veiksmažodžių priešdėlių funkcijos dabartinėje lietuvių literatūrinėje kalboje // *Literatūra ir kalba*. 1958. № 3.
13. *Galnaitytė E.* Ginčytini lietuvių kalbos veiksmažodžio veikslų klausimai // *Kalbotyra*. 1962. T. IV.
14. *Schleicher A.* *Handbuch der litauischen Sprache*. Prag, 1856.
15. *Эндзелин Я.* Латышские предлоги. Юрьев, 1905–1906. Ч. I, II. (2-е изд. в: *Эндзелин Я.* *Избранные труды*. Рига, 1971. Т. I.).
16. *Мажюлис В.* Происхождение приставки *da-* в балтийских языках // *Вопросы славянского языкознания*. 1958. Вып. 3.
17. *Брейдак А.Б.* Происхождение предлога *da* и приставки *da-* в балтийских языках // *Известия Академии наук Латвийской ССР*. 1972. № 4 (297).
18. *Paulauskas J.* Veiksmažodžių priešdėlių funkcijos dabartinėje lietuvių literatūrinėje kalboje. Priešdėlis *už-* // *Kai kurie lietuvių kalbos gramatikos klausimai*. Vilnius, 1957.

19. *Галнайтуте Э.* Лексические значения глагольной приставки *po-* в соответствии с литовской приставкой *pa-* // Славянское языкознание / Под ред. В.В. Виноградова. М., 1959.
20. *Brauner S.* Die Funktionen des litauischen Verbalprefixes *pa-*. Ein Beitrag zum Studium der Aspektfrage in Litauischen: Thesis. Leipzig, 1960.
21. *Ульянов Г.К.* Значения глагольных основ в литовско-славянском языке. Варшава, 1891–1895.
22. *Rinholm H.D.* Toward the Semantic Distinctive Features of Lithuanian Prepositions and Preverbs: An Invariant Component Analysis. Indiana University PhD. 1980.
23. *Rinholm H.D.* On the meaning of the Lithuanian preposition and preverb *už, už-* // Symposium Balticum. A Festschrift to Honour Professor Velta Rūķe-Draviņa. Hamburg, 1990.
24. *Schooneveld C.H. van.* Semantic transmutations: Prolegomena to a calculus of meaning. Vol. 1. The cardinal semantic structure of prepositions, cases, and paratactic conjunctions in contemporary standard Russian. Bloomington, 1978.
25. *Izotova T.* Priešdėliniai persikelimo veiksmažodžiai lenkų ir lietuvių kalbose // Leksikografija ir leksikologija. 2006. № 1.
26. *Dzikařas L.* Lietuvių ir latvių veiksmažodžių priešdėlio *at-* semantinė analizė remiantis kognityvine lingvistika. Bakalaurų darbas. Vilnius, 2011.
27. *Добрушина Е.Р., Меллина Е.А., Пайар Д.* Русские приставки: многозначность и семантическое единство. М., 2001.
28. *Paillard D.* A propos des verbes préfixés // Slovo. Etudes Linguistiques et sémiotiques. Paris, 2004.
29. *De Penaros H.* La prefixation en lituanien: le cas de *iš-* // Faits de Langues – Les Cahiers. 2010. № 2.
30. *Arkadiev P.* Notes on the Lithuanian restrictive // Baltic linguistics. 2010. № 1.
31. *Arkadiev P.* On the aspectual uses of the prefix *be-* in Lithuanian // Baltic linguistics. 2011. № 2.
32. *Аркадьев П.М.* О функциях глагольного префикса *be-* в литовском языке // Acta Linguistica Petropolitana. 2011. Т. VII. Вып. 3.
33. *Аркадьев П.М.* Аспектуальная система литовского языка (с привлечением ареальных данных) // Исследования по теории грамматики. Вып. 5. Проблемы аспектуальной типологии. М., 2011. Т. 12.
34. *Ostrowski N.* Pochodzenie litewskiego afksu duratywnego *teb(e)-* // Logos et Folia Scandinavica Posnaniensia. Poznań. 2011. Т. 12.
35. *Ostrowski N.* Negacja zewnętrzna/negacja wewnętrzna, czyli o historii lit. *nebe-*. Abstract for the conference Perspectives on Baltic Philology 2, Poznań, May 2010. Poznań, 2010.
36. *Ostrowski N.* Iš lietuvių kalbos istorinės morfologijos problemų: apie *nebe(-)* ir *bent* kilmę // Lietuvių kalba. 2011. Т. 5.
37. *Kuteva T.* Auxiliation. An Enquiry into the Nature of Grammaticalization. Oxford, 2001.
38. *Safarewicz J.* Stan badań nad aspektem czasownikowym w języku litewskim // Balticoslavica. 1938. Т. III.
39. *Бух Т.* К вопросу об изучении категории вида в литовском языке // Вопросы составления описательных грамматик. М., 1961.
40. *Вимер Б.* Аспектуальные парадигмы и лексическое значение русских и литовских глаголов (Опыт сопоставления с точки зрения лексикализации и грамматикализации) // Вопросы языкознания. 2001. № 2.
41. *Аркадьев П.М.* Теория акциональности и литовский глагол // Балто-славянские исследования. 2009. Вып. XVIII.
42. *Arkadiev P.* Aspect and actionality in Lithuanian on a typological background // Langues baltiques, langues slaves. Paris, 2011.
43. *Keydana G.* Aspekt im älteren litauischen // Linguistica Baltica. 1998. № 7.
44. *Фортунатов Ф.Ф.* Критический разбор сочинения профессора Императорского Варшавского университета Г.К. Ульянова «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке». СПб., 1897.
45. *Jablonskis J.* Lietuvių kalbos gramatika // *Jablonskis J.* Rinkiniai raštai. Vilnius, 1957. Т. I.
46. *Dambriūnas L.* Verbal Aspects in Lithuanian // Lingua Posnaniensis. 1958. Т. VII.
47. *Дамбрионас Л.* Глагольные виды в литовском языке // Вопросы глагольного вида. М., 1962.
48. *Galnaitytė E.* Ginčytini lietuvių kalbos veiksmažodžio klausimai // Kalbotyra. 1962. Т. VI.
49. *Žiugžda J.* Lietuvių kalbos gramatika. Vilnius, 1971.
50. *Галнайтуте Э.* Особенности категории вида глаголов в литовском языке (в сопоставлении с русским языком) // Kalbotyra. 1963. Т. VII.
51. *Paulauskienė A.* Veiksmažodžių gretinimas veiklo atžvilgiu (veiklinė koreliacija) // Kalbotyra. 1964. Т. X.

© 2013 г. А.Б. АРЛУКЕВИЧ

ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЙСКИХ ГВАРДЕЙСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ ВО ВРЕМЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ (1854–1856)

Объектом данного исследования стали взаимоотношения российской армии с пестрым по этноконфессиональному составу населением северо-западных губерний империи.

The article is devoted to the interaction between the Russian army with the ethnically and confessionally variegated population of the North-Western territories.

Ключевые слова: Крымская война, расквартирование войск, северо-западные губернии.

До начала XX в. повседневную жизнь военнослужащих во многом определяло направление их расквартирования. Быт армейских частей напрямую зависел от этноконфессиональной принадлежности автохтонного населения. Существовавшая в то время квартирная (или постоянная) повинность сближала его с военными, буквально, до метра: не имея возможности за свой счет построить казармы, муниципалитет был обязан селить постояльцев в частных домах. В осенне-зимний период солдаты и офицеры, освободившись от занятий по службе, долгие месяцы проводили в окружении своих «домочадцев». Длительное присутствие войск существенно влияло на занятия местных жителей, их общественно-политические настроения.

«В воображении молодых офицеров, – вспоминал В. Крестовский о пребывании в северо-западных губерниях с белорусско-литовским населением, – Западный край представлялся в стародавних образах златокудрых разбитных паненок, в грохоте размашистых фигур лихой мазурки, в раздолье поэтических “маювок”, в “романсованьи” с миловидными польками, а также в образе услужливых евреев-факторов, которых иногда можно для остротки потаскать за пейсы; представлялся этот заветный край и в виде прекрасных охот на “сарн” и “дзиков” в девственных пущах, и в виде веселых поездок в гости по помещикам, по местечковым ярмаркам, и, наконец, кроме всех этих прелестей, мелькала в умах приятная надежда на возможность новых военных экспедиций, то есть, иными словами, на возможность подраться с какими-то там повстанцами, отличиться, получить крестик и т.п. Вообще, представления нашей молодежи о новом для нее крае были розово-поэтичны» [1. С. 197]. Именно сюда с началом Крымской войны предстояло отправиться отборным частям императорской гвардии для усиления охраны границы и претотвращения высадки возможного десанта.

Арлукевич Александр Брониславович – аспирант Гродненского государственного университета им. Я. Купалы.

«Положение, переживаемое войсками Петербурга в первой половине 1854 года, – вспоминал Гулевич, – было весьма беспокойным: каждую минуту можно было ожидать тревоги, каждую минуту войска могли быть двинуты в поход; при этом полнейшая неизвестность о направлении похода еще более увеличивала трудности тогдашнего положения. И лишь август принес долгожданные вести. “Наступило время, – писал Государь, – двинуть гвардию к границе, постепенно и без торопливости. Движение начать со 2-й гвардейской дивизии, направив ее на Динабург, для дальнейшего следования, ежели приказано будет, или для расположения под Вильной, быть может на зиму”. Первую гвардейскую дивизию предполагалось оставить в Петербург до выяснения дел с десантом в Финляндии, после чего направить ее в Брест или Гродно. Третьей дивизии были назначены зимние квартиры в Риге. Отбыв инспекторский смотр Наследника Цесаревича Александра Николаевича, лейб-гвардии Финляндский полк выступил из Петербурга 9 сентября в 5,5 часов утра и направился к западным границам, в числе прочих полков гвардии. 12-го сентября полк проходил через Гатчину, где в 9 часов утра приветствовал Государя Императора Николая Павловича и получил от Его Величества напутственное благословение» [2. С. 317–325]. «С радостью услышали в сентябре приказ о выступлении в поход к западным границам (также солдаты и офицеры лейб-гвардии Казачьего полка. – А.А.). В Гатчине, на дворцовой площади произведен был полку в четырехэскадронном составе Высочайший смотр. Государь Император выехал перед полком в лейб-казачьем мундире. Пройдя по фронту и милостиво поблагодарив за службу, Он стал на средину площади и, сняв кивер преклонил чело свое, читая молитву [...] Потом, Государь, осенив себя крестным знамением, благословил лейб-казаков в путь» [3. С. 476].

Уже в июле 1854 г. военное министерство сообщило гродненскому губернатору барону Ховену о предстоящем движении войск гвардии к западной границе. Их правая колонна, должна была пройти по территории края в период между 20 сентября и 14 октября 1854 г. через Волковыск, Свислочь, Рудню, Беловеж, Каменки, Каменец-Литовский, Черновцы и Брест-Литовск. Средней колонне предстояло двигаться в период между 10 и 23 сентября через Дзенциол, Задворже, Слоним, Мижевичи, Считно, Селец, Пружаны, Терешев, Чимеры, Черновцы и Брест-Литовск; левой колонне – между 14 и 25 сентября – через Моловиды, Чемелы, Михновичи, Березу, Сватбичи, Запруды, Кобрин, Ракитницу и Брест-Литовск [4. Оп. 3. Л. 3–3об.]. В сентябре 1854 г. по Ковенскому шоссе из Санкт-Петербурга к Динабургу и Вильно маршеровали: 2-я лейб-гвардии пехотная дивизия, лейб-гвардии 2-я артиллерийская бригада, лейб-гвардии саперный батальон, два дивизиона лейб-гвардии Казачьего полка и лейб-гвардии Донская батарея. Не один раз командующие гвардейскими войсками просили местных уездных чиновников о предварительном ремонте дорог и мостов на своем пути [4. Оп. 13. Д. 794. Л. 57об.].

Губернатор, получая «выписки из маршрута с показанием когда именно в каких местах будут проходить войска» (эти документы назывались «маршрутными картами»), «делал зависящие распоряжения о командировании гражданских чиновников для встречи и сопровождения, приготовления квартир, улучшенной пищи и обывательских подвод, обязав чиновников сих засвидетельствовать статьи по шнуровым книгам в расходе за продовольствие и покупку горячего вина и взятые подводы» [4. Оп. 29. Д. 846. Л. 80–80об.]. Местные органы полиции также активно содействовали передвижению гвардии в границах контролируемых ими уездов что осуществлялось во многом благодаря привлечению подвижных средств населения (лошадей и подвод). В среднем, четвертая часть подвод, двигавшихся в составе армейских обозов, принадлежала «обывателям» [4. Оп. 29. Д. 846. Л. 6–6об.]. Как правило, по приходу в деревню, лежащую в конце перегона (прогона), кто-либо из унтер-офицеров договаривался о выставлении обывательской подводы с представителями сельской общины (сотским или десятским) [1. С. 42]. Обыватели получали за это в лице

своих представителей (сельских старост) так называемые контрамарки или расписки, которые в последствии обналичивались [4. Оп. 1. Д. 879. Л. 15об.]. Ответ на вопрос, почему прогоны не оплачивали наличными деньгами на месте, можно найти в одном из посланий на имя гродненского губернатора: «Как при выборе даже самых лучших нижних чинов (в данном случае имеются в виду, вероятно, унтер офицеры. – А.А.) трудно ручаться, чтобы кто-либо из них не растратил денег, которые были даны им на уплату прогонов, а по неграмотности, не были бы в состоянии вести отчетности, что по сим уважениям не предвидится другого средства, как только то, чтобы прогонные деньги за подводы были уплачены жителям по распоряжению гражданского начальства» [4. Оп. 29. Д. 846. Л. 223об.].

Передвигались армейские обозы медленно, в день проходя в среднем от 15 до 30 верст. К примеру, дорога для Финляндского полка из Петербурга в Вильно осенью 1854 г. заняла долгих два месяца [2. С. 317–325]. Передвигавшиеся на подводах части, могли задержать в дороге дождь, распутица, метель и т.п. [4. Оп. 29. Д. 846. Л. 42об.]. Начальник 3-й пехотной дивизии писал Гродненскому губернатору от 3 февраля 1855 г.: «По случаю постигшей в настоящее время метели обыкновенских подвод на станциях к назначенному в маршрутах сроку заготовлено не было. Поэтому войска выступят из Гродно только по наступлению хорошей погоды» [4. Оп. 29. Д. 846. Л. 54]. Солдаты пехотных полков шли пешком, офицеры – в нанятых на почтовых станциях повозках, за ними тянулись подводы с полковым хозяйством. Так, полковой обоз Московского полка выглядел следующим образом: 26 ротных повозок, 24 провиантские телеги, 17 офицерских повозок, две телеги для лазаретных вещей, церковная фура, инструментальная повозка, казначейская телега, шесть телег для перевозки больных, аптечный вьюк, «ящик для казны и дел», 13 патронных ящиков, 94 полковые подъемные лошади, 72 фуражатские лошади. Полк был обеспечен четырехдневным провиантом, для полковых тяжестей было взято 42 обывательские подводы и еще 30 для «слабосильных» нижних чинов [4. Оп. 29. Д. 846. Л. 70об.–71]. Во время маршей каждой повозке определялось ее место самым строжайшим образом. С. Гулевич вспоминал: «В походе гвардейские полки должны выступать по ротам до особого приказания. Для каждой роты было определено свое место в строю, который замыкался караулом. При караульной роте следовали: знамена, обоз, лазарет, музыканты и нестроевые нижние чины. Караульные роты сменялись после дневки на первом привале. При дежурной роте постоянно следовала штуцерная команда. Каждую колонну войск в пути сопровождал колонный офицер, отвечавший за правильную организацию ее движений [4. Оп. 29. Д. 834. Л. 8об.]. Колонны также сопровождали провиантмейстеры, назначенные обер-провиантмейстером гвардейских корпусов. По словам последнего, малейшая «остановка в продовольствии войск гвардии» должна была лечь на его ответственность, «а равно на те лица, от коих произойдет остановка или замедление в доставлении нужных сведений или в оказании содействия», т. е. местных чиновников [4. Оп. 13. Д. 794. Л. 7об.]. Генерал-провиантмейстер свиты его императорского величества генерал-майор князь Долгоруков по случаю предстоящего похода писал Виленскому генерал-губернатору Бибикову: «Долгом считаю покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, о сделании распоряжения, чтобы местные гражданские чиновники вверенной вам губернии оказывали со своей стороны означенным лицам всевозможные содействия по заготовлению провианта, фуража, мяса, соли, и вина, чтобы они сообщали без замедления справочные цены, указывая промышленников и места, где купить продукты с большей выгодой будет сложно, а также способы к перевозке, где она требуется» [4. Оп. 13. Д. 794. Л. 1–1об.]. Это не значит, что войска совсем не брали с собой никаких продуктов. Они имели небольшой запас муки, крупы, хлеба или сухарей, пополняя его в пути следования из провиантских магазинов или покупая на местных рынках по тем же ценам, по которым приобретали продукты и местные жители.

Проблема заключалась в том, что армейские колонны должны были следовать достаточно быстро, а остановка в местах торговли, которых в то время было не так уж много и которые зачастую лежали на значительном удалении от прямого пути их следования, могла занять слишком много времени. Поэтому местные чиновники, по возможности, должны были заранее заготовить продукты и доставить их по маршруту следования войск. Заготовка дров для кухонь гвардейских дивизий была возложена на дворянство губернии [4. Оп. 29. Ф. 834. Л. 38].

Земские суды и городничие, в ведении которых находились населенные пункты, лежащие на пути следования гвардии, на местах заботились об отводе «денных и ночных» квартир [4. Оп. 29. Д. 846. Л. 40]. Гвардия двигалась по территории края на ощупь, не зная, что ее ждет в соседней волости. Маршрутными картами обозначались лишь центральные «ночлежные пункты», вокруг которых армейские подразделения могли размещаться на удалении пяти верст. Покидая очередную стоянку, гвардейцы заручались квитанцией, подтверждавшей, что «во время дневки или ночевки в деревне обывателям обид и притеснений от воинских чинов сделано не было, а равно безденежно, или же за деньги насильным образом ни у кого ничего не требовалось» [4. Оп. 29. Д. 124. Л. 38]. «Крестьяне, иногда справедливо, а иногда и облыжно, непременно заявляли кляузные претензии: у Ясюка, мол, огород потоптали, а у Мацея шлея да два куля соломы из сарая пропали, а у Криштофа из-под хмелю тычины не весть куда повыдерганы – все это суть претензии, которые следует удовлетворить, потому что не наряжать же формального следствия из-за Мацеевых кулей да из-за Криштофовых тычин, когда завтра на рассвете эскадрону выступать из деревни. Значит, вахмистру надо помириться, чтобы получить квитанцию. А как помириться – дело известное. И староста с сотским, и Мацей с Ясюком очень хорошо уже, из долгого житейского опыта, знают способ этого мира. Они знают, что вахмистр любезно и дружелюбно зазовет их в корчму, поставит им две или три кварты водки; Мацей с Ясюками напьются, покалякают, посчитаются кто чем, прослезятся и скажут: “А бувайце здоровеньки, брадики! Вертайтесь до нас, да каб паскарейш!.. Дай вам Боже вяселы пущь! Пращавайце!” – и эскадрон расстается приятелем со всеми Ясюками и Криштофами, все претензии которых, настоящие или мнимые, в сущности заключаются лишь в получении дарового угощения двумя-тремя квартами водки» [1. С. 10–11].

Никаких строгих требований к качеству и количеству хозяйского приварка, которым те обязаны были почивать постояльцев, не существовало – кормили «чем были богаты»: «Накормят его (солдата в крестьянской хате. – А.А.) чем Бог послал, но уж, конечно, тем, что и сами едят, и не их вина, если едят они испокон веку плохо, кроме картошки да гороха ничего не смакуют; разве что когда к Рождеству да к Святой “кабаны поколят” – то тогда и борщ со свиной, и кашу с салом на стол подадут, а в обыкновенное время все больше картофельною “затиркою” да кулешиком пробавляются. Литовско-русский крестьянин просто поражает глаз непривычного человека своим хилым, болезненно-бледным, робко-забитым и как бы отошальным видом. В этой курной хате солдат – свой человек, особенно если полюбился хозяйке или хозяйской дочке. Крестьянская женка или дочка непременно моет его белье и к празднику – гляди – сошьет ему сорочку, или по-здешнему “кошулю”; а постоялец чем может помогает по хозяйству: дров нарубит, лучин для светца надерет, воды наносит – и живет таким образом хлоп с солдатом весьма дружелюбно, уделяя ему и место за столом, и угол на печке, и часто “прощает”, т.е. дарит солдату его паек казенный» [1. С. 57]. В городах и местечках отношение мещан, большинство из которых составляли евреи, к приговоренному приварка разительно отличалось от ситуации в деревне: «Еврейская семья могла довольствоваться неимоверно малой долей самой неприхотливой пищи: фунта два хлеба, селедка да несколько цибулек (луковиц. – А.А.) – вот и все дневное пропитание. Только к шабату готовили они себе пищу получше: щуку маринованную или фаршированную с перцем, кутель запекут; но

это пища “коширная”, т. е. чистая, и солдату ее не дадут отведать. Вообще, солдату еврей не позволит сесть за тот стол, за которым сам он сидит с чадами и домочадцами: солдат ест “трефное”, и все, что ни исходит от него, есть “треф”, поэтому прикосновение к коширному столу, к коширной ложке, тарелке, к коширной посудине неизбежно “потрефит” их, т.е. осквернит и сделает негодными к употреблению. Для солдата евреи заводят особый горшок, в котором особо варят ему пищу, избегая по возможности даже в самой печи ближайшего соседства горшка трэфного с горшками коширными. Когда солдат ест, то свою посудину он должен поставить либо на лавку, либо на какое-нибудь особое приспособление, вроде скамейки, табурета, чурбана, но никак не на тот стол, за которым едят сами евреи; исключение допускается только в корчмах, где непременно именяются трэфные столы, предназначенные для нечистых “гоев”, к числу которых относятся все, кто не суть евреи. В местечках живут иногда и не совсем-то бедные евреи, которые держат свои лавки, занимаются каким-нибудь более или менее определенного свойства “гандлом” и потому имеют возможность питаться чем-нибудь лучшим, нежели селедки и цибульки; и действительно, они несравненно менее отказывают себе в более лакомом и питательном куске; но опять-таки этот кусок никак не для солдата» [1. С. 57]. Таким образом, при очевидной бедности края, сытность солдатского обеда полностью зависела от состоятельности и нравственно-религиозных традиций хозяина. «К весне 1845 г. продовольствие гвардии от жителей было найдено несоответствующим: уплачивая квартирохозяевам деньгами, получаемыми от казны, солдат частенько голодал, как вследствие невозможности достать необходимые продукты по бедности края, так и вследствие плохого приготовления варки – обычного среди тамошнего населения. Хлебопечение в большей части рот производится по квартирам; оттого нередко попадался хлеб сырой и недопеченный. Вследствие этого, приказано было производить довольствие исключительно из котла, причем отпуск припасов производился не деньгами, а натурою; варку приказано было готовить в каждой деревне отдельно» [1. С. 324]. Что касается питания офицеров, то они за счет своего жалования самостоятельно в индивидуальном порядке закупали продукты у местного населения. В городах они заводили одного-двух поставщиков из еврейской среды, которые обслуживали сразу всех офицеров полка: скупали все необходимые продукты у местных торговцев и перепродавали офицерам, имея с этого небольшую прибыль.

Генеральный штаб, отправляя полки, дивизии и целые корпуса к очередному месту дислокации, вообще не заботился о том, где и как разместятся последние по прибытию: он лишь указывал районы расквартирования на карте, а дальнейшая судьба солдат и офицеров переходила в руки местной администрации. Сегодня применительно к событиям исследуемого периода можно часто слышать: «Здесь стоял такой-то полк, а там такой». Но полки в то время насчитывали в своих рядах, в среднем, до двух тысяч солдат и офицеров, и держать их постоянно в одном месте не представлялось возможным. О современных стереотипах казарменного довольствия и панорамах аракеевских военных поселений нужно забыть. В одном месте, что встречалось не часто, особенно в уездных городах, могла квартировать (или как мы говорим в обыденной жизни, «стояла») в лучшем случае отдельная рота. Почти всегда его отдельные части были разделены расстоянием в десятки километров.

Как хозяин указывает в своем доме гостю место для ночлега, так и местные власти (магистрат, сельские старосты) определяли места для расквартирования императорских войск в своем городе или деревне. Квартирные комиссии, сформированные из состава местных жителей, достаточно свободно меняли места расположения отдельных подразделений в черте города. При этом последним отводилась роль безмолвной жертвы, вынужденной терпеть, порой, нечеловеческие условия [4. Оп. 5. Д. 1023. Л. 157]. Это важно для понимания культуры административных отношений исследуемого периода. Казалось, что мешало полковнику или генералу в принудительном порядке занять для подчиненного ему подраз-

деления понравившийся городской дом. Однако, напротив, военное руководство покорно ожидало решения проблемы местными чиновниками. В отношении исполнения постоянной повинности органы местного самоуправления ставили перед собой три основные задачи: 1) свести затраты на расквартирование войск до минимума, переложив эту обязанность на государство (при этом они отстаивали каждый клочок земли, каждое строение, не желая безвозмездно передавать что-либо в пользование войск); 2) заставить государство заплатить за используемые войсками строение как можно больше денег; 3) полностью исключить случайные затраты по разного рода доволствию войск, идти на которые их не обязывало законодательство. Местные государственные чиновники также старались избавиться от хлопот, связанных с расквартированием войск. Этим в пределах уездов помимо квартирных комиссий занималась полиция и уездные комитеты по натуральным земским повинностям, которые в своей работе придерживались тех же принципов. Местные власти, решая проблему военного постоя, не подчинялись распоряжениям военного командования. Это парадоксально, но последнее никак не могло в этом отношении повлиять на судьбу своих подчиненных.

Местные жители предоставляли в распоряжение гвардии самые непригодные, а, иногда, бесхозные, полуразрушенные здания на краю города или местечка (делалось это исключительно в соображениях экономии и не являлось выражением неприязни). При этом утверждали, что других, лучших, помещений они отвести не могут или их нет. Войска, заняв новую квартиру, в большинстве случаев сырую, холодную и неустроенную, пытались заставить местных чиновников найти лучшее здание, активно привлекая на свою сторону губернатора. Начиналась бесконечная переписка, которая ни к чему в итоге не приводила. Решения бесчисленных комиссий «для освидетельствовании пригодности здания», тут же оспаривались. В итоге, если жители и находили другое помещение, то оно было ничем не лучше первого. К этому времени войска могли покинуть район дислокации. Каждая из сторон упрямо стояла на своем, составляя встречные жалобы и «претензии», а губернские чиновники в равной степени уважали позицию одних и других. Красноречиво об этом свидетельствует личный пример генерала Паткуля (командира Павловского полка), который в ветхом доме, выделенном ему Волковысской квартирной комиссией, «ни днем, ни ночью не снимал шинели». Квартировал генерал в этом более чем скромном жилище вместе с женой и детьми. При этом, Волковыск был достаточно крупным уездным центром, где проживало достаточное количество состоятельной публики [5. С. 317–325].

Командиры гвардейских подразделений не имели права предъявлять населению никаких требований напрямую, и прибегали в этих случаях к посредничеству гражданских властей. При этом законодательство загоняло постояльца в отношении «квартиродателя» в очень тесные рамки, так что попытки какого-либо насилия или хамства с его стороны могли иметь тяжелые последствия (начиная от дисциплинарного взыскания, заканчивая уголовным наказанием).

Очередная схема расквартирования дивизии составлялась обычно ее непосредственным командованием (дивизионным квартирмейстером) при посредничестве Генерального штаба. В ее разработке также активно участвовал губернатор – он как человек, хорошо знавший местные условия, иногда составлял собственную модель расположения войск в губернии. Полки, квартировавшие в районе уездных городов или местечек, оставляли в самом городе лишь полковой штаб с небольшим числом нижних чинов (до одной роты), лазарет и самые необходимые хозяйственные заведения. «Через каждые шесть-восемь недель взводы перемещались из волости в волость на новые квартиры для того, чтобы не слишком обременять обывателей одной какой-либо довольно ограниченной местности» [1. С. 59–60]. «Вследствие этого люди не имели возможности устроиться сколько-нибудь прочно на одном месте, что тоже весьма неблагоприятно сказывалось на состоя-

нии их здоровья. Число людей заболевших разными болезнями, преимущественно заразными, было очень значительно в гвардейском корпусе и особенно в лейб-гвардии Финляндском полку. Так, в 1855 г. там от одной только холеры умер 81 человек. Кроме холеры в то время были распространены: тиф, «горячки и перемежающиеся лихорадки». Для предупреждения развития цинготной болезни из Петербурга сотнями пудов выписывался листовой табак» [2. С. 317–325].

В конце августа 1855 г. губернскому Гродно и его окрестностям предстояло стать местом проведения летних сборов 2-й гвардейской пехотной дивизии. На это же время были назначены сборы 1-й легкой кавалерийской дивизии близ Брест-Литовска (до начала августа сборы кавалерийской дивизии планировалось проводить в районе Пружан). Проведение сборов было одобрено императором [4. Оп. 29. Д. 834. Л. 34–36]. В июле в Гродно был командирован дивизионный квартирмейстер капитан Обручев, как писал командир дивизии губернатору, «для выбора учебного места и составления дислокации на тесных квартирах в ближайших окрестностях». Здесь частям дивизии предстояло пройти ряд тактических занятий [4. Оп. 29. Д. 834. Л. 1]. Командующий гвардейским корпусом просил губернатора позаботиться «об отводе для дивизии учебного места в возможно скорейшем времени, чтобы жалонерные учения могли начаться тотчас по сборе в Гродно 8 августа, а также об отводе помещений для желонеров всех частей дивизии в числе 5 обер-офицеров и около 100 нижних чинов» [4. Оп. 29. Д. 834. Л. 1об.]. Обручевым для предстоящих учений в окрестностях Гродно лучшими местами были признаны «пространства по правую сторону р. Немана между селениями Станиславовым, Пршеселками и Грандичами, а по левую – между мытой Августовкой и городом». «Но так как с полей помянутых пространств, – докладывал губернатору Обручев в середине августа 1855 г., – хлеб еще не снят, то я имею честь почтительнейше просить Ваше превосходительство о распоряжении дабы хлеб сей был убран в возможно скорейшем времени и не позже как к 19 числу сего августа месяца». Обручев также просил несколько теснее поставить людей местного гарнизонного батальона, расквартированного в городе [4. Оп. 29. Д. 834. Л. 23–23об.]. Сбор войск 2-й гвардейской пехотной дивизии должен был посетить командующий западной армией генерал-адъютант Сумароков. Его сопровождали «исправляющий должность» начальника штаба западной армии – генерал-майор Фактон де Верайон, генерал-квартирмейстер полковник Семека, начальник артиллерии генерал-майор Лутновский [4. Оп. 29. Д. 834. Л. 12]. К приезду генералов, а также возможному посещению города императором в Гродно готовились. Гродненский губернатор писал местному полицмейстеру: «На случай приезда Его Императорского Величества Государя Императора и по поводу ожидаемого прибытия в Гродно Его Светлости генерала-фельдмаршала, а также командующего западной армии генерал-адъютанта Сумарокова, я уже предписал Вашему Высокоблагородию вчерашнего числа о приведении города в благовидное состояние и в дополнение к тому предписанию считаю необходимым указать вам, что мостовая в г. Гродно очень дурна. Предписываю своевременно распорядиться о ее исправлении» [4. Оп. 29. Д. 834. Л. 15]. Гостей-генералов было решено разместить в губернаторском доме. Сам губернатор вынужден был остановиться у князя Четвертинского, которому по требованию его поверенного платил по 150 р. в месяц [4. Оп. 29. Д. 834. Л. 91–91об.]. Генералов готовы были приютить местные чиновники [4. Оп. 29. Д. 834. Л. 12]. Еще до начала сборов активно заготавливались подводы, дрова, солома, «содержалось в совершенной готовности нужное число экипажей с лошадьми для доставления к сборным местам войск высоких гостей» [4. Оп. 29. Д. 834. Л. 45–46]. Однако все приготовления оказались напрасными – ужасная эпидемия холеры встала на пути как гвардейских частей так и высоких гостей. Сегодня трудно установить, каким путем болезнь проникла в северо-западные губернии Российской империи, однако доподлинно известно, что во многих местах

она свирепствовала еще до прихода гвардии (например в Бельске-Подляском и Гродно) [2. С. 317–325].

Не смотря на все трудности и лишения, стоянка императорской гвардии стала памятным событием для жителей края. Считая ее символом всего русского воинства, осознавая приближенность гвардии к государю, население встречало ее с большим радушием – в тяжелые годы Крымской войны оно любимыми доступными средствами старалось выразить свою причастность к делу защиты Отечества. Генерал-губернатор 13 декабря 1854 г. писал в Гродно: «В военном министерстве получены следующие сведения о радушии и пожертвованиях, оказанных войскам: при следовании 1-й легкой гвардейской кавалерийской дивизии через Гродненскую губернию выказано самое похвальное радушие при содействии исправников уездов: Кобринского титулярного советника Разводовского, Пружанского коллежского асессора Загоранского, и Брест-Литовского коллежского асессора Маслова. Помещик Кобринского уезда, отставной генерал-лейтенант Ховен, оказывая постоянное внимание расположенному в его имении эскадрону лейб-гвардии Уланского полка принес в дар сему эскадрону серебряный образ и неоднократно угощал нижних чинов. Государь Император по всеподданнейшему о сем докладу, а также и отношению моему о радушии оказанному некоторыми лицами гродненской губернии батальонам лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков, высочайше повелеть соизволил поблагодарить за оказанные пожертвования и радушие» [4. Оп. 1. Д. 879. Л. 20]. Накануне выступления в апреле 1856 г. лейб-гвардии Павловского полка из Волковыска «главноуправляющий акцизным откупом по Гродненской губернии» еврей Рюшин отпустил всем без исключения нижним чинам полка по чарке водки на человека. Волковысское еврейское общество пожертвовало «на каждого человека полка по булке, в каждую роту 3-го батальона по 80 сельдей, в стрелковую роту – 60 сельдей, а в команды сельдей по числу людей» [4. Оп. 1. Д. 879. Л. 35]. «При прохождении лейб-гвардии Московским полком Слонима купец 3-й гильдии Миллер отпустил по чарке водки всем без исключения нижним чинам» [4. Оп. 1. Д. 879. Л. 36об.]. Государь сердечно благодарил Рюшина и Миллера [4. Оп. 1. Д. 879. Л. 60] Из донесения Гродненского земского исправника: «В местечке Мосты два отделения 4-й фузелярной роты лейб-гвардии Павловского полка 15 февраля 1856 г. размещены с оказанием возможного радушия, дворовое управление при первой необходимости отпускает им подводы, дрова и котлы для варки пищи» [4. Оп. 1. Д. 879. Л. 40]. «В день тезоимениства Его Императорского Высочества и ротного праздника 4-й саперной роты лейб-гвардии Саперного батальона владельцем имения Езера, крупным помещиком Леопольдом Валицким (поляком и католиком. – А.А.) было пожертвовано нижним чинам как сей так и 3-й роты по пять ведер вина в каждую и по булке на человека. Государь Император по всеподданнейшему о сем докладу поблагодарил за означенные пожертвования» [4. Оп. 1. Д. 879. Л. 12].

«18 марта 1856 года был подписан Парижский мир между Россией и Турцией с ее союзниками. Вследствие этого пребывание гвардии в Северо-Западном крае стало излишним. Во второй половине апреля были сделаны распоряжения о выступлении гвардии с занимаемого ею расположения. Сначала было предписано движение к Петербургу, но потом это было изменено и вся действующая гвардия двинулась в Москву для присутствия при священном короновании Их Императорских Величеств» [2. С. 324].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Крестовский В.В.* Очерки кавалерийской жизни. СПб., 1873.
2. *Гулевич С.* История лейб-гвардии Финляндского полка 1806–1906 гг. (часть вторая, 1825–1855 гг.). СПб., 1906.
3. История лейб-гвардии Казачьего его величества полка. СПб., 1876.
4. Национальный исторический архив Белоруссии, г. Гродно. Ф. 1.
5. История лейб-гвардии Павловского полка 1790–1890. СПб., 1890.

© 2013 г. Р.П. ГРИШИНА

СО ЗНАНИЕМ И ВОЛНЕНИЕМ О СОВЕТСКО/РОССИЙСКО-БОЛГАРСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 1944 – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Сообщение посвящено анализу результатов совместных российско-болгарских исследований по истории отношений между двумя странами, представленных в опубликованном в Болгарии издании «България, Балканите и Русия. XVIII–XXI в. Болгаро-руски научни дискусии».

The report-article deals with the results of the Russian-Bulgarian research-work on the bilateral relations as presented in the book «България, Балканите и Русия. XVIII–XXI в. Болгаро-руски научни дискусии», which has recently been published in Bulgaria.

Ключевые слова: идентичность, культура, Союзная контрольная комиссия в Болгарии, Болгарская православная церковь, болгаро-румынские отношения, македонистика.

В мае 2012 г. в Болгарском культурном институте при Посольстве Болгарии в России состоялась презентация книг по истории двусторонних отношений России и Болгарии в XVIII–XXI вв. Их появление – результат совместных разработок российских и болгарских историков-исследователей и архивистов [1–2]. Мероприятие было названо «Новое слово о Болгарии». И вот в наших руках новое издание – «България, Балканите и Русия. XVIII–XXI век. Болгаро-руски научни дискусии» [3], осуществленное уже болгарской стороной и заслуживающее того, чтобы о нем рассказать подробно. Оно вышло в свет в Софии в 2011 г. под грифом Института исторических исследований БАН и Комиссии историков России и Болгарии. Сборник получился большим, интересным, авторами статей выступили 11 болгарских и девять российских ученых.

Хронологические рамки исследования так же, как и в московских изданиях, достаточно широкие – XVIII–XXI столетия. Но здесь несколько расширены границы изучаемого пространства – осуществлен выход за пределы собственно Болгарии, что подчеркивает роль Балкан как особого, специфического региона. Широта обзора позволяет проследить историю российско/советско-болгарских отношений с учетом смены эпох, цивилизационных ценностей, международных политических конструкций и др. На работах авторов, так или иначе отражающих динамику процесса, мне и хотелось бы сосредоточить внимание в этом обзоре (взяв только статьи, относящиеся к периоду после 9 сентября 1944 г.).

Тональность в этом отношении задает статья Н. Христовой – «Болгарская культура в XX веке между Западом и геополитическим Востоком: идентификационные характеристики», в которой речь идет о драме раздвоенности культуры Болгарии в

Гришина Ритта Петровна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

XX веке, оппозициях «болгарское – европейское» и «болгарское – советское». На протяжении одного столетия под напором прежде всего внешних обстоятельств болгарским деятелям культуры пришлось не раз и не два по-новому осознавать себя, осмысливать произошедшие изменения. И если в первой половине XX в. это происходило по мере появления конкретных вызовов со стороны развивавшейся цивилизации, то во второй его половине восторжествовал сугубо политический фактор – политико-идеологическое давление.

В качестве особого этапа в истории Болгарии Христова, основываясь на тенденциях в развитии культуры, выделяет «буржуазный период» (до сентября 1944 г.). По ее мнению, с конца XIX в. доминирующей тенденцией было утвердить *болгарское*. С начала же XX в., когда формируется индивидуализм и происходит «пересадка» на болгарскую почву общечеловеческих гуманитарных идеалов, *болгарское* становится символом отсталости, а *европейское* (западное) – характеристикой модерного, которое болгарам следует догонять. «В это время закладывается инерция отделения болгарского от европейского, следуемая в определенной степени и поныне» [3. С. 390]. Эти наблюдения автора любопытны, хотя, кажется, они постулируются нарочито жестко и несколько поспешно: трудно согласиться с тем, что до начала XX в. болгары не ощущали особенности развития балканского региона и, в первую очередь, его отсталости.

Характерным для 1920-х годов Христова считает «упорное, на грани срыва» стремление догнать «западноевропейскую культурную модерность». Судя по тексту, болгарам это удалось: тогдашняя идентификация, пишет Христова, включала в себя и определенные европейские ценности, а в 1930–1940-е годы *болгарское* все более воспринималось как часть европейского («по причине известной культурно-ценностной параллельности того и другого» [3. С. 391]).

После Второй мировой войны положение меняется: ведущим становится геополитический фактор, именно он оказывает решающее воздействие на культурно-ценностные характеристики. Появляется геополитическое понятие *Восточная Европа* и соответствующее ему – *восточноевропейская культура*, к которым причисляется и Болгария. Так все более проявляется географическое начало, которое на предыдущем этапе, по мнению Христовой, если и ощущалось, то «возможно, несознательно». Теперь более ощутимым становится и фактор региональности, который ценностно отграничивает болгарское от западноевропейского. Но в разные десятилетия периода социализма соотношение болгарского и западноевропейского было различным. Эти особенности Христова рассматривает подробно.

Так, если в 1944–1947 гг. еще существовала вера в перспективу «европейкости» болгарской культуры, то на рубеже 40–50-х годов XX в. «европейское» в «*болгарском*» под «ультимативно-директивным» давлением сокращается и сводится до советско/восточноевропейского культурного образца. Из западных культурных ценностей благословение получают лишь примеры «европейского социалистического». Болгарская культурная элита оказывается перед драматическим выбором: замолчать, отойти от актуальной деятельности, но сохранить собственное ощущение принадлежности к современной западной культуре или постепенно примирить свое творчество с новой «европейской» (советско-идеологической) ценностной идентификацией.

На следующем 30-летнем этапе (примерно от *оттепели* второй половины 1950-х до *перестройки* середины 1980-х годов) Христова наблюдает формирование, а затем и разграничение двух тенденций в болгарской культуре – постепенное снижение воздействия политического фактора и возвышение эстетического начала как доминирующего. Советское влияние на культурный процесс в Болгарии после XX съезда КПСС меняет свое направление: идеологическая модель становится несколько более открытой к западным культурным тенденциям и достижениям. Так в начале 1960-х годов, *болгарское и европейское*, меняя свое содержание, в очеред-

ной раз вызвали к жизни проблему культурной идентификации в стране. Вновь, пишет она, «духовная энергия элиты направляется в параллельных направлениях: болгарской специфики и отграниченного от нее адекватного включения и осязаемого присутствия в общеевропейском культурном пространстве» [3. С. 393]. При этом до конца 1980-х годов сохранялась как официально ведущая социалистическая, восточноевропейская идентификация, хотя она скорее была лишь символом. «На протяжении двух десятилетий в болгарской культуре доминировала европоцентристская тенденция, – подводит итог Христова, – и это было не в противовес советской, а параллельно ей, благодаря, главным образом, активным контрадаптивным взглядам и концептуальным эстетическим течениям». Свою роль сыграла и Людмила Живкова, возглавившая важнейшие государственные и партийные культурные институты (1970-е годы), скромно напоминает автор [3. С. 393–394], хотя, на мой взгляд, этот персонаж заслуживает большего внимания – именно с возможностями данного «человеческого фактора» были ассоциированы стремления болгарских деятелей культуры выйти из орбиты восточноевропейского и активно заявить свое присутствие в мировой культуре.

Парадоксом стало то обстоятельство, что в годы советской перестройки (1985–1989) авангардные европейские стили переносились в Болгарию не откуда-нибудь, а из России. Новая идентификация рождалась в 1987–1989 гг. через желание следовать за процессами в советской культуре [3. С. 394–395]. По мнению автора, *болгарское*, которое продолжало идентифицироваться как *европейское*, оказалось слабее, чем процессы, развернувшиеся в СССР и восточном блоке.

Однако в начале 1990-х годов диалог между болгарской и советской/российской интеллигенцией резко оборвался – по причине чисто идеологической, полагает Христова. Социокультурный выбор, сделанный больше эмоционально, чем рационально, привел к тому, что *болгарское* вновь начало ускоренно двигаться к современному западному (европейскому и американскому) берегу, одновременно пытаясь компенсировать свою «недопрожитую модерность», но на этот раз с риском потерять собственную национальную и культурную идентичность. Доминирующая политическая селекция, с грустью констатирует автор, ведет не только к извращению эстетического критерия в оценке культуры второй половины XX в., но и к резкому дистанцированию от советской и даже от дореволюционной русской культуры. В начале XXI в. с присоединением Болгарии к Европейскому союзу возникла проблема *болгарского* как ценностной принадлежности. С одной стороны, раздаются голоса, что нужно временно «замкнуться» в этой ценности. С другой, говорят о необходимой параллельности болгарской идентификации с постмодерной универсализацией, чтобы можно было своевременно интегрировать *болгарское* в создающуюся глобальную культурную среду. Процесс противоречив и результаты оцениваются тоже противоречиво.

Картина идентификационных модификаций на протяжении жизни нескольких поколений, нарисованная Христовой, действительно драматична, в том числе, если говорить о личной судьбе части деятелей культуры Болгарии. На бытовом уровне хаос в представлениях людей в связи с последним кризисом – решительным переходом страны в стан «Запада» – еще не преодолен, в чем мне пришлось убедиться на опыте личного общения.

В развитие идеи цивилизационного столкновения Запада и Востока П. Димитрова предложила информационно богатый и дискуссионный материал «Размышления по поводу одного юбилея (День Победы – история и современность)».

Начиная с календарного различия двух праздников победы 1945 г. – западного, приуроченного к 8 мая, и восточного – к 9 мая, Димитрова проводит сопоставление их содержания за прошедшие до наших дней десятилетия (впрочем, довольно беглое до рубежа 1980–1990-х годов). Следуя этим путем, она останавливается на вопросе о том, что заставило в 1965 г. руководство СССР вернуться к торжествен-

ному празднованию Дня победы, отмененное почти за 20 лет до этого (декабрь 1947 г.). В поисках ответа Димитрова солидаризуется с высказанным в советской печати мнением: к тому времени «революционная легитимация» режима исчерпала себя, вследствие чего нужно было педалировать другие мифы. В качестве такового была избрана тема Великой Отечественной войны: легитимация режима стала опираться на «фронтное братство» во главе с Л.И. Брежневым [3. С. 147–148].

На Западе, указывает Димитрова, возникла иная тенденция. Там еще раньше стали отмечать окончание Второй мировой войны более или менее скромно – это событие все более оттеснялось «праздником строительства общеевропейского дома». В 1985 г. день 9 мая, следующий за победным 8 мая, решили отмечать как День Европы с общим гимном европейцев – последней частью Девятой симфонии Бетховена – «Одой радости». В преддверии 50-летия победы над силами нацизма Генеральная Ассамблея ООН объявила 1995 год Международным годом памяти жертв Второй мировой войны. А к 60-летию окончания Второй мировой войны появился День памяти и примирения.

В России после того, как рухнул Советский Союз, поменялся весь праздничный календарь, но праздник Победы остался на своем месте. И приверженность к нему, кажется, только усиливается, несмотря на неприятие его содержания частью западного мира, – некоторые руководители других государств отказывались присутствовать на праздновании 9 мая в Москве: то из-за чеченской войны, то из-за проблем с пактом Молотова – Риббентропа и последовавшим за ним расширением сферы господства тоталитарного коммунизма [3. С. 153].

Развивая эту мысль, Димитрова подробно рассматривает ход ряда больших и малых конференций на Западе, где в центре внимания участников находилась идея о необходимости осудить на международном уровне преступления тоталитарных режимов, а также обращалось внимание на то, что падение коммунистических режимов в Центральной и Восточной Европе не повлекло за собой международного расследования и судебного преследования исполнителей преступлений. Такие соображения были высказаны в Совете Европы еще в 2003 г. Вслед за обсуждением этих и подобных идей принимались соответствующие резолюции (например, «Пражская декларация» 2008 г. на конференции «Совесть Европы и коммунизм»).

Прямого ответа на вопрос, какова же позиция России в отношении движения за осуждение преступлений сталинизма и косвенно связанного с ним восприятия победы СССР в Великой Отечественной войне, Димитрова не дает. Но отмечу некие «столбовые знаки», на которые она опирается. Это, во-первых, данные социологов Левада-центра, считавших (1995), что отношение большей части населения России к войне является как продуктом пропаганды, так и сложившихся обстоятельств: роста символического значения Победы на фоне эрозии прежних предметов гордости советских людей (революции, строительство «нового общества и человека»), военная мощь сверхдержавы). Во-вторых, создание при Президенте РФ Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории, наносящим ущерб интересам России, что Димитрова связывает с тревогой российской власти по поводу «прорвавшегося плюрализма мнений, подходов к интерпретации российской истории, особенно ее советского периода». В-третьих, содержание большой международной конференции в Москве по поводу 65-й годовщины Победы (апрель 2010 г.), по ее мнению, «выдержанное в стиле “социалистического реализма”, который господствовал на протяжении большей части второй половины XX в.». Вот ее резюме: «Конференция прошла целиком под знаком старых трактовок и интерпретаций, без единой идеи, которая отвечала бы новой ситуации, новым вызовам, вставшим перед российской исторической наукой и обществом» [3. С. 167]. Чтобы не быть голословной, Димитрова публикует в качестве приложения к статье проект «Заключительного документа международной конференции “Победа над фашизмом в 1945 г.: ее значение для народов СНГ и мира”».

При этом она отделяет от установок официоза «значительно более осмысленные ответы европейскому историческому ревизионизму» со стороны ряда российских историков (среди них и один из сотрудников Института славяноведения РАН — О. Неменский). Подводя итог, скажу: выступая в формате «размышления», болгарский автор уходит от броских выводов, но создает достаточный повод, чтобы задумался читатель.

Статьи, посвященные жизни болгар и болгаро-советским/российским отношениям после Второй мировой войны, составляют отдельную и довольно цельную группу в сборнике. Включенные в него работы представляют картину ускоренного развития событий, быстро меняющихся обстоятельств, особенно с конца 1980-х годов. Этот материал с интересом осваивается и осмысливается и российскими, и болгарскими учеными, причем большинство исследователей знают об этом времени не понаслышке, оно пережито ими лично. Тем интереснее каждому из них открывать завесу неизвестного, очищать собственное сознание от навязанных мифов и участвовать в выстраивании новой картины. Этому немало способствует открытие архивов в России и Болгарии; в последней особую важность представляет ставший частично доступным архив Государственной безопасности Болгарии.

Открывает этот цикл статья Л. Ревякиной «К вопросу о создании Советской контрольной комиссии в Болгарии и первых месяцах ее деятельности». Автор тщательно проработала большой объем материалов в архивных фондах России и Болгарии, а также литературы, что позволило ей выяснить ряд важных деталей в отношениях между союзниками по антигитлеровской коалиции. Поднятая тема тем более важна, что для части болгарских граждан вопрос о легитимности советского присутствия в Болгарии в 1944 г. до сих пор остается обсуждаемым.

С обстоятельствами подписания 28 октября 1944 г. в Москве Соглашения о перемирии между Болгарией и силами антифашистской коалиции, на основе которого был решен вопрос о формировании и принципах деятельности Союзной контрольной комиссии в Болгарии (СКК), Ревякина связывает мотивацию дальнейших действий заинтересованных сторон. Интересы СССР и западных союзников, считает она, с лета 1944 г. и в первые месяцы 1945 г. заключались, во-первых, в сохранении антигитлеровской коалиции с целью окончательного разгрома Германии и союзной с ней Японии и, во-вторых, в усилении влияния партнеров на освобожденную европейскую территорию. В итоге Ревякина приходит к выводу: заслуги СССР в разгроме фашизма и вступление его войск в восточноевропейские страны позволили советскому руководству реализовать идею создания зоны безопасности на своих западных границах. Великобритания и США согласились не только на председательство СССР в СКК, но и на вхождение Болгарии в зону советского влияния. «Контроль за внутренней и внешней политикой правительства О[течественного] Ф[ронта] со стороны Союзного (Советского) главнокомандования в условиях идеологизированного подхода к развивавшимся в стране процессам открывало перед Москвой возможность уже в первые месяцы деятельности СКК направить правительство ОФ к осуществлению так называемых народно-демократических изменений в Болгарии [...] Великобритания и США не выступили категорически и бескомпромиссно против политики и действий советского руководства СКК. В тот момент для союзников военные действия были важнее, чем внутренние процессы в капитулировавших странах-сателлитах Германии» [3. С. 318–319].

Интересный, хорошо документированный материал представила Т. Волокитина в статье «Из истории одной провокации: отставка экзарха Стефана в контексте “демократизации” Болгарской православной церкви». В центре внимания автора эпизод внутривластной борьбы в Болгарии в сентябре 1948 г., за три месяца до V съезда БРП(к), который обозначил перелом в развитии народно-демократического режима в сторону авторитаризма и полноты власти коммунистов. В процес-

се продвижения к цели немаловажная роль отводилась поддержке новой власти со стороны церкви. После принятия в декабре 1947 г. Конституции НРБ, пишет Волокитина, «была сформулирована задача демократизации БПЦ, в результате которой ее руководству, соблюдая церковные каноны, следовало с готовностью подчиниться законам государства и сотрудничать с ним» [3. С. 84]. Когда возник вопрос о восстановлении института патриаршества, в центре политической борьбы на этом участке оказался экзарх Стефан, претендовавший на высший церковный пост. Высокообразованный и влиятельный не только в церковных кругах, митрополит Стефан, с 1922 г. возглавлявший софийскую кафедру, после переворота 9 сентября 1944 г. выразил готовность сотрудничать с властью Отечественного фронта. И в январе 1945 г. он стал болгарским экзархом – председателем Болгарской православной церкви (БПЦ). Благодаря ему, отмечает автор, возник негласный компромисс: помощь и поддержка церкви со стороны государства в обмен на полную лояльность БПЦ к народно-демократическому режиму.

В событиях, развернувшихся вокруг фигуры Стефана, коммунисты, которые не слишком доверяли ему, использовали патриарший сан как лакомую приманку, инструмент воздействия на экзарха. При этом, как пишет Волокитина, сам Стефан руководствовался карьерными, сугубо прагматическими интересами. Действительно, из контекста следует, что для достижения цели председатель БПЦ готов был нарушить свой внутренний принцип – отказаться от дорогого для него дела (участие в экуменическом движении). Но не забудем, что не только он, но и каждый из остальных участников конфликта – болгарские коммунисты, московские руководители (Москва держала болгарских политических игроков под полным контролем, выступала в роли последней инстанции), а также часть церковных иерархов – тоже имел собственные прагматичные цели.

Кстати, для обозначения одного из главных участников «политической игры» Волокитина употребляет слова: «власти» Болгарии, «официальные власти». Но власть ведь в то время была коалиционной, а в случае с экзархом непосредственную заинтересованность в его устранении с политической арены проявляли коммунисты. Остается неясным, зачем отнимать у них «личную заслугу», камуфлировать их под некие безликие официальные власти?

Отдельно следует сказать о части церковных иерархов (в их числе – члены Св. Синода митрополиты пловдивский Кирилл и врачанский Паисий), которые вступили в якобы не свойственную церкви политическую борьбу, используя при этом двойные стандарты, клевету и подметные доносы. Применялся и такой безотказно действующий прием, как обвинение экзарха Стефана в том, будто он является «англо-американским агентом» [3. С. 91]. Окончательное решение о его судьбе было принято на политбюро ЦК БРП(к), одобрившего решение Синода об отставке Стефана «по болезни». Он был удален с постов не только экзарха, но и софийского митрополита. Затем последовало насильственное выселение из столицы и ссылка в Карловскую околию, где Стефан пребывал до смерти в 1957 г.

А в мае 1953 г. на Церковно-народном соборе БПЦ патриархом был избран пловдивский митрополит Кирилл. Согласно мнению современных болгарских исследователей, которое приводит Волокитина, «определяющую роль при его избрании сыграл сильный нажим властей на епископат. Кандидатура Кирилла была во многих отношениях уязвимой, что делало его послушным орудием в руках болгарского политического руководства» [3. С. 95].

От себя добавлю: небезынтересно, как представлен патриарх Кирилл в Болгарской энциклопедии 1986 г. издания: «Кирилл – 3.01.1901, София – 7.02.1971, София. Патриарх БПЦ (1953–1971). Академик БАН (историк, труды по истории болгарского возрождения). Народный деятель культуры (1969). Доктор богословия (1927). Доктор гонорис кауза Софийской, Московской и Ленинградской духовных академий». Действительно, большой и почетный путь. А как начинал!

Конец 1960-х годов по-своему отразился в материале И. Марчевой «Социокультурные аспекты жизни в Болгарии в восприятии западного эксперта». Она пишет, что в «оттепельные» годы, когда приоткрылся «железный занавес» между Восточной и Западной Европой, в Болгарии активизировалась деятельность международных организаций. В частности, в 1967–1970 гг. в страну был допущен Центр переподготовки и совершенствования болгарских руководящих инженерных, экономических и других кадров (ЦУРК). Резоном были «как пропаганда достижений и возможностей социализма, так и извлечение конкретной пользы». В ЦУРК по линии Международной организации труда (МОТ) направлялись западные квалифицированные кадры, финансы, современная вычислительная техника.

После открытия архива Госбезопасности Болгарии материалы о пребывании в стране иностранных экспертов, их общении с элитной частью болгарского управленческого аппарата стали доступны исследователю. Среди них внимание Марчевой привлек отчет англичанина Дж. Домена – руководителя проекта с 1 августа 1966 г. по 31 октября 1967 г. Отчет предназначался структурам МОТ и одновременно мог служить ориентиром для будущих западных сотрудников Центра во время пребывания в Болгарии. Помимо общих сведений о стране, Домен подробно рассказывает о жилищных и транспортных условиях в Болгарии, стандарте жизни населения, образовании, медицине, культурных и информационных возможностях. Анализируя документ, Марчева выяснила, что время его написания – конец 1966 г., и пришла к выводу: в большинстве случаев записки Домена объективны и являются своеобразным источником для изучения жизни в тогдашней Болгарии. В целом деятельность сотрудников ЦУРКа, считает она, была полезна для Болгарии.

Приведу некоторые любопытные детали, отмеченные английским экспертом, которые, кажется, вряд ли привлекали внимание тогдашнего командированного советского человека.

Продукты питания, писал Домен, имеются в изобилии, но набор их зависит от сезона, как это характерно для традиционного общества, зимой нет свежих овощей и фруктов. Индустрия быта плохо развита – следует брать с собой туалетную бумагу, туалетные и косметические принадлежности, домашние лекарства. Людей, знающих английский или французский языки, в Болгарии мало, в то время как русский – второй язык в государстве; к тому же все надписи на кириллице. Все это затрудняет коммуникацию, правда, среди людей старшего поколения распространен немецкий, что важно в общественных местах или когда надо спросить дорогу.

Хорошее впечатление на Домена произвела «культурная жизнь» в Болгарии – «по качеству и ценам», особенно музыкальная жизнь: Софийская опера, перечисляет он, Музыкальный театр, балетная студия «Арабеск», Софийская государственная филармония, Симфонический оркестр радио и телевидения и другие. В этом же ряду музеи и картинные галереи, парки.

Рассмотрим далее две близкие по тематике работы болгарских коллег о роли международных факторов в процессе перехода Болгарии и Румынии к демократии и рыночной экономике в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Это статьи И. Баевой и В. Тошковой.

И. Баева в статье «Румыния и Болгария между Востоком и Западом во второй половине 1980-х гг.» фиксирует важную для стран Восточной Европы «подвижку» в международных отношениях после Второй мировой войны. На протяжении почти двух тысяч лет до этого, пишет она, ведущую роль в судьбах мира играли великие державы, но теперь на авансцену вышли (хотя и временно) два новых государства – США и СССР, находившиеся до середины XX в. «на позициях периферии». Когда же их военное сотрудничество перешло в Холодную войну, Европа оказалась разделенной и зависимой от новых супердержав. Если исключить

Германию, то наиболее остро противостояние между новым Западом и новым Востоком имело место на Балканах, считает Баева: пример двух соседних государств – Болгарии, «добровольно избравшей положение сателлита», и Румынии, проявлявшей стремление к большей внешнеполитической свободе, – показывает, по ее мнению, что именно здесь произошли наиболее глубокие изменения в отношении как к Востоку, так и Западу [3. С. 11].

В обеих странах сложились собственные системы, но общим для них являлась признанная международным сообществом привязка к Восточному блоку, руководимому СССР. Так, Румыния, проявляя по мере возможности самостоятельность, стремилась к отдалению от СССР, особенно после чехословацких событий 1968 г., и к заигрыванию с США, где даже получила статус «наиболее благоприятствуемой нации». Болгария же, наоборот, стремилась к сплочению с Советским Союзом. Но конечная судьба этих стран и их тогда всемогущих руководителей Н. Чаушеску и Т. Живкова оказалась схожей, хотя и разной по степени жесткости.

При рассмотрении реакции руководства Болгарии и Румынии на реформы М. Горбачева в СССР Баева показывает, какие изменения стали происходить в этих странах. Правда, за констатацией фактов хотелось бы видеть анализ причин, почему получилось то, что получилось. Руководители этих стран были обречены? Они оказались не готовы к крутому повороту событий в СССР? Другого пути, кроме однажды избранного, нельзя было предвидеть?

Название статьи В. Тошковой – «Другая версия болгарского перехода к “демократии и рыночной экономике”». Тошкову не удовлетворяет бытующая в журналистике на протяжении вот уже 20 лет «криминальная» версия о начале «перестройства» страны, а именно: отстранение Т. Живкова от власти в результате «дворцового переворота». «Другая версия», которую отстаивает Тошкова, состоит в том, что смещение Живкова с высокого поста в ноябре 1989 г. на пленуме ЦК БКП было согласовано с Москвой [3. С. 351]. Более того, она считает, что этот акт вполне вписывается в проект советского лидера М. Горбачева и его «реформаторской команды», цель которого – преодолеть огромное экономическое отставание СССР от капиталистического Запада путем установления нового типа отношений – внутривосточных и международных. В качестве примера приводятся схожие с болгарскими события в Польше, Венгрии, Восточной Германии. Тошкова стоит на позиции, что именно Горбачев подготовил почву для перехода политической власти в Восточной Европе от «старых авторитарно-бюрократических лидеров к новым “реформаторским” социалистическим руководителям», подчеркивая, что при этом не исключалась перспектива нанесения ущерба «социалистической ориентации».

Хотя, по мнению Тошковой, в историографии накопилось уже достаточно информации о «советской связи» в деле отстранения Живкова, некоторые авторы (в их числе и российские) продолжают выступать с опровержениями вмешательства Москвы во внутренние дела восточноевропейских стран. Тошкову интересует поиск новых деталей – недостающих или замалчиваемых – того, как в Болгарии осуществлялся переход «к демократии и рыночной экономике», его этапы. Так, пишет она, часто умалчивается факт, что Живков не пытался удержаться у власти с помощью силовых структур; что сами силовые структуры оставались пассивными, бездействовали. Однако, почему происходило именно так, – не выясняется.

Особенностью процесса стала обоюдная заинтересованность руководства СССР и США в прекращении конфронтации между Востоком и Западом, выражением чего стала встреча Дж. Буша (старшего) и М. Горбачева в декабре 1989 г. на Мальте. По мнению Тошковой, «взаимные уверения: советские – о невмешательстве при помощи силы в восточноевропейские трансформации – и американские – США не будут использовать возможности для поощрения антисоветских проявлений, – в общих линиях соблюдались» [3. С. 355].

Интересен материал о наблюдении за ходом процесса в восточноевропейских странах со стороны политбюро ЦК КПСС, для чего привлекались специалисты из научных учреждений. В качестве приложения к статье публикуется обширный документ – Меморандум Комиссии О. Богомолова (Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР), направленный А. Яковлеву (февраль 1989 г.) (Яковлев возглавил созданную в 1988 г. Комиссию политбюро по внешней политике). Документ свидетельствует о том, что советские лидеры располагали обширной информацией о ситуации в Восточной Европе в противовес тиражируемому на Западе после 1989 г. тезису о ее скудости.

В заключение статьи Тошкова полемично рассматривает освещение темы в американской и канадской историографиях.

Еще один сюжет, интересующий болгарских авторов, – публичные персонажи российской политической жизни начала 1990-х годов. С. Миланова, рисуя «политический профиль» России этого времени и фиксируя в первую очередь «непрерывные изменения в конъюнктуре – политической, экономической, социальной», особое внимание уделяет «лидерскому фактору». Трудности перехода от централизованной командно-административной системы к либерально-демократической модели, пишет она, поставили на испытание способности политиков к «правильной ориентации». Под этим углом зрения она оценивает деятельность М. Горбачева как парадоксальную: то, что он отрицал в своих высказываниях, спустя несколько лет воплощалось на практике. В материале обильно цитируются мнения и комментарии российских публицистов и аналитиков.

Миланова подчеркивает, что суть тактики компартии – пропагандировать реформы лишь идеологически, безотносительно политической практики – определилась в 1990 г. Тогда же радикальным кругам стало ясно, что таким образом невозможно осуществить трансформацию догматической партии. Своеобразным элементом влияния на них явились, по мысли автора, «мощные антикоммунистические изменения» в Восточной Европе в конце 1989 г. К началу 1990 г. относится и кульминация оппозиции Горбачев – Ельцин.

В статье указываются области, где политика Горбачева принесла наибольшие плоды: это духовная, идейно-политическая, публично-правовая сферы – общество преодолело страх перед репрессивным аппаратом; в международной сфере – закончилась Холодная война, поубавился имперский инстинкт. Но цена за достигнутое оказалась неимоверно высокой. Произошла фактически подмена идеологии, плюрализм мнений утонул в море экономических интересов, происходит постоянная манипуляция населением через СМИ. «С этой точки зрения вопрос о демократии, о политической и духовной раскрепощенности людей, – заявляет Миланова, – оказывается дискуссионным» [3. С. 281]. При этом ни Горбачев, ни Ельцин не выступают у автора героями, обозначившими эпоху.

В статье Д. Григоровой «герой» обозначен уже в названии: «Егор Гайдар – демонизированный образ перехода в постсоветской России». Автор как бы сопереживает братскому российскому народу: и через 20 лет после распада СССР современное российское общество все еще находится в переживании травмы от «трансформации империи» и ищет ответственных за эту национальную катастрофу. Е. Гайдар, по мнению Григоровой, – один из них. Для характеристики событий 1991 г. она использует термин «революция сверху» Натана Эйдельмана. Отсюда ее вывод: власть, а не общество, являлась основным инициатором коллапса СССР.

Каково же участие Гайдара в этой революции сверху? Автор рассматривает несколько ситуаций, посвящая им специальные разделы: «Как и почему Ельцин выбрал Гайдара?», «Гайдар в Беловежской пуще», «Мифологизация “шоковой терапии”», «Гайдар и октябрьский переворот 1993 г.». Следует отметить хорошее знание Григоровой фактической истории, анализ разнополюсных политических

оценок. Ясно из контекста и ее отношение к деятельности и фигуре Гайдара: в целом она негативная, хотя определенно автор ее не фиксирует, удовлетворяясь словами «Гайдар – последовательный либерал, он не политик, он идеалист».

Позиции указанных авторов обозначают один из трендов, проявившихся в болгарском обществе в 1990-е годы, суть которого – недовольство/неприятие того, как сумбурно, без предварительного просчета шагов происходил в СССР/России «переход к демократии и рыночной экономике». Открыто или скромно (по умолчанию, как в двух последних статьях) в части общественного мнения Болгарии сохранились обида и недоумение, как грубо и резко были оборваны так долго пестовавшиеся русско-болгарские связи.

Издание, подготовленное в Болгарии, не могло обойтись без «македонской темы», но на этот раз занялись ею российские авторы и, как отметила болгарская редколлегия сборника, «в довольно любопытном ракурсе» [3. С. 9]. Не могу обойти эту тему и я в настоящем обзоре.

Е.Л. Валева и О. Исаева в статье «Македонистика под запретом: к истории становления науки в СССР», вначале в общих чертах сообщая о формировании македонской идентичности и роли разнообразных политических факторов в этом процессе (преимущественно в XX в.), главное внимание уделяют трудностям формирования македонистики как гуманитарной дисциплины в СССР. Здесь, помимо чрезмерной политизации и идеологизации научной жизни, исследование македонской тематики тормозило то, что македонский вопрос оставался важнейшим действующим фактором балканской политики. Острые дискуссии выходили за рамки научного мира и охватывали политические и общественные круги стран Балканского региона. Разногласия между руководством НРБ и СФРЮ по македонскому вопросу стали почти непреодолимым препятствием для изучения македонской проблематики в Советском Союзе. Авторы рассматривают этапы развития отношений на Балканах в связи с той или иной политической акцентировкой македонского вопроса во второй половине 1940-х годов и в 1960-е годы.

Впервые в статье рассматривается сюжет о постановке «македонского вопроса» в подготовленном на историческом факультете МГУ учебнике «История южных и западных славян» (М., 1969), что вызвало, с одной стороны, резкие протесты в Болгарии, а с другой – восторженные отзывы в Югославии. Разногласия мнений публично продемонстрировала противоположное отношение в этих странах к впервые обозначившемуся в советской науке вниманию к македонцам как особому народу. В скандал пришлось вмешаться ЦК КПСС. Экспертиза учебника в Институте славяноведения и балканистики АН СССР выразилась в подготовке его учеными рецензии на учебник, которая должна была увидеть свет в журнале «Вопросы истории». В ней были изложены контуры общей концепции советских ученых относительно македонской нации на материале XIX–XX вв., и заканчивалась она такой констатацией: «В рамках Социалистической Республики Македонии развернулся процесс складывания македонской социалистической нации» [3. С. 38]. Е.Л. Валева оперирует при этом версткой рецензии, обнаруженной в личном архиве Л.Б. Валева – одного из ее соавторов.

Эта «история» в рецензируемом сборнике имеет свое продолжение в другом недавно вышедшем издании, где впервые опубликован Протокол заседания Комиссии историков СССР и Болгарии¹ (19–21 мая 1970 г., София) [2. С. 356–368]. В центре внимания участников заседания – болгарских (во главе с акад. Д. Косевым) и советских (во главе с акад. Е.М. Жуковым) – оказался как раз вопрос о том, публиковать или нет не устраивавшую болгарскую сторону рецензию, в которой македонская нация признавалась как таковая. Напряженная и весьма острая дис-

¹ Тогда она называлась «Болгарско-советской (Советско-болгарской) комиссией по координации и сотрудничеству исследований в области исторических наук».

куссия закончилась, судя по Протоколу, единственным внятным решением, правда, не слишком относившимся к спорному вопросу, – принятием программы совместной работы Комиссии советских и болгарских историков на 1970–1975 гг. Решения о судьбе рецензии в Протоколе не было. Однако в журнале она так и не появилась, будучи снята с публикации, по мнению Валева и Исаевой, «по указанию вышестоящих инстанций из-за очевидного нежелания обострять отношения с руководством НРБ» [3. С. 38].

Дискуссия проходила в годы, когда советская историческая наука готовилась принять в Москве очередной международный Конгресс исторических наук (1974), и главные идеологические центры страны – ЦК КПСС и Президиум АН СССР – выработывали нужные «научные установки». Основополагающими среди них были борьба «против фальсификации и извращения современных ревизионистов» и необходимость доказывать превосходство марксистско-ленинской исторической мысли. В свете этих задач акад. Жуков, являвшийся тогда председателем Комиссии историков СССР и Болгарии с советской стороны, на открытии заседания говорил, что «не считает дискуссионные вопросы истории Македонии первостепенными по важности», но что советская делегация изложит свою позицию [2. С. 362].

Думается, дискуссия все же сыграла свою роль в определенном повороте советской исторической науки в последующие годы к пониманию необходимости изучать историю наций и национальных проблем. На чем, собственно, настаивала болгарская сторона в ходе другого заседания – 23 августа 1970 г. Тогда была составлена итоговая «Краткая протокольная запись» представителей Комиссии историков СССР и Болгарии, еще раз отразившая огромный интерес болгарских коллег к совместному изучению национальных проблем. Кроме того, они просили советскую сторону «выступить с докладом на тему “Теоретические проблемы формирования нации”» на следующем заседании [2. С. 370–371].

Но вернемся к статье Валева и Исаевой. Заслуга этих авторов – в подробном рассмотрении, с привлечением материалов из личного архива Л.Б. Валева и других, самого процесса выработки сотрудниками Института славяноведения и балканистики и кафедры южных и западных славян истфака МГУ основательной концепции складывания и развития македонского народа. Ее (с известными модификациями) придерживаются и современные российские ученые.

Другой аспект темы, напоминают авторы, – взрыв политизации македонского вопроса, в частности, после выхода в свет в 1974 г. в БСЭ статей о Македонии и СР Македонии. Острая и негативная реакция Болгарии и Югославии на выход этого издания, их попытки придать политическое звучание любым советским публикациям по македонской тематике привели к тому, что советская партократия наложила фактический запрет на обнародование исследований в области македонистики. Издательства запрещали даже простое упоминание в текстах слов «Македония, македонский». Накладывался запрет на выдачу соответствующих материалов в архивах. СССР как бы отстранился в конфликте враждующих стран по вопросу, объявленному спорным.

Тем не менее, пишут Валева и Исаева, в рамках Комиссии историков СССР и Болгарии продолжалось обсуждение македонского вопроса, хотя оно происходило порой драматически. Негласный запрет на его изучение в Советском Союзе сняла эпоха перестройки, а также образование в 1991 г. Республики Македонии и ее признание Болгарией и Россией. В настоящее время в Институте славяноведения РАН, университетах Москвы, Саратова, Екатеринбурга и многих других изучение македонской проблематики занимает почетное место.

Вторая «македонская статья» в сборнике – «Экзархийское просвещение в Македонии в ракурсе болгарского национализма (последняя четверть XIX в.)» принадлежит краснодарским авторам Э. Вартаньян и В. Бондаревой. Задача, которую

они перед собой поставили, звучит так: «Выяснение проявлений политических функций БПЦ вне пределов Болгарского княжества». При этом основной акцент авторы делают на экзархийском просвещении, процессе утверждения экзархийского ведомства в пределах турецких вилайетов, специфике взаимоотношений Экзархата как духовной власти со светскими структурами болгарского и турецко-го правительств [3. С. 55].

Проблема эта не нова, накоплена уже большая литература, особенно в Болгарии, да и в России тоже, однако, к сожалению, она мало востребована авторами статьи. Отсюда (возможно, из-за незнания термина «верховизм») ВМОК расшифровывается ими как «Внешний» македоно-одринский комитет, тогда как правильно: «Верховный». Правда, Вартањьян и Бондарева благодаря работе в АВПР (фонд Политархив) сумели несколько расширить фактологическую сторону темы, хотя часто обходятся без указания даты документа, его характера и авторства (впрочем, это замечание можно отнести и к другим авторам сборника!).

Но материал Вартањьян и Бондаревой заинтриговывает другим – «новым подходом» к пониманию «истоков стремления православной церкви к политической деятельности», а именно: исходя из канонических представлений православия. То есть эти авторы хотят искать ответ на вопрос через саму церковь, через церковные установления. Политическая активность Экзархата, пишут они, была обусловлена, помимо другого, еще и изначальной спецификой догматического содержания восточного православия, уважающего национальный фактор и позволяющего в отличие от католического варианта производить богослужение на родном языке; этому способствовала и сама сущность Болгарского княжества, страдавшего от недостаточного развития капитализма и гражданского общества, «и оттого напрямую тяготевшего к единоличному принципу управления, так прекрасно согласовывавшемуся с христианской доктриной, оправдывавшей всякую власть (ибо нет власти не от Бога) и провозглашавшей верховного правителя помазанником Божиим» [3. С. 54].

Из контекста статьи следует, что авторы принимают это установление как единственно верное и применимое к любой ситуации, в том числе к положению в интересующем их Княжестве Болгария конца XIX – начала XX в. Хотя ни для кого не тайна, что отношении болгарского населения к институту монархии, да и к самим монархам (особенно отчетливо к князю/царю Фердинанду) было далеко от однозначно положительного.

Но не останавливаясь на «мелочах» и верные внутренней задаче – выявить «патриотизм православной церкви», Вартањьян и Бондарева спешат к новым обобщениям. Они делают упор на факторе «уникальной этноинтегрирующей функции церкви, проявившейся в условиях раннесредневекового политогенеза», который, судя по контексту, действовал не только в раннем Средневековье, но и в Новое время. Мало того, оказывается он жив «и в рамках современности». Доказательства? Пожалуйста: «Весьма наглядной иллюстрацией этого, – читаем дальше, – является современная история Русской православной церкви (РПЦ), включающая в свой диоцез Украину, не входящую в состав политических границ РФ. Разделенные народы продолжают лелеять надежды не только на духовное, но и на геополитическое единение, провозгласив нынешнего главу РПЦ Его Святейшество Кирилла своим патриархом, который в свою очередь отвечает на их чаяния тезисом: “Россия, Украина, Беларусь – это все Святая Русь”², имея в виду не только исторические традиции единства канонического пространства, но и национальный (восточнославянский) принцип» [3. С. 51–52].

² Дается ссылка на запись информационных выпусков центральных каналов телевидения (Личный архив В. Бондаревой).

Здесь и самовольное высказывание Вартамян и Бондаревой от имени «всех трех народов», и якобы известные им надежды этих народов на геополитическое объединение с помощью РПЦ, и косноязычный стиль: «Ответ на чаяния народов тезисом», и радикальное наделение восточного славянства «национальным принципом» и т.п.

Не лучше звучат слова, которые авторы адресуют Болгарской православной церкви того времени, когда ей пришлось уступить «ВМОРО доминирующие позиции в рамках правительственной программы ирредентизма»: БПЦ, пишут они, «продолжала оставаться весьма значимым фактором, выступая своего рода историко-идеологическим флагом болгарского национализма» [3. С. 69]. Кстати, кто-нибудь видел эту «правительственную программу ирредентизма»?

Грустно видеть такие перлы в научном издании.

В целом выход сборника в свет можно только приветствовать. Несмотря на некоторую мозаичность, включенные в него работы российских и болгарских авторов достаточно характерно отражают узловые моменты истории советско/российско-болгарских отношений после 9 сентября 1944 г. Здесь много болевых точек для болгар, и российскому читателю важно о них знать, понимать их причины. Тематически именно они в большой степени определяют лицо современной болгарской историографии, а в какой-то степени и современной российской. Не случайно и специальное внимание авторов к фактору Запада и западной цивилизации. Этот фактор в исторических исследованиях учитывался всегда, но прежде, главным образом, в случаях, когда речь шла о дипломатической борьбе в «верхах» или о соперничестве великих держав Запада за преобладание на Балканах либо в отдельных странах региона. Ныне тема «западных настроений» в разных социальных группах разрабатывается по праву равного гражданства со всеми остальными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Россия–Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII–XXI вв. Российско-болгарские научные дискуссии. М., 2010.
2. О чём поведают архивы ... Российско-болгарские отношения и связи. М., 2012.
3. България, Балканите и Русия. XVIII–XXI век. Болгаро-руски научни дискусии. София, 2011.

К.В. НИКИФОРОВ. Сербия на Балканах. XX век. М., 2012. 174 с.

Прежде чем рассмотреть содержание книги К.В. Никифорова – ведущего специалиста по современной истории Сербии и Балканского региона в целом, заметим, что она вызывает большой интерес не только как историческое, но и во многом как прогностическое исследование. Автор намеренно затушевывает эту составляющую исследования, тем более что ситуация здесь, казалось бы, во многом стабилизировалась. И к началу второго десятилетия XXI в. название новой (в рамках региона все же старой) страны мелькает на страницах газет реже. Однако более глубокое знакомство с книгой показывает, что прошлое и настоящее страны, Балканского, да и многих других регионов не дает оснований для спокойных прогнозов.

Действительно, рассматриваемая К.В. Никифоровым проблема носит резонансный характер: происходившее в Югославии и Сербии касается не только Европы, где этносоставляющая политики, скажем, в Великобритании, Бельгии или Испании, крайне политизировалась (шотландский вопрос, баски и пр.). И не только в западных европейских странах: новые повороты этносепагатизма демонстрируют демократическая Канада, африканские страны (части которых ведут борьбу за свою самостоятельность и даже ее получают – Эритрея, Южный Судан), страны СНГ, другие регионы мира. Естественно, в новой книге внимание на этом не акцентируется. Более того, иногда создается впечатление, что ее автор в чем-то даже успокаивает читателя, постоянно утверждая: кризисные процессы-де прошли. Конечно, данное впечатление поверхностно: хорошо известно, сколь легко запускаются в данном регионе механизмы самоосуствляющегося пророчества, когда предсказание формирует и форсирует событие, когда неосторожные

слова накликают немалую беду. Но точки бифуркации в данном регионе отнюдь не исчезли. И политикам надо крайне осторожно относиться к Сербии как насильственно усмирённому региону, где впервые использовались тщательно отработанные новые политтехнологии при поддержке новейших военных средств подавления воли и этносов, и государственных образований на всем протяжении XX в.

Данное видение можно обосновать тем, что жизнь на европейском континенте приобретает крайне взрывной характер в связи с новыми кризисами, и Сербия вряд ли потеряет роль детектора этих взрывов, которую она играла в течение XX в. Тем более происходящие в этой стране события нуждаются в постоянном и взвешенном мониторинге с опорой на глубокое и пристрастное знание ее истории. Наступивший новый век требует предельной осматрительности и даже крайней осторожности в трактовке эволюции и сохранения этносов и их государственности. К.В. Никифоров не навязывает прямо установок на эту осматрительность и осторожность, но тактично подводит внимательного читателя к необходимости их выработки.

В XXI в. Сербия со своей судьбой осталась один на один. Это не значит, что ее не включают в геополитические игры, это, скорее, означает, что ею стремятся постоянно манипулировать. У нее нет прочных постоянных союзников, как это было на протяжении двух предшествующих веков (и у Российской империи/СССР/Российской Федерации есть в этом плане свои «грехи», о которых автор не забывает). Поэтому Сербией как государством пренебрегают дальние, а то и ближние соседи, а сербский этнос загоняют в обреченную на некую, если можно так сказать, дисгармоничную сегментацию (в этом заключается особая сложность аналитика, испытывающего хоть

какую-то симпатию к славянским «братушкам»).

Однако Сербию изучать абсолютно необходимо как разгадку возможных исходов больших геополитических игр, можно даже сказать, как модель дисгармоничной сегментации и других государств, – безотносительно к тем или иным «выгодам».

Можно говорить об отсутствии работ по истории и современному состоянию Сербии, что неудивительно: о проблемных странах писать очень тяжело, если это не публицистически ориентированные отчеты. Гораздо легче писать о странах благополучных (в РГБ – ее открытом доступе – можно обнаружить три монографии по Словении, но ни одной по Сербии). В этих условиях книга К.В. Никифорова отвечает потребностям самого взыскательного читателя – и политического аналитика, и историка, и студента или аспиранта; она побуждает внимательно присматриваться к той стране и к тому региону, которые в XX в. служили источником беспокойства Европы и гордости части европейцев за то, что в их семье находился народ, не смирявшийся с диктатом любого рода и вида. Она внушает надежду, что эта национальная черта сербов будет определять контуры политики и сербского государства, которые необходимо защищать не только славянским государствам, но и странам Запада, ориентированным то на узконационалистические, то на глобалистические задачи.

Автор вполне правомерно утверждает во Введении, что понятие сербскую историю без общевосточных процессов нельзя – причем с учетом общевосточного фона, а в течение XX в. и фона мирового. Внимание к происходившему в Белграде и в 1914, и в 1940, и в 1999 г. многое могло бы обнаружить в логике возникновения мировых войн и завершения войны «холодной». «И действительно, – отмечает К.В. Никифоров, – история Сербии – это своего рода матрешка, где собственно сербская история вставлена в историю Балкан, а история Балкан, в свою очередь, – в общеевропейскую и всемирную истории» (с. 6).

В первой главе монографии, которую можно назвать историософской, детально показана роль Балкан и Сербии при замене одной системы международных отношений на другую, повороты в ее истории практически совпадают с установлением новых моделей системы международной безопасности. Более того, и в периоды затишья между кризисами состояние внутренних

проблем Балкан, Югославии и Сербии можно трактовать в качестве фактора, указывающего векторы развития более обширных геополитических пространств. Достаточно вспомнить эрозию сталинского социализма и поиск его новых моделей конца 1940-х годов или шок от встречи континента в конце XX в. с исламским фактором в границах континента.

Историк с широким, можно сказать, панорамным видением судеб Сербии в XX в., К.В. Никифоров проводит крайне смелые сопоставления исторических событий. Так, в 2003 г. в Сербии был застрелен премьер-министр страны З. Джинджич. Это случилось ровно через сто лет после убийства в мае 1903 г. в Белграде группой офицеров-заговорщиков короля Сербии А. Обреновича. Пользуясь авторской метафорой «матрешки», отметим, что внутри этих трагических для судеб Сербии дат находятся – хронологически – даты трагических событий для всего мира: два сходных ультиматума, предъявленных Сербии Австро-Венгрией в 1914 г. и НАТО в 1999 г. Оба были заведомо неприемлемы для сербов, изначально нацелены на войну, к которой и привели. И в обоих случаях Запад неправомерно приписывал вину за них России.

Эти парадоксы, казалось бы, подрывали смысл существования и Сербии, и Югославии. Однако такой вывод неприемлем для автора: «Подчеркнем особо, что Югославия, на наш взгляд, не была совершенно случайным образованием, как считают сейчас постфактум некоторые политики и исследователи. Но она не была, конечно, и прочным гармоничным государством, гарантированным от распада. Наоборот – любым властям Югославии предстояло все время заботиться о целостности государства, бороться с то усиливавшимися, то затухавшими центробежными тенденциями» (с. 48). Последний пассаж можно отнести и к России, и в этом плане книга К.В. Никифорова – крайне поучительное чтение для отечественных аналитиков и политиков-практиков.

Автор справедливо отмечает, что, начиная с правления Й. Броз Тито, в Югославии велись бесконечные разговоры о выравнивании уровней экономического развития и что на решение этой задачи были израсходованы колоссальные средства. Все же разрыв в положении республик и краев так и не был преодолен, а ряд действий руководства лишь стимулировали сепаратизм. «Были недовольны все – и те, кто помогал,

и те, кому помогали», – пишет автор (с. 56). И все же реформы или относительная демократизация стимулировали экономическое развитие.

В сфере же национальных отношений демократизация вела к децентрализации и ослаблению федеративных связей, ведя к возрождению старых и появлению новых претензий каждой из югославских наций к другим. В итоге уже к концу 1970-х годов стали явно проявляться трудности экономического развития Югославии: «Усилились финансовые проблемы, выросла инфляция, возросла безработица. Возникла проблема убыточности предприятий, выросли запасы нереализованной продукции. В 1979–1980 годах надо было уже выплачивать долги, но денег на это не было, как не было и новых займов. При жизни Тито югославским руководителям еще как-то удавалось сдерживать нараставшие кризисные явления. Однако после его смерти многое изменилось» (с. 80).

Привыкшей хотя бы к относительной демократизации Югославии и, главным образом, Сербии пришлось встать на путь трансформационного процесса, который обошелся государству – как никакому другому в регионе – очень дорого. Лозунг демократизации нигде не сталкивался со столь пагубными версиями национализма, как здесь. В частности, решение «сербского вопроса» наткнулось на косовский барьер, в результате чего демократизм сербской оппозиционной интеллигенции постепенно стал заменяться национальными идеями иногда в националистической (или, в соответствии с определением В.К. Волкова, даже этнократической) упаковке. Если раньше многие из оппозиционеров считали югославскую федерацию решением и сербского вопроса, то с конца 1980-х годов она начинала трактоваться как механизм подавления сербского начала.

Ко времени распада Югославии, когда 25 июня 1991 г. парламенты Словении и Хорватии провозгласили независимость, национализм существовал во всех югославских республиках. В те годы он достиг почти запредельного уровня. Все республиканские СМИ соревновались в провоцировании национальной истерии. И во всех югославских республиках, как и повсюду в Центральной и Юго-Восточной Европе, национализм стал средством борьбы с коммунизмом. Только Сербия оказалась исключением: ее лидер С. Милошевич с помощью национализма попытался, наоборот, сохранить коммунизм у себя в республике.

В целом 1990-е годы – время не просто системного кризиса, а краха государственных начал на территории Югославии под напором национализма во всех его вариантах. Тщательный анализ этого процесса трансформации, похожей на ведущую к гибели трансмутацию, – несомненное достоинство книги. Остается добавить, что автор, анализируя сложные процессы и ход зачастую кровавых событий, все же остался в рамках подлинного академизма, не теряя при этом убедительный гражданский пафос – страны, глубинными корнями связанной и с Югославией, и с Сербией.

В бывшей Югославии, отмечается в книге, во время хорватской и боснийской войн и косовского кризиса возникло пять самопровозглашенных государственных образований: Республика Сербская Краина в Хорватии, Республика Сербская, Хорватская Республика Герцег-Босна, Республика Западная Босния (Цазинская краина) в Боснии и Герцеговине и Республика Косово в Сербии. В итоге остались Республика Сербская в БиГ в качестве автономии, Республика Косово, ставшая насильственно фактически самостоятельным государством в 2008 г. За два года до этого из состава Союзной Республики Югославии вышла Черногория.

Албанское руководство Косово провозгласило свою независимость в одностороннем порядке, но после предварительной договоренности с США. На первый взгляд это выглядело парадоксальным. При Милошевиче сербам навязывалось соглашение, при котором Косово юридически и формально оставалось все-таки частью Сербии. После же его свержения и семи лет демократического правления сербы наказывались потерей 20 % своей территории. К концу первого десятилетия нового века независимость Косово признали свыше 90 стран, включая страны Европейского союза, где есть схожие проблемы. Сербия независимость не признала, но смирилась и с ней, и с Международным трибуналом в Гааге, который превратился, по словам ряда югославских аналитиков, в некое подобие Нюрнбергского процесса, осуждающего само сербское государство по принципу коллективной ответственности.

«В этнических чистках обвинялись преимущественно сербы, но в итоге именно они, как проигравшая сторона, пострадали от них больше других. Как это всегда и бывает, проигравшие войну платили за общие грехи», – резюмирует К.В. Никифоров.

ров (с. 134). И делает из анализа ситуации генерализированный в общеевропейском масштабе вывод о диалектике моноэтничности и мультикультурности. Последняя представлялась как некий идеал, достижимый путем «гуманитарной интервенции» со стороны западных государств. Но «искореняя» моноэтничность, Запад как раз сам и заразился ею. Так, в 2011 г. канцлер Германии А. Меркель, президент Франции Н. Саркози и премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон заявили о крахе политики мультикультурализма собственных государств. Остается добавить, что косовары не давали – и не будут давать – покоя странам Евросоюза по самым различным поводам, начиная от наркотрафика.

В войне против Сербии применялись новшества, устрашающие не только своими кровавыми последствиями, но и лицемерным идеологическим оформлением. Одно из них – «информационная война» в качестве заметного, а в чем-то даже ключевого фактора. Жертва такой войны вчерашнего дня – сербы, дня сегодняшнего – десятки других народов. Ее участники – корреспонденты западных СМИ, выступавшие как дипломаты, и дипломаты, сводившие свою активность к журналистике, известные фирмы, занимавшиеся предоставлением услуг в сфере общественных связей, интеллектуалы и «простые труженики», например из южных штатов США, часто не знавшие, что есть такой народ – сербы, и такой край – Косово. Не остались «безучастными» к ее воздействию и политики самого высокого ранга в России, о чем вынужден напоминать автор. Когда шли бомбардировки Белграда, стараниями именно В. Черномырдина удалось выкрутить руки сербам и сломить их сопротивление. Урок этой игры в поддавки чрезвычайно тяжел для отечественной внешней политики, но полностью пока так и не выучен – к такому выводу можно прийти по прочтении соответствующих глав книги о балканской политике России.

В монографии приведены результаты анализа основных этапов югославского кризиса – вооруженные столкновения в Словении (июль 1991), война в Хорватии (1991–1995) и война в Боснии (1992–1995), противостояние в Косово (1998–1999) и 78-дневная натовская агрессия против новой Югославии (Сербия и Черногория) в 1999 г., подчеркивается, что с марта 2001 г. албанский сепаратизм распространился на Македонию (с. 152). В связи с этим автор

ставит ряд вопросов: почему большинство из этих испытаний выпали на судьбу сербов? Почему Балканы и Сербия в очередной раз стали «пороховым погребом» теперь уже НАТО как трансконтинентального блока? И делает вывод: вопреки убеждениям (и благодаря антисербским предубеждениям) в основном Запада, признание независимости Косово не положит конец балканским раздорам, ведь, кроме этого, здесь остаются нерешенными сербский и македонский вопросы, даже если так называемые Западные Балканы окажутся в Евросоюзе и НАТО. Этой тревожной нотой и заканчивается востребованное – во многих отношениях – и глубокое – по многим направлениям – академическое исследование.

В целом книга К.В. Никифорова вызывает размышления, которые выходят за формат рецензии, и желание сопоставить исторические судьбы двух европейских федеративных образований в XX в. Ведь в подобной ситуации оказывалась и Чехословакия, причем тоже дважды – в 1938 и 1968 гг. Это, как известно, породило всемирный резонанс (от известных стихов М. Цветаевой и до lamentаций мировой общественности в 1968 г.) – хотя крови было пролито мало. Принесение в жертву Сербии как ядра и этнообразующей структуры югославской государственности в 1940 и 1999 гг. обошлось человечеству гораздо дороже, однако особых идейно обостренных сожалений это не вызывало, а часть «благожелательных» наблюдателей в СССР и России даже считали, что так-де и надо. Крайне жаль – приводит к мысли автор – переосмыслить эту обреченность на жертвенную участь с учетом того, что Сербия была и остается форпостом православной и одновременно западной цивилизации: в первом случае перед фашизацией, а во втором – перед исламизацией Европы, первым шагом к которой является еще один выявленный в монографии парадокс – ее натоизация (с. 152). Государственное образование Косово в этом плане – первый предвестник вполне возможного нового поражения Европы на Косовском поле. В книге отмечается, что «косовский вариант – исключение. Он возник в результате прямого военного вмешательства извне. И нигде больше ни на постюгославском, ни на постсоветском пространстве Запад столь открыто не поддерживал ни одно из самопровозглашенных государственных образований. И нет никаких признаков того, что поддержит впредь. Тенденция –

скорее противоположная, направленная на ликвидацию этих гособразований» (с. 105). Исключением ситуация остается и в 2012 г., хотя именно летом этого года косоварам давались сигналы о возможности начала переговоров о присоединении к Евросоюзу. Надо-де всего лишь устранить две помехи: коррупцию как фактор внутренней нестабильности и противодействие сербов на севере Косово, да и все той же Сербии, всему и всем мешающей, в качестве фактора внешнего... Старая песня на новый лад...

Вернемся к сопоставлению судеб двух федераций. После распада Чехословакии появившиеся на ее территории страны стали небольшими и их можно не замечать, несмотря на финансовое самопожертвование Словакии, вызванное вхождением в ЕС, или эпатажные заявления бывшего президента Чехии В. Клауса в духе евроскептицизма, приобретающего общеконтинентальный резонанс. В Сербии до сих пор это неосуществимо, и она остается важным, а в ряде случаев и ключевым геополитическим актором регионального, а то и всевропейского масштаба. Это касается в первую очередь ее

противостояния исламизации европейского континента.

Данное сопоставление показывает, что Сербия была и остается нервным узлом общеевропейской политики, что требует углубленного исследования ее истории. Книга К.В. Никифорова – лишь один из первых шагов в этом направлении. Автор подтвердил положение: такая история включает многие подходы на основе этнологических, политологических, геополитических знаний и т.д.

Богатая идеями и прогнозами монография продолжает линию академически выверенной и по-хорошему ангажированной отечественной югославистики, научный анализ в рамках которой перемежается с тревогой ученых за судьбы югославянских народов. К.В. Никифоров тем самым призывает продолжить работу в данном направлении, а книга выступает своего рода отправной точкой нового цикла комплексных исследований исторических судеб и будущего как сербской государственности, так и европейского континента в целом.

© 2013 г. Э.Г. Задорожнюк

Славяноведение, № 3

М.М. КРИЛЬ. Історія країн Центрально-Східної Європи. Навчальний посібник. Київ, 2008. 284 с.

М.М. КРИЛЬ. История стран Центрально-Восточной Европы. Учебное пособие

История стран Центрально-Восточной Европы насыщена бурными и драматическими событиями и отмечена постоянным агрессивным вниманием могущественных соседей: Германской, Австрийской, Российской и Османской империй, равно как и чередой внутривосточных кризисов и межгосударственных конфликтов за доминирование в регионе.

Не требуется лишний раз доказывать, сколь важна имплементация достигнутого наукой в практику преподавания в высшей школе. Важной является не только сумма знаний как набор некоторых истин и опре-

деленным образом подобранной и сгруппированной информации, но и комплекс навыков и умений, необходимых будущему педагогу или исследователю. С этой точки зрения вузовскому учебнику в равной мере должны быть присущи и академичность, и инновационность.

Автор издания – профессор Львовского национального университета им. И. Франко М.М. Криль – известный украинский историк-славист – длительное время обеспечивает преподавание курса «Истории стран Центрально-Восточной Европы», ряда специальных курсов в этой области.

Соответственно, подготовленное им учебное пособие представляет собой сплав необходимого педагогического и исследовательского опыта.

Представляется обоснованным очерчивание хронологических рамок «Истории стран Центрально-Восточной Европы» концом XX – началом XXI в., что соответствует сложившейся на Украине традиции преподавания соответствующего сегмента учебного материала. Относительно недавнее прошлое представлено на страницах учебных пособий, по вполне понятным причинам, нередко весьма фрагментарно, тем не менее позволяет анализировать динамические процессы, происходящие в сегодняшнем быстро меняющемся мире при опоре на некоторый фундамент информации, что, в свою очередь, дает прекрасную возможность студенту-гуманитарию проявить склонность к самостоятельному научному мышлению. Очевидно, что именно подобными соображениями руководствовался автор рецензируемого пособия, отметив потребность в оперативном информировании о событиях в сопредельных странах, пульс современных изменений в которых имеет очевидное воздействие на украинские внутренние и внешнеполитические реалии и будет влиять на них в будущем (с. 6). Заметно и другое. Имея целью представить динамику исторических процессов в странах Центральной и Восточной Европы, М.М. Криль апеллировал к предпосылкам тех глобальных сдвигов, которые произошли в них в конце 1980-х – начале 1990-х годов. То есть современная история не превратилась в политологию, и автор остался на платформе исторического дискурса, на чем он особо акцентировал внимание во введении (с. 6).

Отдельного разговора заслуживает ментальная карта, разворачивающаяся на страницах учебного пособия. Обосновывая пространственные параметры Центрально-Восточной Европы и стремясь продемонстрировать самобытный и неповторимый облик стран и народов региона, М.М. Криль обратился к авторитету предшественников, которые в разных вариациях также пользовались соответствующей политико-географической дефиницией (М. Хандельсман, И. Бибо, Р. Пиккио и др.). Правда, при-

ритет ее первоначального использования в 1930-х годах, как отмечается, принадлежит чешскому ученому Я. Бидло (с. 4). В современной исторической и политологической литературе дефиниция «Центральная Европа» обрела новую жизнь, ибо сегодня, по словам З. Бжезинского, некогда бывшая Восточной, эта часть континента опять стала Центральной Европой, какой она всегда и была по историческим, культурным и философским причинам. Он же в ряде своих публикаций писал о северной и южной (балканской) зонах Центральной Европы.

Вполне очевидно, что М.М. Криль солидаризируется с подобным пониманием пространственных характеристик, поясняя, что понятие «Центрально-Восточная Европа», помимо географических, отображает определенные политические, экономические и социальные реалии (с. 4), т.е. геополитическое значение. Иными словами, речь идет о постсоциалистических странах, бывших в свое время на Востоке некогда bipolarной Европы. Республика Белоруссия, государства Балтии даже в строгом смысле относятся к восточноевропейским государствам. Я, впрочем, полагаю, что автор вполне отчетливо понимал условность используемого ключевого геополитического определения, отмечая, что, к примеру, в Германии в соответствующей сфере научных изысканий бытовал термин «Ostforschung» – «восточные исследования» (даже в те времена, когда восточный блок европейских социалистических государств отсутствовал как таковой). Греция представлена в пособии в силу географической логики, поскольку в составе социалистического содружества эта страна никогда не пребывала, а о лужицких сербах речь идет в силу «географического расположения их этнической территории и тесной связи лужичан со славянским миром и украинцами в частности» (с. 7).

Таким образом, М.М. Криль, локализуя предмет своего изложения, удачно соединил пространственные и политические критерии. Однако их следовало дополнить во введении к учебному пособию некоторыми аргументами из арсенала цивилизационной теории исторического процесса, или даже размышлениями на эту тему самого автора. Ведь не ныне повелась речь об особой центральноевропейской идентичности.

Как известно, вопрос приобрел особую актуальность в 1990-х годах, когда осуществлялись попытки региональной интеграции в рамках Вишеградской четверки и иных региональных групп. Кстати, это дало бы возможность проследить эволюцию пространственного наполнения дефиниции «Центральная Европа» на протяжении времени ее бытования с той целью, чтобы подвести читателя/учащегося к пониманию того, что вкладывается в ее содержание ныне. То же самое касается и «Восточной Европы», ибо это понятие изменялось в разные времена, и его определение варьируется в зависимости от предпочтений или предубеждений историка, занимающегося этой проблемой. Определенные суждения, относящиеся к вопросу цивилизационной идентичности стран Центрально-Восточной Европы у автора имеются, в частности – затрагивается конфессиональная палитра их населения. Однако, к сожалению, далее эта плодотворная эпистема в пособии не развита.

Основная часть издания, в отличие, скажем, от обобщающей работы группы польских и французских историков (*Алексюн Н., Бовуа Д., Дюкре М.-Э., Клочовский Е., Самсонович Г., Вандич П.* История Центрально-Восточной Европы. М., 2009), составлена из страноведческих очерков, упорядоченных по алфавитному списку стран: от Албании до Чехии. Впрочем, более удачным было бы группирование этих очерков по субрегионам, ибо, как можно узнать и со страниц рецензируемой работы, соответствующим странам были свойственны если не тождественные, то во многом сходные стартовые условия и трудности в ходе трансформации социально-экономических и общественно-политических систем. Имело место и внешнеполитическое взаимодействие в рамках соответствующих субрегионов. Поэтому не совсем логичным выглядит то, что очерк, посвященный, в частности, Молдавии, соседствует с материалом по современной истории Македонии, а не Румынии, что придало композиции учебного пособия некоторую механичность. Думается, что в последующих изданиях ее было бы целесообразно представить по-иному.

Завершает пособие очерк, посвященный лужичанам.

Каждый из очерков предваряет краткая справочная информация о той или иной стране, которая включает общие сведения о территории и границах, демографической ситуации, конституционном строе, государственных символах, административно-территориальном устройстве, государственных праздниках, денежной единице. Не вызывает сомнения целесообразность указания интернет-адреса, штрихкода страны по международной классификации стран-производителей товаров и часового пояса. Это создает для читателя удобство в том смысле, что подобная полезная информация находится под рукой.

Содержание страноведческих очерков раскрывает события современной истории по определенному сценарию их изложения: общественно-политическое положение, экономические реформы, в необходимых случаях (к примеру Сербия, Молдавия) – национальный вопрос, внешняя политика; в большинстве очерков имеется компонент, касающийся развития культуры в широком понимании (образование, наука, искусство). Ключевым является показ процессов трансформации общественных и экономических систем в направлении их движения к политическому и экономическому плюрализму, конструированию гражданского общества и построению правового государства. В достаточной мере читатель получает возможность судить об особенностях протекания этих процессов в разных странах, их динамике, содержательной наполненности соответствующих реформ, трудностях и просчетах в их проведении.

Суждения и умозаключения, касающиеся характеристики трансформационных процессов в странах Центрально-Восточной Европы, в целом отличаются взвешенностью, аргументированностью, стремлением отразить не только общие тенденции, что может быть свойственно политологической науке, но и конкретику событий, что соответствует парадигме современной истории. Однако в отдельных моментах (впрочем, всего лишь в считанных случаях) встречаются небесспорные смысловые конструкции. В частности, ведя речь о стартовых условиях либерально-демократических

преобразований в Венгрии, автор сравнил их с ситуацией эпохи правления св. Иштвана. По его мнению, «фактически надо было создать новое государство, из азиатской окраины выйти на путь формирования современного гражданского общества. На руинах коммунистического режима планировалось построить демократические отношения» (с. 209). Этому найдется целый ряд возражений. Рыночные реформы, проводимые в свое время кадаровским режимом, вне всякого сомнения, подготовили условия для более или менее безболезненного перехода (по крайней мере, по сравнению с большинством постсоциалистических стран – с гораздо меньшими издержками) к современному экономическому укладу. Достижения в сфере обеспечения жизненных потребностей венгерских граждан в 1960–1970-х годах вообще можно признать выдающимися (в частности, в 1967 г. Венгрия первой в мире ввела пособие по уходу за ребенком, которое в течение трех лет после рождения выплачивалось матерям), что по сравнению с вполне понятным социальным самочувствием 35–40% населения, которые в конце 1990-х годов жили, едва сводя концы с концами, на грани или даже ниже прожиточного минимума, волей-неволей ставит вопрос о той цене, которую обществу приходится платить за рыночные преобразования.

В политико-правовой области изменения последнего двадцатилетия в Венгрии также впечатляющи. Однако длительное время сохраняла свое действие Конституция 1949 г., пусть даже с важными изменениями, внесенными в нее в ходе крушения коммунистического режима. Это, накладываясь на укорененный в венгерском менталитете и объективно имеющий место континуитет тысячелетней государственнической традиции, скорее подпитывает, чем отрицает преемственность эпох и режимов. Да и опросы общественного мнения, при всем разбросе оценок личности Яноша Кадара и его политики, показывают, что он входит в тройку самых почитаемых политиков Венгрии. Открытость страны не только улучшала имидж «мягкой диктатуры», но и способствовала установлению весьма значительных контактов с западным миром. Таким образом, приведенная выше спорная

формулировка не вполне контекстна историческим реалиям, хотя во всем учебном пособии она, пожалуй, является единственной, потребовавшей подобной системы контраргументов.

Наиболее объемным в каждом из страноведческих очерков является компонент, представляющий современное общественно-политическое развитие стран Центрально-Восточной Европы во всей его сложности и противоречивости, изложенный на основе прекрасного владения фактами текущей политической истории. Материал буквально подводит читателя к выводам, отраженным в новейших публикациях. А.Н. Медушевский, в частности, убежден в том, что констатация завершенности переходного периода является как минимум преждевременной, а его результаты не очевидными (*Медушевский А.Н. Переход к демократии и становление политических партий в странах Центральной и Восточной Европы // Восточный блок и советско-венгерские отношения. 1945–1989 годы. СПб., 2010. С. 208–209*). Именно такое впечатление выносится при прочтении соответствующих сегментов рецензируемой работы.

Анализ внешней политики стран Центрально-Восточной Европы имеет определенное своеобразие в силу своей «украиноцентричности», что вполне естественно для украинского учебного пособия. Конечно же, необходимое внимание уделяется и более общим параметрам внешнеполитического положения стран региона, которые после крушения социалистического блока избрали в своем большинстве евроинтеграционный и евроатлантический курс. Одновременно в каждом из очерков содержится достаточно полная информация о развитии отношений Украины с той или иной страной, о численности и положении там украинского национального меньшинства. Следует отметить, что М.М. Криль представил не просто перечень двусторонних договоренностей и официальных визитов, но и дал оценку существовавшим на середину 2000-х годов достижениям и проблемам. В частности, в характеристике румынско-украинских отношений нашли отображение камни преткновения между двумя странами (использование черноморского шельфа, статус

острова Змеиный, режим судоходства в дельте Дуная). Превалирует, впрочем, по-каз реализации евроатлантического курса, а в случае с республиками бывшей СФРЮ – также международно-политических аспектов югославского кризиса.

Логичным дополнением, возможно даже – в виде отдельной главы учебного пособия, было бы рассмотрение попыток региональной интеграции, которые осуществлялись в 90-х годах прошлого века. Они охватывали и страны Центральной Европы и государства Балтии. В числе геополитических проектов в середине 1990-х годов была, скажем, идея создания оси балто-черноморского сотрудничества, составным

звеном которого предполагалась и Украина. Представляется, что подобная глава добавила бы необходимые штрихи к внешнеполитическому облику новых демократий, который приобрел бы целиком законченный вид.

Подытоживая, сделаем вывод о том, что читатель получил содержательное, обобщающее страноведческое пособие, могущее стать необходимым подспорьем в процессе профессиональной подготовки специалистов гуманитарного профиля, а также достаточно качественным источником информации для всех тех, кто интересуется прошлым и современным состоянием своих соседей в Центрально-Восточной Европе.

© 2013 г. С.А. Ганус

Славяноведение, № 3

В.Н. ФЕДОТОВА. Болгарская музыка XX века в контексте национальной художественной культуры. Очерки. М., 2012. 320 с.

Подзаголовок «Очерки», который носит новая книга В.Н. Федотовой, как бы намекает на некоторую неполноту изложения. Представляется, что это именно тот случай, когда в кажущейся неполноте заложен механизм представления полной картины процесса или проблемы через рассмотрение ключевых точек. В самом деле, книга воспринимается как введение во вселенную болгарской музыкальной культуры, а более ста нотных примеров служат прекрасными иллюстрациями.

Самый первый очерк книги – «Наследие» включает в себя краткий обзор основных особенностей мелодики болгарского фольклора, который, как кажется, в определенной мере изоструктурен другим областям культуры. «В болгарском фольклоре используется эолийский лад, гармонический мажор, древние лады [...] эолийский и дорийский

лады с включением пентатоники, а также лад с увеличенной секундой [...] характерный для турецкой музыки. Многообразна и метро-ритмика болгарской музыки [...] Подобные виды метрики свидетельствуют о связях с фольклорным наследием фракийцев, фригийцев, дорян, семидольный размер идет от индийской культуры и подтверждает контакты народов, населявших в древности Болгарию и Азию» (с. 15–16). В инструментарий болгарской народной музыки входят «музыкальные инструменты, известные еще с фракийских и античных времен [...] В настоящее время в народном музицировании используются и европейские инструменты». Как и другие знаковые системы, болгарская музыка имеет свои региональные особенности – «музыкально-фольклорные диалекты» (с. 16). Описание этих музыкально-фольклорных диалектов

достаточно подробное и рассматривает музыку в ее прагматике (участники – исполнители и слушатели, инструменты, место в структуре ритуала и т.д.). Приводится и материал по истории болгарской духовной музыки.

Второй очерк описывает зарождение болгарской академической музыки после освобождения страны от турок и ее развитие до 1920-х годов. Автор останавливается на роли русских хормейстеров и военных оркестров в этом процессе, а также на том значительном месте, которое занимают в истории болгарской музыки чешские композиторы и исполнители. История болгарской музыки рассматривается в контексте болгарской истории и истории болгарской культуры: театра, архитектуры, изобразительного искусства, литературы. Например, такое важное для европейской культуры начала XX в. явление, как символизм, рассматривается, помимо музыки, и в литературе (П. Славейков, П. Яворов, Н. Райнов), и в живописи (А. Михов, Н. Петров, Г. Дачов). В то же время, для периода от освобождения до 1900-х годов важным с точки зрения поиска места Болгарии в пространстве и времени мировой культуры был и романтизм с его идеями о «народности» искусства как ценности (И. Вазов, И. Иванов, Д. Хаджигеоргиев, Э. Манолов, Г. Атанасов и др.). Этот период определяется как время включения болгарского искусства «в активный процесс, способствовавший ускоренному развитию, характерному для молодых культур XX столетия» (с. 44).

Третий очерк посвящен болгарской инструментальной музыке 1920–1940-х годов и национальному искусству. В эти годы болгарское искусство все активнее входит в европейскую художественную среду. Продолжается интерес к идеям символизма (так называемая вторая волна национального символизма, ярко проявившаяся в творчестве авторов журналов «Мысль» и «Гиперион»). В.Н. Федотова отмечает, что болгарскому искусству этого времени «свойственно более гармоничное и светлое мироощущение, чем П. Яворову, П. Славейкову, Д. Бояджиеву (деятелям, скорее связанным с предыдущим периодом. – М.М.), заостренно трагически воспринимавшим окружающую действительность» (с. 47). В

то же время обозначаются и экспрессионистские тенденции, связанные с творчеством Гео Милева, который своей разносторонностью (поэт, режиссер, художник, теоретик искусства) как бы продолжает линию «универсального таланта», восходящую к европейскому Ренессансу. Впрочем, для Болгарии такое разнообразие интересов не является чем-то исключительным, ср. таких исключительно многосторонних людей искусства, как П. Славейков, Н. Райнов и С. Скитник. Этот период дал исключительное количество талантливых художников, композиторов и авторов, которые даже в такой монографии, как книга В.Н. Федотовой, могут быть названы лишь по именам, поэтому мы укажем только художника, который, как кажется, наиболее полно вобрал в себя дух эпохи – В. Димитров-Майстора. Определяющими фигурами для болгарской музыки этого периода являются П. Владигеров, Д. Ненов, Л. Пипков.

П. Владигеров, согласно В.Н. Федотовой, – первый болгарский композитор, получивший широкое международное признание (например, в 1920–1932 гг. он был художественным руководителем Немецкого театра – Deutsches Theater). Исключительно подробно анализируются его произведения. Интересен опыт сопоставления музыкального творчества П. Владигерова с живописной серией полотен Г. Машева 1920-х годов, а также с творчеством Н. Райнова и Г. Дачова. В индивидуальном стиле П. Владигерова В.Н. Федотова выделяет следующие важные черты: особая коммуникативность его произведений, обращенных к слушателю, звуковая сочность и щедрая концертная виртуозность. Особенная образность (ощущение нестабильности и предчувствие грядущих катастроф), отражающая современность, привлекала внимание исполнителей и музыкальной аудитории своим созвучием духу эпохи.

Д. Ненов, «поэт-мечтатель, обращенный к другой реальности, к иным мирам» (с. 78), сравнивается автором с П. Яворовым, который, «по мнению современников, “не знал, где кончается жизнь и где начинается искусство”». Примечательно, что уже в первом своем крупном сочинении, «Сонате для скрипки и фортепиано» (1921), Д. Ненов раскрывает образы и идеи, опре-

деляющие его творчество в последующие десятилетия: широта мелодической фразы, разнообразная динамика, особые «подходы к крупной форме с экспрессивными, подчеркнута гиперболизированными образами» (с. 81). В его произведениях угадывается сходство с музыкой Скрябина (особый эмоциональный экстазизм, концентрация лирики, приближение к свободной поэчности и размывание границ между разделами). Как он сам заявляет в цитируемом в монографии автобиографическом письме, его творческое кредо – изящество звучности, обостренная чувствительность, отсутствие банальностей и заимствования, погруженность в творчество и отказ от жизни (с. 86). Его музыка открыла дорогу новому взгляду на ладово-гармоническое строение, полифункциональность, политональность (с. 87). Подробно анализируются его «Симфония» (1921), «Четыре эскиза для оркестра» (1924), фортепианная «Киносюита» (1924–1925).

Третий из «титанов» болгарской академической музыки, творчество которых рассматривается в монографии, – Л. Пипков, входящий в плеяду «универсальных талантов». Этот музыкальный критик, эссеист, переводчик, поэт является ярким представителем франкофилов в болгарской культуре. Он учился в Париже у П. Дюка, переводил на французский язык стихотворения болгарских поэтов. Примечательно, что время его обучения в Париже совпадает с зарождением у французской музыкальной аудитории интереса к «экзотическим» музыкальным культурам, прежде всего культурам Востока. «Л. Пипков и был представителем такой неведомой для европейцев культуры», отмечает В.Н. Федотова (с. 92). Его принадлежность к болгарской культуре, неизвестной Западной Европе в течение нескольких столетий, не только формальная; композитор имел прекрасное представление о музыкальном фольклоре Болгарии. «Пипков ощутил, что его “собственное лицо” в музыке может быть только болгарским [...] В Париже были созданы, возможно, самые болгарские сочинения композитора». Впрочем, «Первая симфония» (1937–1940), посвященная гражданской войне в Испании, значительно отличается по духу и тональности; на интересе Пипкова к этой

теме сказались левые убеждения его юности. В.Н. Федотова так подытоживает этот период в болгарской музыкальной истории: «В 1910–1940-е годы был создан мощный корпус инструментальной музыки, ставшей, во многом, основой национальной композиторской школы» (с. 103).

Четвертый очерк посвящен болгарскому музыкальному театру (1930–1940). Его история восходит к разнообразным театральным и оперным группам, которые начали возникать в стране после освобождения, но именно в этот период возникают произведения, «которые по-новому раскрыли возможности национального музыкального театра и стали важными вехами в развитии болгарской музыкальной культуры» (с. 104): оперы «Царь Калоян» (1936) П. Владигерова, «Девять братьев Яны» (1937) Л. Пипкова, «Саламбо» (1940) В. Стоянова, структура которых подробно рассматривается в монографии. Если «Царь Калоян» обращается к болгарской истории, пытается перекинуть мостик от Третьего болгарского царства ко Второму, а автор «Девяти братьев Яны» черпает вдохновение из болгарского фольклора, то В. Стоянов стремится выйти за границы узко национальных тем, используя сюжет одноименного романа Г. Флобера.

К рассматриваемому в этом очерке периоду относится и становление болгарского балета, связываемое с произведением М. Големинова «Нестинарка». Как и для многих других анализируемых в книге произведений, для этого балета важным оказывается культурный контекст. Сюжет был вдохновлен одноименным рассказом К. Петканова, а в основу партитуры нестинарских сцен легла мелодия нестинарского хоро из сборника В. Стоина, которую К. Петканов прислал в Мюнхен М. Големинову. Более того, чтобы добиться художественной достоверности, М. Големинов предпринимает путешествие в с. Вургари в Страндже, где в то время еще сохранялся аутентичный нестинарский обряд.

Пятый очерк посвящен камерному симфонизму в болгарской музыке конца 1940–1970-х годов и творческим поискам национальных композиторов последних десятилетий XX в. В этот период продолжают работать Л. Пипков и М. Големинов, но приходит и новое поколение композиторов

торов (Л. Николов, К. Илиев, А. Райчев, С. Пиронков). По словам В.Н. Федотовой, камерный симфонизм открыл болгарской музыке новые подходы к созданию музыкального языка, раздвинул ее интеллектуальные границы, обогатил ее особой философичностью. В то же время, в условиях болгарского общества, копирующего авторитарные установки Советского Союза, академическая музыка, как и другие области культуры, подвергалась серьезным испытаниям. Камерный симфонизм не вписывался в магистральное направление официального искусства («генеральная линия»), поскольку его образные ракурсы – «углубленный психологизм, раскрывающий эмоциональный микрокосм личности, обостренная экспрессия, напряженные интеллектуальные поиски, драматическая патетика, хрупкая лирика» противоречили «культу коллективного начала “под единым руководством”» (с. 162). В это же время возникают произведения, воспевающие народность, героический пафос, созидательный труд масс («значительные и часто достойные сочинения» – «Героическая» и «Майская» симфонии, увертюра «9 сентября» П. Владигерова, симфонии П. Стайнова, симфонические поэмы «Кровавая песня» и «Праздничная увертюра» В. Стоянова (с. 163). В монографии приводится ряд свидетельств о попытках жесткого диктата в культурной политике страны со стороны партии и правительства и о том, как деятели искусства пытались сохранять независимость. И все же необходимость перемен с течением времени стала ясна многим композиторам. В конце 1950-х – начале 1960-х годов появляются такие произведения, как «Оратория нашего времени» (1961), опера «Антигона 1943» (1963) Л. Пипкова, «IV симфония» (1958) А. Райчева, «Концерт для квартета и струнного оркестра» (1963) М. Големинова, опера П. Хаджиева «Июльская ночь» (1964), в которых используются новые композиционные приемы и находит яркое воплощение независимая образная сфера, не привязанная к официальной идеологии. Это совпадает по времени с поворотом к личности в театре, кино, живописи и литературе. На 1960-е годы приходится начало так называемого Первого апрельского поколения поэтов, интерес к

лирическому автопортрету у художников (М. Абазов, С. Венев, В. Стоилов, З. Бояджиев, И. Петров), проза П. Вежинова с ее камерностью и исповедальностью, расцвет индивидуализированного взгляда на жизнь в кинематографе. Особо рассматривается творчество таких характерных представителей этого времени, как Л. Николов и С. Пиронков, а также последние симфонии Л. Пипкова.

Показательно меняющееся отношение композиторов к болгарскому фольклору: из источника вдохновения, позволяющего прикоснуться к национальным корням, он превращается в официальный символ «народности» искусства и потому отторгается.

В конце 1980-х годов в условиях изменяющихся общественно-политических реалий болгарская академическая музыка остается верной себе. Возникает несколько обществ, среди которых «Musica Nova», возглавляемое Г. Тутевым, позже С. Пиронковым. Оно проводит обширную концертную деятельность, а его «визитной карточкой» стал ежегодный фестиваль «Musica Nova. Sofia», который открыл публике много новых имен.

Несмотря на все общественно-политические изменения в 1940-е годы и позднее на рубеже 1990-х годов, болгарская музыка на протяжении всего двадцатого века развивалась последовательно. Диктат чиновников от искусства в эпоху социализма не оказал на нее существенного влияния; по активности государства в сфере идеологии можно выделить отдельные периоды, но на самом деле они плавно переходят один в другой: продолжают творить композиторы, начавшие свой творческий путь в рамках предыдущего периода, переход к новым темам происходит не столько из конъюнктурных соображений, сколько в поисках нового выразительного языка. Может быть, такое восприятие читателем монографии В.Н. Федотовой развития болгарской музыки в XX в. в конечном счете основано и на заявленной в подзаголовке «неполноте», когда на первый план выходит главное, то, что в конечном счете и будет определять образ эпохи в глазах потомков, а все сиюминутное и второстепенное уходит в тень.

Д. ПОДМАКОВА. Освальд Заградник и его предшественники: Долгая история спектакля «Соло для часов с боем». М., 2008. 96 с., илл.

Любой спектакль, проходной или самый успешный и даже легендарный, культовый для своего поколения, неизбежно остается в истории лишь «отблесками костра»: в фотографиях (иногда и в видеозаписи), воспоминаниях современников, критических отзывах, разборах театроведов... Таков закон жанра, которому нельзя ничего противопоставить, можно лишь постараться точнее задокументировать все связанное с этим спектаклем, будто бы воссоздавая фрагмент ткани времени (а возможно, и больше – духа времени, того самого *Zeitgeist*) для будущих поколений.

«Соло для часов с боем» Освальда Заградника, каким его увидели московские зрители в 1973 г. на премьере в Художественном театре, каким его играли еще несколько сезонов и каким записали на пленку, – спектакль именно легендарный. О нем было много написано «по горячим следам», много писалось и в дальнейшем. Но постоянно не хватало одного – «встроить» историю его появления в контекст истории театра, и российского, и словацкого, в контекст истории театральных отношений России и Словакии.

Именно эту задачу взялась решить словацкая исследовательница Дагмар Подмакова. Задача не только благородная, но и более чем актуальная, ведь в сознании многих, даже весьма просвещенных и «насмотренных» российских зрителей вся словацкая драматургия представлена единственным именем (конечно, Заградника), а его творчество – единственным произведением (конечно, «Соло для часов с боем»).

Разумеется, нет дыма без огня: первая же пьеса действительно стала вершиной творчества драматурга, а московский спектакль 1973 г. – лучшим на тот момент ее сценическим воплощением. Как пишет сама Д. Подмакова, в словацких театрах, уже поставивших «Соло», «не была полностью вскрыта вся многослойность мыслей, заложенных в философии пьесы и в поведении героев. Это было сделано годом позже, в московской постановке» (с. 38).

Именно суммой этих фактов определяется в высшей мере оригинальная структура рецензируемого текста: закономерно ориентируясь на российскую публику, Д. Подмакова начинает повествование именно с рассказа о легендарном спектакле, но затем увлекает читателя в начало XX в., к периоду возникновения первых контактов русского и словацкого театров, обозревает их историю до 1970-х годов, а далее вновь возвращается к Заграднику, ставшему к тому времени, пожалуй, центральной фигурой этих контактов. Таким образом, содержание книги оказывается богаче заявленного в названии: автор не ограничился «предысторией и историей» знаменитой мхатовской постановки. Детально воссоздав сценическую судьбу «Соло для часов с боем» и следующей известной пьесы Заградника, «Мелодии для павлина» (поставленной Ленинградским театром драмы имени Пушкина и Московским театром имени Станиславского соответственно в 1978 и 1979 гг.), Д. Подмакова приводит в книге подробный «Обзор драматургии Освальда Заградника», а затем детально разбирает постановку последней, написанной в 1996 г. пьесы драматурга «Убежище» в Московском театре имени Гоголя (2000 г., под названием «Долетим до Милана»).

Небольшая по объему книга, как видно, посвящена то ли Заграднику-драматургу, то ли московской постановке «Соло», то ли вообще истории российско-словацких театральных контактов. На самом же деле – всему вышеперечисленному, причем каждая из трех лейттем в разных главах то становится доминирующей, то отходит на второй план. Книга Подмаковой – не энциклопедия словацко-российских театральных связей в строгом смысле: она заняла бы куда больший объем, да автор и не задается целью построить таковой компендиум. В то же время, рассказывая о пьесах главного героя книги, Освальда Заградника, и об истории их постановок русскими театрами, порой достаточно прихотливой, исследователь не обходится без освещения предыстории

знакомства российской публики с драматургом. О программности такого решения говорит вынесение его в заголовок книги – поэтому и выглядит таким закономерным призыв «хотя бы коротко» остановиться «на наиболее важных “встречах” представителей театральной сцены» России и Словакии (с. 10).

С другой стороны, жанр «короткой оstantовки», избранный автором для рассказа о русско-словацких театральных связях, – как будто не самый очевидный для такого объекта исследования. Однако видно, Д. Подмаковой исключительно удобно в его рамках: вся обширная история представлена в нескольких лаконичных по форме и точных по содержанию историко-критических эссе, посвященных наиболее значимым, «пассионарным» моментам взаимоотношений российского и словацкого театра.

Прежде всего это 1920-е годы, время зарождения в Словакии профессионального театра (1 марта 1920 г. – дата открытия Словацкого национального театра в Братиславе) – к этому периоду относятся гастроли в Братиславе «качаловской группы» МХАТа (октябрь 1921 г.) со спектаклями «Три сестры», «На дне» и «На всякого мудреца довольно простоты». Особое внимание Подмакова уделяет тому, какое влияние оказали эти гастроли на первых словацких профессиональных актеров и режиссеров, в том числе ведущего из них – Яна Бородача (с. 12–15), не забывая, однако, упомянуть, что поэтика Художественного театра не была единственным образцом для подражания. В книге приводятся также сведения о встречах словаков с Мейерхольдом и Таировым (источником тут послужили в том числе статьи и заметки другого актера и режиссера того времени, Яна Ямницкого), об их пребывании в Москве и Ленинграде на театральных фестивалях уже в следующем десятилетии (в 1934 и 1936 гг.).

Еще более ярким периодом контактов словацкого и русского театров стало начало 1960-х годов, к которому относится значительное явление – первые московские гастроли Словацкого Национального театра. Это время, ставшее «золотым» и для советского, и для чехословацкого театра (и вообще культуры обеих стран), обогатило историю их взаимоотношений многими творческими и личными контактами, начавшимися как раз после гастролей словацкой труппы в Москве: так, в 1967 г. ведущий словацкий режиссер Йозеф Будский был приглашен в Московский театр им. Маяков-

ского на постановку пьесы Петера Карваша «Антигона и другие»; упоминает Подмакова и о близком знакомстве Будского и Олега Ефремова, завязавшемся как раз в те годы.

Противоречиями и парадоксальностью наполнен следующий этап контактов русского и словацкого театров – что, конечно, связано с общей парадоксальностью общественной и политической ситуации в Чехословакии рубежа 1960–1970-х годов, времени краха Пражской весны и начала «заморозков», получивших название «периода нормализации», когда словацкий театр – вопреки ожиданиям – не повернулся спиной к пьесам русских драматургов, но наоборот – активно прибегал к ним в поисках уже новых смыслов. Именно в тот период был закрыт один из популярнейших братиславских театров – Театр на Корзо. Его коллектив часто обращался к русской классике: за недолгое время существования театра (1968–1971 гг.) были выпущены «Женитьба» Гоголя, «Лес» Островского, «Юбилей» и «Свадьба» Чехова, а также «Мой бедный Марат» Арбузова. По неофициальной версии, которую приводит Подмакова, причиной закрытия театра стал «протест советской дипломатической миссии. При чем протест по поводу постановок пьес русских драматургов» (с. 31).

Именно в такой безрадостной ситуации (вызванной, разумеется, не только закрытием Театра на Корзо, но и рядом других репрессивных мер) на словацкой театральной сцене и дебютировал Освальд Заградник (впрочем, уже успевший запомниться на самом рубеже 1960–1970-х годов своими радиопьесами), драматург с «особой, радостной жизненной философией», стремящийся «проникнуть в глубины внутреннего мира современника, не стесняясь при этом проявить свое сочувствие к безразличному и слабому человеку» (с. 35).

Первой написанной для театра пьесой Заградника стало именно «Соло для часов с боем». Ей и посвящены центральные главы рецензируемой книги – «Гармония душ двух магов – Освальда Заградника и Анатолия Васильева», «“Лебединая песня” художественников второго поколения: “Соло” на сцене МХАТа и отклики на эту постановку», «“Странствования” пьесы “Соло для часов с боем” по сценкам европейских театров».

Подробно обозревая историю постановки пьесы на сцене Художественного театра – от первой читки пьесы «узким кругом» (с участием автора, директора театра и ре-

жиссеров – А. Васильева и О. Ефремова) до последующей телевизионной записи спектакля, Д. Подмакова вновь рассматривает «Соло», которое «нежданно-негаданно стало “гвоздем сезона”» (с. 43) в контексте репертуарной политики и вообще творческих устремлений О. Ефремова, недавно назначенного главным режиссером МХАТа. Это особо ценно, поскольку подводит читателя к мысли о том, что удачный спектакль, служа цели занять знаменитых актеров-«стариков», вновь ощутивших, «что их физическая и творческая жизнь становится интереснее» (с. 43), был не репертуарной неожиданностью, но частью ефремовской программы обновления театра, жизнь которого, как хлестко заметила М. Строева, «давно катилась по наклонной плоскости» [1. С. 184].

Основные замыслы московской постановки высвечиваются автором в сопоставлении с уже существовавшими к тому моменту словацкими спектаклями (пьесу поставили Словацкий Национальный театр и театр имени Заборского в Прешове). Так, если в словацких постановках декорации были строго бытовые, то оформление московского спектакля (художник Игорь Попов) было выдержано скорее в символическом ключе; конфликт между молодым поколением и стариками – казалось бы, основной движущий механизм пьесы, в Москве намеренно сглаживался, сходил на нет, так, что «происходила мистическая перемена к лучшему» (с. 45). Д. Подмакова дает понять, что притчевый характер пьесы был вскрыт именно благодаря деликатности режиссерской и актерских работ: исполнители не педалировали конфликт между двумя поколениями (пани Конти, Абель, Райнер, Хмелик в исполнении О. Андровской, М. Яншина, А. Грибова и М. Прудкина – с одной стороны, Павел и Даша, сыгранные В. Абдуловым и И. Мирошниченко, – с другой), не рисовали черно-белую картину и приглушали любые проявления внешней экспрессии, тем самым еще более подчеркивая внутреннее напряжение. Именно это способствовало тому, что пьеса Заградника обрела непреходящее значение, а ее автор укренился в имидже «словацкого Чехова».

Безусловно, привлекают в книге и мемуарные пассажи – обучаясь в то время театроведению, Д. Подмакова сама была зрителем знаменитой мхатовской постановки: «[...] перед нами предстала ренессансная картина. Мы увидели сидящего часовщика Райнера, он не бегал вокруг часов, подобно тому, как это делали словацкие исполните-

ли этой роли. А когда он заговорил, то это напомнило нам музыку моря, бьющегося о скалы. Начался концерт, в котором, помимо голосов, играли инструменты-предметы» (с. 44).

Как видно, текст книги не лишен привлекательной эмоциональности изложения. Тесно переплетенные в авторском тексте строго научный, критический и эссеистический типы дискурса почти всегда находятся в балансе. Исключением здесь является, пожалуй, информативный, но написанный в иной манере, чем большинство глав книги, «Обзор драматургии Освальда Заградника», где выделяются и характеризуются три основных тематических русла, в которых развивалось творчество драматурга: 1) тема борьбы за гуманизм, за жизненные ценности – при этом гуманистическая идея, что важно, выражается «не риторически, а с помощью драматургического и поэтического образа» (с. 66), к этой категории относится, например, «Соло для часов с боем»; 2) тема войны («Перешагни через свою тень», «Возвращения» и др.); 3) тема негативных явлений в жизни общества 1980-х годов – «Прелюдия в миноре», «Постскрипtum» и т. д. Далее в обзоре рассматриваются основные признаки творческого почерка драматурга (типы конфликтных ситуаций, героев, язык и стиль пьес). Как представляется, данная глава обладает самостоятельной ценностью и вполне может быть использована, например, в учебных целях – что продемонстрировала и сама Д. Подмакова, в схожем ключе и в подобных формулировках написав раздел о драматургии в учебнике «Словацкая литература. XX век» [2].

В завершении обзора Д. Подмакова делает общий вывод о пьесах Заградника – их «можно отнести к классическим современным драмам, которые отличает своеобразная – сегодня уже типично “заградниковская лирическая поэтика”: это особое видение людей на фоне рационального восприятия мира» (с. 72). Любопытно, что эта поэтика «прорывается» даже в пьесах, будто бы декларативных и тенденциозных по самой своей сути (как «Постскрипtum» или «Высокопоставленный пациент травматологии»), где автор счастливо уходит от дидактизма и назидательности – по меткому наблюдению Д. Подмаковой, он будто бы осуществляет бегство «от актуальной общественной тематики, о которой на сцене он так громко заявляет, но которая составляет лишь незначительную часть огромного множества более сложных проблем»

(с. 70). Принципиально важным здесь представляется то, что подобное движение, дрейф в сторону внутреннечеловеческого, камерного, интимного, во многом явились особенностью не только манеры Заградника, но и шире – всей культуры 1970-х годов, как словацкой (чехословацкой), так и советской. Даже пресловутая «общественная» проблематика представала тогда в ином виде, чем ранее.

Помимо непосредственной, чисто описательной, «хроникальной» задачи, Д. Подмакова, таким образом, выполнила еще одну, «сверхзадачу», показав место Заградника в тематической и настроенческой парадигме культуры нового десятилетия, закономерность возникновения этого имени в искусстве, неразрывность его с экзистенциализацией культуры, ее ухода в сторону индивидуального, личного, интимного.

На этом фоне теряют остроту критические замечания, которые могут быть предъявлены к монографии, тем более почти все они носят скорее технический характер. Так, к сожалению, встречаются опечатки и неудачные формулировки. Последнее, на наш взгляд, относится скорее к огрехам перевода, выполненного И. Сечиковой; редактор перевода – А. Машкова.

Исключительно благоприятное впечатление оставляет научный аппарат (с. 80–93), сделанный на высшем уровне и включаю-

щий краткую хронику жизни и творчества О. Заградника, списки постановок его пьес в Чехословакии (Чехии и Словакии) и за рубежом, а также радиопостановок и телеспектаклей. Тем обиднее отсутствие указателя имен, который, как представляется, просто необходим в монографиях, подобных рецензируемой, – на ее страницах так или иначе упоминается целый спектр личностей первой величины, как русских, так и словацких (от Качалова до Ефремова и от Яна Ямницкого до Милоша Пиштора).

В завершение отметим еще одну приятную «техническую» деталь – книга хороша не только содержательно, но и полиграфически – изящно оформлена, аккуратно сверстана, сопровождается многочисленными иллюстрациями. Читатель, обратясь к книге Д. Подмаковой, счастливо избежит как противоречия между богатым содержанием и внешней невыразительностью, так и обратного.

© 2013 г. Д.К. Поляков

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Строева М.Н.* Советский театр и традиции русской режиссуры: Современные режиссерские искания. 1955–1970. М., 1986.
2. *Подмакова Д.* Драма // Словацкая литература. XX век. Уч. пособие. М., 2003. Ч. II.

«Круглый стол» «Российская и болгарская государственность: проблемы взаимодействия. XIX–XXI вв.»

В 2012 г. стартовал российско-болгарский научный проект «Российская и болгарская государственность: проблемы взаимодействия. XIX–XXI вв.» (грант Программы фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН «Нации и государство в мировой истории», руководитель – чл.-корр. РАН В.П. Козлов). Проект рассчитан на три года и должен завершиться изданием сборника статей российских и болгарских историков. Выбранная тема исследования важна и актуальна, поскольку нового прочтения и объективного научного осмысления требуют такие проблемы, как взаимодействие государственных и политических структур Болгарии и российской дипломатии в указанный период; факторы войны и мира в Балканском регионе; состояние и попытки решения «македонского вопроса»; влияние общественных настроений в обеих странах на принятие политических решений; научные и культурные связи Болгарии и России в контексте установления взаимопонимания между народами обеих стран.

В течение 2012 г. внимание участников проекта было сосредоточено на выявлении, анализе, научной интерпретации нового корпуса документов из архивов России и Болгарии. Первые результаты своей поисковой и аналитической работы в архивах и библиотеках Болгарии и России были представлены участниками российской стороны на «круглом столе» «Российская и болгарская государственность: проблемы взаимодействия. XIX–XXI вв.», который состоялся 27 ноября 2012 г. в стенах Института славяноведения РАН.

«Круглый стол» открылся докладом *И.Ф. Макаровой* «Северные провинции Балкан по материалам русской разведки (первая половина XIX в.)». Доклад базируется на вновь выявленных документах Военно-исторического архива РФ и посвящен анализу и сопоставлению материалов военной разведки первой половины XIX в., связанных с положением и статусом членов российской диаспоры в северных провинциях Балканского полуострова, в первую очередь некрасовцев и запорожцев. Макарова отметила низкий уровень информированности русского военного командования в данной сфере применительно к первой четверти XIX в. Качественные изменения, по мнению докладчика, связываются с деятельностью И.П. Липранди, сумевшего в ходе своей командировки на правобережье Дуная (1827) впервые собрать разностороннюю информацию по данному вопросу и представить ее тщательный и объективный анализ.

С докладом «Западная Македония в донесениях русских дипломатов (1861–1877)» выступила *М.М. Фролова*. История Македонии, так или иначе перетекающая в так называемый македонский вопрос, долгое время была нежелательной темой для исследований в Советском Союзе. Снятие ограничений в 1990-х годах привело к повышению внимания ученых к этой малоизученной теме. Впрочем, исследовательский интерес историков сфокусирован на периоде после 1878 г., когда Македония осталась в составе Османской империи и ее территория превратилась в арену ожесточенной борьбы за умы христианского населения, которую развернули молодые балканские государства – Греция, Сербия, Болгария, Румыния. Македонская интеллигенция также заявила о своей национальной идентичности. Но истоки так ярко проявившихся противоречий и столкновений следу-

ет искать в предыдущем развитии этого края, период истории которого после Крымской войны и до 1876 г. редко попадает в исследовательское поле современных ученых как в России, так и за рубежом.

Комплексное изучение документов российского консульства в Битоля, открытого в 1861 г., прежде всего донесений русских дипломатов, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи, а также донесений австрийского вице-консульства за этот период, опубликованных Болгарской академией наук, позволяет более объемно и адекватно воссоздать историческую картину развития данного региона. Среди исследовательских проблем Фролова акцентировала свое внимание на вопросах самоидентификации славянского населения и влияния деятельности русских дипломатов на его судьбу.

Р.П. Гришина представила доклад «Дискуссия о Сан-Стефанском мирном договоре 1878 г. в историографии». Долгое время Сан-Стефанский договор в отечественной и болгарской историографии, вслед за политической пропагандой, оценивался односторонне, лишь как акт прогрессивного значения, принесший Болгарии освобождение из-под гнета Османской империи. В Болгарии условия договора успешно мифологизировались, став более чем на столетие символом национального идеала, и до сих пор сохраняются в массовом сознании болгар как «незабвенная историческая мечта». Сан-Стефанскому миру противопоставляются решения Берлинского конгресса 1878 г., отменившие большую часть болгарских привилегий Сан-Стефано, хотя именно этот конгресс признал на международном уровне самостоятельное существование нового болгарского государства. Лишь в последние десятилетия намечаются некоторые подвижки в распределении черной и белой красок, рисующих события 1878 г. (По словам болгарского исследователя Петко Петкова, Берлинский конгресс «все еще трудно воспринимается как преимущественно положительный фактор».)

В российской дореволюционной и современной историографии критики внешней политики России писали о Сан-Стефано как о промахе царской дипломатии, выступившей с крайних, неумеренных позиций, не сумевшей или не захотевшей учесть соотношение сил в Европе и поставившей Россию в трудное положение на международной арене. Многие важные проблемы, связанные с Сан-Стефано, еще ждут своего решения. В частности, практически не исследован вопрос, зачем России была нужна «Большая Болгария», так раздорившая ее балканских соседей; остался без внимания, проигнорирован и вопрос о последствиях Сан-Стефанского проекта, а в нем оказались заложены зерна будущего политического и военного союза Сербии, Греции и Румынии против Болгарии (Вторая Балканская война) и ее плотной изоляции на Балканах, кольца которой она так и не смогла прорвать до 1944 г.

В.И. Косик в докладе «Царь Борис и его правление» проанализировал значительный пласт литературы, связанной с именем царя Бориса. Он особо отметил трудности, которые встают перед исследователем в России в связи с почти иссякшим с 90-х годов XX в. притоком новых книжных поступлений из Болгарии. Преодолевать подобные препятствия приходится благодаря научным командировкам в страну для работы в ее библиотеках или благодаря помощи болгарских коллег, которые откликаются на просьбы в частном порядке. Косик подчеркнул, что несмотря на обширность историографии о царе Борисе такая важная тема, как роль царя Бориса в сфере помощи русской эмиграции еще не поднималась и что он надеется ее разработать.

В докладе «Болгарские фонды бывшего Особого архива (РГВА)» *Е.Л. Валева* рассказала о работе в бывшем Особом архиве, входящем ныне в Российский государственный военный архив. Комплекс трофейных документов этого архива, закрытого для исследователей вплоть до начала 1990-х годов, включает в себя фонды иностранного происхождения, в том числе пять чисто болгарских фондов: Совета министров Болгарии (1939–1944), Военного министерства (1939–1944), Дирекции болгарской политической полиции (1925–1944), Германского посольства в Софии (1932–1944), Германского научного института в Софии (1939–1944).

В Болгарии с середины 2000 г. ведется публичная кампания за возвращение этих архивных материалов. Данный вопрос поднимался на самом высоком уровне, а затем обсуждался на экспертном уровне между Главным управлением архивов при Совете Министров Болгарии и Федеральным архивным агентством. В соответствии с принятым Россией в 1995 г. законом о защите культурных ценностей болгарские фонды объявлены трофейными, поэтому Болгария как страна, входившая в гитлеровский пакт, не имеет права получить

эти архивы в оригинале. В то же время в 2008 и 2011 гг. болгарские эксперты получили возможность скопировать порядка 26 тыс. листов документов.

Ожидания болгарского общества относительно «тайн», которые скрывает Особый архив, были велики. Историки и особенно журналисты ломали головы, какие именно документы о каких ключевых событиях истории Болгарии он содержит, какие сюжеты будут переписаны заново, если документы из этого архива будут раскритикованы. Гадали, нет ли там документов, которые приподняли бы завесу над тайной смерти царя Бориса, или материалов допросов регентов, вывезенных в Москву после 9 сентября 1944 г. В действительности, как подчеркнула Валева, сенсационных материалов такого рода архив не содержит. Наибольший интерес представляет собой фонд болгарской Дирекции полиции и отдела госбезопасности, где содержится информация об официальной и неофициальной деятельности советского посольства в Софии, консульства в Варне, торгпредства, ТАСС, отчеты политической полиции о наблюдении за лицами, посещавшими посольство, среди которых встречаются имена известных болгарских политиков и общественных деятелей. Фонд «Совет министров Болгарии» содержит протоколы заседаний по вопросам поставок вооружения германским фирмам Болгарии, о военном бюджете страны, о содержании там германских войск, о разрыве дипломатических отношений с Германией, о вступлении в Болгарию Красной Армии. Таким образом, материалов, которые заставили бы переписать уже известные страницы болгарской истории или раскрыть какие-то «тайны», бывший Особый архив не содержит (по крайней мере те фонды, к которым имеют сегодня доступ исследователи). Однако, по мнению Валевой, могут найтись интересные кусочки, дополняющие пазл «Болгария в 1941–1944 гг.».

Т.В. Волокитина в докладе «Государственная политика в отношении турецкого национального меньшинства в Болгарии (40–60-е годы XX в.)» рассмотрела основные направления государственной политики в отношении турецкого национального меньшинства в Болгарии в середине – второй половине XX в. Она сосредоточилась на выявлении ее характерных черт, преемственности и оригинальности, направлениях и существенных чертах эволюции, особое внимание уделив роли внешнего, главным образом турецкого, фактора. Основная трудность для болгарского руководства заключалась в необходимости найти эффективный баланс между реальной защитой прав национального меньшинства и национальными интересами и безопасностью государства. В докладе было подчеркнуто, что болгарские власти на протяжении длительного времени рассматривали пантюркизм как опасное средство усиления турецкого национализма, а мусульманское, в первую очередь турецкое, население как «пятую колонну» в стране. Проводимая еще в межвоенный период политика противодействия утверждению национальной идентичности «болгарских турок» при поддержке их религиозной идентичности получила продолжение и в социалистической Болгарии.

Анализ конкретно-исторического материала, по мнению Волокитиной, указывает на сложную противоречивость национальной политики в рассматриваемое время: в арсенале болгарских властей оказались и депортации турецкого населения из южных пограничных районов страны (1948–1949 гг.), и «приобщение и постепенное слияние» турецкого населения с болгарским, и переселенческие «волны» 1950–1951 и конца 1960-х годов, когда болгарские турки массово выезжали в Турцию, и, наконец, ассимиляция мусульман. Подробно остановившись на проблеме ассимиляции, Волокитина констатировала, что важным рубежом здесь стал конец 1960-х годов, когда болгарское руководство пришло к выводу о необходимости иметь две программы по национальному вопросу – одну для широкого общественного потребления и другую – определяющую направления реальной политики. Оставив эвфемизм «приобщение» в качестве клише для пропагандистских структур, «верхи» взяли четкий курс на «прогрессивную ассимиляцию» болгарских турок, обеспечив себе идеологическую основу в виде ленинских установок о несомненности «исторической прогрессивности ассимиляции великорусского и украинского народов» и о «прогрессивном перемалывании наций в Америке» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 24. С. 28). Итог этого процесса виделся в создании в НРБ единой коммунистической нации на основе болгарского населения. В январе 1974 г. эта задача была подробно обоснована на пленуме ЦК БКП.

Параллельно стремление воспрепятствовать отуречиванию помакского и цыганского населения вызвало к жизни очередную волну его «болгаризации», выразившись в неудавшейся попытке в 1962–1964 гг. сменить турецко-арабские имена помаков (мусульман бол-

гарского этнического происхождения) на болгарские. В начале 1970-х годов была сформулирована также перспектива смена имен среди цыган. Предпринятый в середине 1980-х годов так называемый возрожденческий процесс, апогеем которого стала смена имен болгарских турок, только подтвердил известную последовательность «мусульманской» политики болгарского руководства. Однако, подчеркнула Волокитина, пришедшая на период разрядки международных отношений «болгаризация» помаков не вызвала в международном сообществе столь острой реакции в ответ на нарушения прав человека, как спустя десять лет «возрожденческий процесс», развивавшийся в условиях кризиса «реального социализма» и осязаемой перспективы крушения «живковизма» в Болгарии. Это лишний раз свидетельствует о необходимости внимательного анализа роли и влияния внешнего фактора при изучении вопроса о судьбе турецкого населения в Болгарии.

Чл.-корр. РАН *В.П. Козлов* отметил в дискуссии, что на протяжении нескольких десятилетий Особым архивом осуществлялся возврат документов иностранного происхождения в соответствующие страны, в том числе и в Болгарию. Процесс возвращения документов начался с середины 1950-х годов. Здесь уместно отметить, что В.П. Козлов хорошо знаком с документами Особого архива. Под его редакцией и редакцией нынешнего директора РГВА В.Н. Кузленкова в 2001 г. был опубликован Указатель фондов иностранного происхождения и фондов Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР – первое издание, представляющее фонды бывшего Особого архива. Расширение доступа к документам этого архива, изменение порядка его работы в 1990-е годы потребовали создания краткого официального справочника по фондам архива, отражающего его современное состояние. Указатель фондов бывшего Особого архива состоит из двух разделов. В первый раздел включены фонды, содержащие документы иностранного происхождения, систематизированные по четырем подразделам: 1) фонды, созданные учреждениями и организациями различных европейских государств до поступления в Особый архив; 2) коллекции, сформированные сотрудниками архива из документов, поступивших в архив в виде россыпи; 3) фонды личного происхождения; 4) фонды, переданные в страны их происхождения.

Подводя итоги «круглого стола», В.П. Козлов высоко оценил исследовательскую работу, проделанную участниками проекта, подчеркнув, что все заслушанные доклады представляют несомненный интерес и открывают новые страницы в истории Балканского полуострова.

© 2013 г. *М.М. Фролова*

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Статья А. Тимофеева «СССР и движение Сопротивления генерала Д. Михайловича в годы Второй мировой войны в Югославии», опубликованная в журнале «Славяноведение» (2011. № 3), вызвала живой отклик читателей, в том числе участников народно-освободительной борьбы народов Югославии в 1941–1945 гг. Фрагменты из некоторых читательских писем публикуем в этом номере.

I

Прежде чем написать это письмо, в котором речь пойдет о сербских четниках, скажу, что я (хорват по национальности), являясь интернационалистом, к сербскому народу отношусь с уважением и симпатией – это добрый, сердечный и гостеприимный народ. Но, непримиримо относясь к экстремистам всех мастей, в первую очередь к хорватским и сербским националистам – усташам и четникам, я считал своим долгом отреагировать на неправду, содержащуюся в этой статье.

Я, как, и без сомнения, каждый участник партизанского сопротивления в Югославии, воспринял как личное оскорбление то, что автор вышеуказанной статьи ставит на одну доску заслуги партизан и четников.

Д. Михайлович со своими четниками, и совершенно не важно – из каких побуждений, в течение всей войны самым тесным образом сотрудничал с оккупантами, вместе с ними воевал против партизан. Это подтверждает и сам автор статьи, который пишет, что, по оценке Запада, к концу лета – началу осени 1942 г. накопилось достаточно фактов, свидетельствовавших о координации действий четников и оккупантов в борьбе против партизан.

Слово «координация» звучит достаточно мягко в данном контексте, но суть его ясна – они воевали вместе против общего врага – партизан. И, в то же время, в статье не приводится ни одного факта борьбы четников против войск оккупантов.

Факт, что сегодня в Сербии четники получают пенсии, имеют ряд других привилегий, автор считает достаточным подтверждением их заслуг. Но такие же привилегии имеют и усташи в Хорватии, и легионеры в Латвии, и бендеровцы в Западной Украине. По логике автора и их, видимо, можно назвать участниками сопротивления. Только вот «сопротивлялись» четники, усташи и иже с ними отнюдь не оккупационным войскам.

Автору, вероятно, импонирует тот факт, что Д. Михайлович был ярким антикоммунистом. Может быть, в этом причина защиты его деятельности? Ну что ж, каждый человек может и должен иметь свои убеждения и пристрастия, но при условии, что эти убеждения не мешают ему оставаться объективным в своих исследованиях и выводах.

Приведу некоторые факты, имеющие отношение к четникам и партизанам [...] Сразу после нападения немцев на СССР Тито призвал народ Югославии подняться на борьбу против оккупантов. Его призыв нашел отклик – началась тяжелая, кровавая, героическая борьба патриотов Югославии за свободу. Вначале были созданы небольшие партизанские отряды, которые постепенно крепили в боях и увеличивались численно. В течение войны немцы предприняли семь наступатель-

ных операций против партизан, но после каждой из них, несмотря на невероятные потери, партизанское движение становилось еще сильнее. Партизанские силы росли количественно и качественно. Осенью 1943 г. они имели в своем составе 300 000 бойцов, уже неплохо вооруженных, с хорошим боевым опытом. Партизанские силы были преобразованы в Народно-освободительную армию Югославии (НОАЮ, потом ЮНА – Югославская народная армия), которая к концу войны имела 54 дивизии.

Задачей Д. Михайловича была подготовка и обеспечение условий для возвращения после окончания войны короля и восстановление в Югославии монархии. Но он прекрасно понимал, что при таком развитии событий он свою задачу не сможет осуществить. Крепло и с каждым днем нарастало партизанское движение, а он был вынужден бездействовать и скрываться со своими четниками по горам и лесам. Единственное, что ему оставалось в этих условиях – в зародыше попытаться задуть партизанское движение. С этой целью еще осенью 1941 г. он вступил в преступное сотрудничество с оккупантами и их домашними приспешниками.

Осенью 1941 г. партизанские отряды освободили значительную часть западной Сербии с городом Ужице. Освобожденную территорию назвали «Ужицкой республикой». Вскоре немцы предприняли свое первое наступление на партизан с целью захвата этой территории. К немцам примкнули части генерала Недича, части Лётича и четники Драже Михайловича [...]

Некоторые командиры четников – воеводы, не согласные с политикой Д. Михайловича, по призыву генерала Новаковича воевали вместе с партизанами, обороняя «Ужицкую республику». Одним из первых был воевода Неделькович, который организовал и провел ряд успешных диверсионных актов. Д. Михайлович осудил генерала Новаковича на смертную казнь. Верные Драже четники успели схватить генерала, но в день назначенной казни партизаны его освободили [...]

После падения «Ужицкой республики» в Сербии остались лишь небольшие партизанские отряды. Четники по существу стали здесь хозяевами, терроризировали неугодных им сербов, насильно пополняли свои части крестьянами, занимались грабежом [...]

Усташи и четники, хоть и были между собой заклятыми врагами, совместно боролись против партизан не только по оперативным планам оккупантов, но проводили и самостоятельные совместные акции против них, особенно в Боснии. В середине 1942 г. в Мрконицграде воевода четников Дренович и усташский майор Раткай заключили договор о совместных действиях.

Еще до подписания этого договора было известно, что Дренович и его четники совершили карательную акцию в селе Граде. Они зарезали 70 местных жителей, 18 человек сожгли. Дренович лично заколол одного молодого партизана. В свою очередь Раткай с усташами в окрестностях Мрконицграда сжег девять сербских сел. В селе Подгора было сожжено 160 жителей, в селе Дабрац – 50 и т.д.

Позже, в декабре 1942 г., по представлению Д. Михайловича, король Петар II наградил Дреновича орденом Карагеоргиевича.

В марте 1944 г. я находился в составе специальной партизанской группы в небольшом селе Шибульно, расположенном у подножья горы Велебит, отделенной от моря узкой полосой шоссейной дороги. Договорившиеся между собой усташи и четники внезапно ударили по нам, одни с запада, другие с востока. Здесь они захватили небольшую партизанскую больницу, разграбили и сожгли ее. Несколько ранены, больших и часть персонала, которые не успели уйти, были убиты. Нас они хотели взять в кольцо, но, сопротивляясь, нам удалось уйти в горы. В этой акции участвовали четники попа Джучича, который, по существу, являлся вторым лицом в иерархии четников. Он командовал всеми четниками в нашем крае – Южной Хорватии и Северной Далмации.

Жители села Шибульно были сербами. Ранее, в 1941 г., усташи собрали всех сельчан, около 300 человек, заперли всех в православной церкви и сожгли заживо. И в этом месте четники, называвшие себя сербскими патриотами, договорились с убийцами своих сородичей о совместной борьбе!

Вскоре после этого мы установили связь с начальником штаба батальона четников, бывшим молодым офицером королевской армии Югославии. В это время я находился на должности офицера разведки в штабе III морского сектора партизанского флота. Этот начальник штаба стал для нас ценным источником сведений о четниках, передавал нам доступную ему информацию о немцах и усташах. Позже он перешел к нам с оперативными документами батальона. Он подробно раскрыл ситуацию в рядах четников – об их моральном состоянии, об отсутствии мотивации воевать после потери веры в возможность реставрации монархии и т.д. Часть четников, у которых еще оставались какие-то идеалы, не устраивало сотрудничество с оккупантами. Авторитет Д. Михайловича падал, сведений о ситуации в Сербии они не имели. Все это плюс незавидное материальное положение, скудное и неорганизованное снабжение способствовало бесчинствам и грабежам, превращению их в обычные банды.

Как рассказывал нам наш источник, за время его нахождения в рядах четников ими не был сделан ни один выстрел в сторону оккупантов. Имели место отдельные стычки с усташами в 1942 г. и в начале 1943 г. В то время усташи проводили политику невиданного террора над сербами. Спасаясь от нее, сербы в зависимости от собственных симпатий и условий присоединялись либо к партизанам, либо к четникам. Зачастую сами создавали те или иные отряды.

Судьба перешедшего на нашу сторону четника была трагична – за ним следили и в ноябре 1944 г. он был застрелен из засады.

Говоря о войне в Югославии, нельзя не сказать о лжи и дезинформации, распространяемой в то время СМИ западных союзников. Все успехи партизан в борьбе против оккупантов они приписывали четникам Д. Михайловича. Мы не могли противостоять этому, так как не имели для контрпропаганды ни технических средств, ни возможностей. Такой дезинформации способствовали, в первую очередь, представители союзников при штабе Д. Михайловича. Одним из них был английский капитан Хадсон. Может быть, и он в свою очередь получал недостоверную информацию, но дело не в нем – Запад знал правду, но такая правда была ему не нужна. Антикоммунист Д. Михайлович, несмотря на его сотрудничество с оккупантами, был для Запада и перспективнее, и ближе по духу, чем коммунист Тито с его борцами против фашизма. В действительности же коммунистов в партизанских отрядах был незначительный процент.

Впрочем, даже вещавшая из Москвы радиостанция «Свободная Югославия» в ноябре 1941 г. назвала Д. Михайловича вождем восстания в Сербии. Но вскоре, после объявления резолюции патриотов Черногории, которая осудила Д. Михайловича как предателя, эта радиостанция до конца войны разоблачала его деятельность как пособничество оккупантам.

В конце 1943 г., когда уже нельзя было скрывать правду и партизаны стали силой, с которой должны были считаться все, радио «Лондон» перестало говорить о четниках и Д. Михайловиче. Они больше не представляли из себя какую-либо военную и политическую силу. В апреле 1944 г. Англия отозвала своего представителя при штабе Д. Михайловича.

В феврале 1944 г. Черчилль в своем докладе в нижней палате британского парламента отметил, что партизаны своей героической борьбой удерживали 14 немецких дивизий из 20, имевшихся на Балканах, что их активность нарушила договоры командиров Д. Михайловича с врагами, и что Тито и его партизаны – единственные, кто дает отпор оккупантам в Югославии.

В феврале 1944 г. в Главный штаб ЮНА прибыла советская военная миссия во главе с генералами Корнеевым и Горшковым. Генерал Горшков по возвращению в Москву осенью 1944 г. опубликовал в печати свои впечатления о Югославии, в которых однозначно подтвердил сотрудничество Д. Михайловича с оккупантами.

1944 год стал годом распада сил Недича, Лётича и Михайловича. В Сербии четники из числа насильно мобилизованных крестьян разбежались кто куда. Часть их вступила в ряды ЮНА. Многие были наказаны по заслугам, в том числе арестованы и осуждены на разные сроки, другим удалось бежать – в США, Аргентину, Австралию и другие страны [...]

После амнистии в августе 1945 г. часть заключенных была отпущена по домам, часть снова привлечена к судебной ответственности, кто-то мобилизован в ЮНА. Но до этой амнистии не дожила и половина военнопленных четников и усташей. По некоторым данным, количество жертв составило до 30 000 человек. Более поздние исследования иногда указывают на цифру до 45 000 человек.

Для раздувания страстей и ненависти националисты многократно умножили количество жертв, доведя их до 300 000. Это, естественно, ложь. Тотального истребления всех бежавших не было. Мне это лично подтверждали знакомые и родственники, которым пришлось проделать тот крестный путь.

Драже Михайлович после войны был схвачен, осужден и повешен как военный преступник. Поп Джуич сбежал и нашел убежище в США. Оттуда он руководил подпольным движением четников в СФРЮ и в других странах, раздавал руководителям титулы воевод. Вождь усташей А. Павелич сбежал и обосновался в Аргентине. 10 апреля 1957 г. в день годовщины основания Независимой державы Хорватия (10 IV 1941) на него совершил покушение мститель-одиночка. Из пяти выпущенных им пуль лишь одна попала в Павелича. Пуля застряла близко к позвоночнику, и ее не удалось извлечь. Хотя ранение и считалось легким, оно ускорило его смерть. Павелич скончался в декабре 1959 г. в Мадриде, куда перебрался из Аргентины. Это неудачное покушение сорвало хорошо и долго готовившуюся акцию по захвату и переброске Павелича в Югославию, которая должна была быть проведена буквально через один-два дня после покушения.

В 1990–1991 гг. усташаи и четники хлынули в охваченную войной Югославию. Все бесчинства, которые там творились, были, в основном, делом их рук и рук их последователей. И в настоящее время они разжигают ненависть друг к другу и толкают наши народы к новым конфликтам.

Подводя итог можно сказать, что каждому человеку, мало-мальски знакомому с ситуацией в Югославии времен Второй мировой войны, очевидно, что четники Д. Михайловича воевали против партизан Тито. Очевидно и то, что они не могли воевать то против оккупантов, то вместе с ними.

Нет сомнения, что, как историку, А. Тимофееву это тоже ясно. Остается непонятным, с какой целью ему понадобилось сейчас повторять ту же ложь, которую 70 лет назад несла американская и британская пропаганда. Сегодня заигрывание с четниками, с их «Радикальной партией» Шешеля, к счастью, не может привести к желаемым для некоторых кругов в России результатам.

Последнее слово останется за сербским народом, тернистый исторический путь приведет его к правильному и окончательному выбору.

Не могу не вспомнить здесь и о недавно изданной в Санкт-Петербурге книге о югославах, служивших в ВМФ СССР. Автор – Н. Иванов. Он собрал поистине огромный материал, со многими встречался и брал интервью, как говорится, из первых уст. Говоря обо мне, он использовал чужую информацию. Все бы ничего, если бы он, между остальным, не приписал мне и чужие слова о Д. Михайловиче как о борце против оккупантов. Непонятно, с какой целью он это сделал. Вероятно, он, как и А. Тимофеев, испытывает те же чувства пиетета к Д. Михайловичу.

Ну а что может быть лучшей защитой его деятельности, чем слова бывшего партизана в его поддержку. Оставляю такой прием на его совести.

© 2013 г. *А.С. Аралица*, участник Великой Отечественной войны, бывший югославский партизан

22 января 2012 г.

II

В дополнение к написанному в первом письме скажу, что Дража не был сторонником фашизма, но и антифашистом он не был, как сейчас представляют его в Сербии. Дражу, вероятно, можно отнести к категории беспринципных людей, которые для достижения своих целей не выбирают средств.

По замыслу эмигрантского правительства в Лондоне, четники, которых это правительство рассматривало как свои войска в оккупированной Югославии, не должны были вступать в боевые действия против оккупантов, а сохранять свои силы для удара в решающий момент – во время предполагаемой высадки союзников на Балканах, как уже отмечалось, в интересах сохранения монархии. Наивно было бы полагать, что эмигрантское правительство, да и сам Дража, будучи военным министром этого правительства, не понимали, что это утопия. Разве оккупанты стали бы терпеть нахождение рядом с собою вооруженных частей вражеской армии, имеющей в своем составе более 100 000 человек, которые ждут подходящего момента для удара против них? Это абсурд! Нейтралитет четники не могли долго сохранять.

С возникновением партизанского движения, его постоянного роста и укрепления, им оставалось два пути – либо воевать вместе с партизанами против оккупантов, либо вместе с оккупантами против партизан, которых они воспринимали как препятствие осуществлению своих целей в будущем. Они выбрали второй путь, началось сотрудничество четников с оккупантами, которое продолжалось в течение всей войны. Этот выбор не принес четникам ни желаемой славы, ни чести, а для самого Драже Михайловича окончился трагически.

Первым на службу немецкой армии встал, по решению Дражи, его воевода Коста Печанац со своими четниками. С осени 1941 г., после падения «Ужицкой республики», сотрудничество с оккупантами началось на территории всей Югославии.

Все действия четников были направлены на обеспечение благоприятных условий для создания после войны этнически чистой «Великой Сербии». Сразу после своего сговора с оккупантами, в районах, которые по их планам должны были войти в состав этой «Великой Сербии», четники устроили кровавый террор над несербским населением.

В Хорватии четники не брезговали сотрудничать даже со злейшими врагами сербского народа – усташами, с их властью в так называемой Независимой державе Хорватии (НДХ).

Первые части четников в Хорватии были сформированы в октябре 1941 г. на территории Книнской Краины численностью до 1300 человек, затем в Южной Лике в ноябре 1941 г., численностью до 500 человек. Весной 1942 г. они были объединены в Динарскую дивизию численностью до 3500 человек, которая в конце 1942 г. была усилена четниками из Герцеговины и Боснии общей численностью до 3200 человек [...]

В Книнской Краине, которая после капитуляции Италии входила в состав НДХ, в десяти км от г. Книна в местечке Косово находилась центральная тюрьма-лагерь четников, в которой они содержали пленных партизан, хорватских и сербских антифашистов. За жестокости, творившиеся здесь, за ежедневные расстрелы лагерь

прозвали «вторым Ясеновцем» – усташским концентрационным лагерем, в котором были уничтожены десятки тысяч заключенных [...]

Я писал только о четниках. Еще более непримиримо я отношусь к хорватским усташам, так как к ним у меня личный счет.

А. Аралица

22 июня 2012 г.

III

В статье А. Тимофеева содержится довольно много сведений о движении Д. Михайловича. Я полностью согласен, что это движение нельзя приравнивать к движению хорватского фюрера А. Павелича. Но то, что оно было не только антикоммунистическим, но и коллаборационистским, тому есть немало доказательств. Это их соглашение в Черногории с итальянскими оккупантами о совместной борьбе против партизан, это и их нападение на город Ужице вместе с немецкими оккупантами в ноябре 1941 г. И даже участие четников вместе с фашистскими оккупантами в некоторых наступлениях на партизан [...]

Я родился в Западной Сербии, в небольшом городке Мионица (Валевска), недалеко от Равны горы, где как раз и находился штаб четников Михайловича. В 1940 г., будучи пятнадцатилетним подростком, я поступил на работу учеником в Монетный двор Народного банка Югославии, а вечерами учился в техническом училище. После разгрома Югославии в апреле 1941 г. Белград был оккупирован немцами, введен комендантский час. Помню, 17 августа, идя по главной улице Белграда Теразие, мы с друзьями увидели, что на фонарных столбах повешено пятеро партизан. Таким способом оккупанты хотели запугать жителей Сербии, но добились обратного – численность отрядов Сопротивления стала стремительно расти. Спустя некоторое время и мы стали членами молодежной подпольной антифашистской организации, получали задания, порой очень опасные, и выполняли их в основном в ночное время. Даже находясь на работе, мы вели разведку. Из большого окна нашего цеха была хорошо видна железная дорога, которая вела в южную Сербию и дальше в Болгарию и Грецию. Мы знали, сколько железнодорожных составов с вражескими солдатами и военной техникой проходило мимо, о чем и докладывали старшему.

В начале сентября 1941 г. я находился в Бани Ковиляча, что недалеко от г. Лозница. Задержанные фашистскими оккупантами, мы 12 сентября были освобождены в результате совместной борьбы четников и партизан. Были, таким образом, у коммунистов и четников в то время и совместные акции. Тито прибыл на освобожденную территорию Западной Сербии 18 сентября 1941 г. А на следующий день в деревне Струганик, что недалеко от городка Мионица и Равной горы, встретился с Д. Михайловичем. На переговорах шла речь о совместных действиях против оккупантов. Но, как известно из воспоминаний свидетелей, Михайлович сразу же заявил: «Сейчас начинать борьбу нельзя, поскольку оккупанты уже проводят массовые расстрелы: за одного убитого немецкого солдата расстреливают 100 сербов. Кроме того, Германия сейчас очень сильна и наступает по всему фронту. Поэтому лучше подождать, а пока организовать и подготовить народ к борьбе». Тито на это возразил: «Немцы и их слуги уже проводят массовые расстрелы, и мы считаем, что только вооруженной борьбой можем спасти сербский и другие народы Югославии». На это Михайлович возразил: «Вы воюйте, а мы подождем приказа своего правительства из Лондона. Там и английское правительство и другие союзники. И если они посчитают, что настало время – то поддержим начало борьбы». Так, первая встреча Тито с Михайловичем не дала никаких результатов. Тито понял уже тогда, что стратегия эмигрантского правительства и Михайловича заключается не в борьбе против оккупантов, а в уничтожении народно-освободительного партизанского движения, руководимого коммунистами.

Вторая встреча Михайловича и Тито состоялась 25 октября 1941 г. в деревне Брайичи, тоже недалеко от штаба четников. Однако переговоры об обеспечении единства в борьбе против оккупантов оказались и на этот раз безрезультатными. Достигли лишь соглашения о координации действий, чтобы избежать столкновений между партизанами и четниками. По просьбе четников партизаны передали им 500 винтовок и 24 тысячи патронов. Это была последняя встреча Тито с Михайловичем. Партизанский генерал Павле Якшич в воспоминаниях пишет: «На нашей последней встрече со вчерашними союзниками в борьбе против немецких оккупантов [...] мы поняли, что это конец коалиции и начало гражданской войны между четниками и партизанами».

Проблема отношения четников с британской стороной заслуживает отдельно-го разговора. 26 октября 1941 г. в штаб четников через свободную партизанскую территорию прибыл английский капитан Д.Т. Хадсон. Он передал послание своего командования: англичане рекомендовали Михайловичу приложить усилия для того, чтобы борьба против немцев не превратилась в восстание коммунистов в пользу Советского Союза. Представляет в этой связи интерес заявление премьер-министра Д. Симовича, сделанное после начала войны, 6 апреля 1941 г., в Белграде шефу полиции Бечаревичу: «Хорошо открой глаза и следи за коммунистами и анархистами, чтобы они не использовали эту войну в свою пользу». Что-то похожее было и в послании англичан... Только к концу 1943 г. Англия и США признали партизан Тито как главную антигерманскую силу в Югославии, оказали ей поддержку и отказали в поддержке четнической «королевской армии на родине». В октябре 1944 г. мне пришлось непосредственно участвовать в освобождении Белграда, штурме здания министерства транспорта, где находился какой-то гитлеровский штаб, взятии вокзала, форсировании Савы под ожесточенным обстрелом вражеской авиации, освобождении г. Земуна. При штурме Земуна, когда на встречу шли немецкие танки, нам в который уже раз пришли на выручку русские солдаты со своими противотанковыми пушками. Несколько позже, на Сремском фронте, я был тяжело ранен, стал инвалидом. Только благодаря своевременному вмешательству красноармейского хирурга я избежал тогда ампутации ноги.

Как известно, король Югославии Петр II 29 августа 1944 г. лишил генерала Д. Михайловича прав главнокомандующего и признал маршала Тито единственным руководителем освободительных сил в Югославии. Генерал Д. Михайлович, осужденный и казненный в 1946 г., должен был ответить за сотрудничество с оккупантами, нападения на партизан. Как участник войны, помню, каков был суд у четников. Мой двоюродный брат, унтер-офицер королевской армии, избежавший плена в апрельской войне 1941 г. и вернувшийся в свою деревню, был зарезан на смерть только за отказ присоединиться к войску четников.

К сожалению, в статье А. Тимофеева нет хотя бы краткой исторической справки о происхождении самого термина «четник». Так издавна называли в народе защитников православных сербов, веками страдавших под игом завоевателей-турок. Среди командиров четнического движения в Старой Сербии, находившейся и в начале XX в. под турецкой оккупацией, был и мой родной дядя Живойин Рафайлович. Народ уважал этих людей. Но во время Второй мировой войны четники такого уважения уже не имели. В отличие от четников мы, бойцы Народно-освободительной армии Югославии, твердо знали, от кого надо освобождать свою родину. Мы были и остались антифашистами.

© 2013 г. *В.М. Божич*, подпоручик НОАЮ

25 июля 2011 г.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Căzan I.</i> (Bucharest). The Danubian Principalities as seen by Russian eyewitnesses (from the outbreak of the Napoleonic Wars to the Treaty of Adrianopolis of 1829).....	3
<i>Vinogradov V.N.</i> (Moscow). The triumph and drama of the winner.....	14
<i>Khavanova O.V.</i> (Moscow). To the 130-years jubilee of the Hungarian historian Gyula Szekfű (1883–1955).....	27
<i>Hatos P.</i> (Budapest). Gyula Szekfű in 1945–1955.....	32
<i>Timofeev P.P.</i> (Moscow). Russia and France in the Balkans, 1990–1995.....	44
<i>Sobakina O.V.</i> (Moscow). Fortepiano work of the Polish composers of the first half of the twentieth century in the context of cultural and stylistical processes.....	60
<i>Kozhanov K.A.</i> (Moscow). To the history of exploring the verbal prefixes in the Lithuanian language. Part I.....	70

REPORTS

<i>Arlukevich A.B.</i> (Grodno). Stay of the Russian Guards Units in the North-Western Krai (territory) during the Crimean War (1854–1856).....	80
<i>Grishina R.P.</i> (Moscow). With competence and excitement about the Soviet/Russian-Bulgarian relations in 1944 – the early twenty-first century.....	88

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Zadorozhnyuk E.G.</i> К.В. Никифоров. Сербия на Балканах. XX век.....	101
<i>Hanus S.A.</i> М.М. Криль. Історія країн Центрально-Східної Європи. Навчальний посібник.....	105
<i>Makarisev M.M.</i> В.Н. Федотова. Болгарская музыка XX века в контексте национальной художественной культуры. Очерки.....	109
<i>Polyakov D.K.</i> Д. Подмакова. Освальд Заградник и его предшественники: Долгая история спектакля «Соло для часов с боем».....	113

SCHOLARLY LIFE

<i>Frolova M.M.</i> The «round table» «The Russian and Bulgarian statehoods and the issues of interaction in the nineteenth – twenty-first centuries».....	117
Letters to the Editorial Board.....	121

Сдано в набор 01.02.2013 Подписано в печать 05.04.2013 Дата выхода в свет 20 нечетн.
Формат 70 × 100^{1/16} Цифровая печать Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 2,8 тыс. Уч.-изд.л. 12,0
Бум.л. 4,0 Тираж 263 экз. Зак. 1175 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен АИЦ «Наука» РАН

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

